

A. hydr.

1549

9

A. hydr. 1549⁹

A. hydr. 1549 ²

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

МОРСКИХЪ ПОХОДОВЪ РУССКИХЪ

И МОРЕХОДСТВА ИХЪ ВООБЩЕ

ДО ИСХОДА XVII СТОЛѢТІЯ

А. ВИСКОВАТОВА.

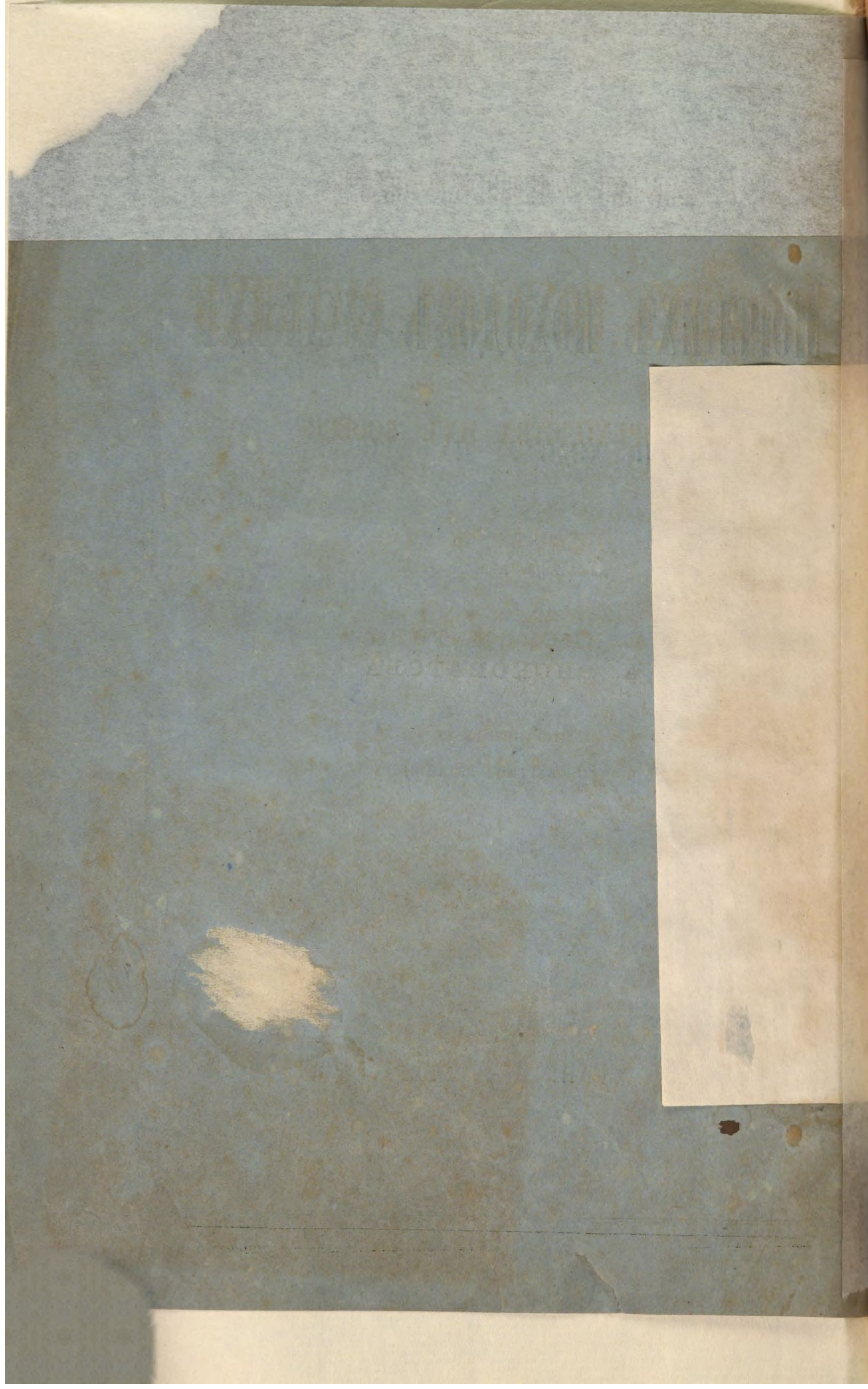
(ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ).

255

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

B

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ
МОРСКИХЪ ПОХОДОВЪ РУССКИХЪ
И МОРЕХОДСТВА ИХЪ ВООБЩЕ

ДО ИСХОДА XVII СТОЛѢТІЯ

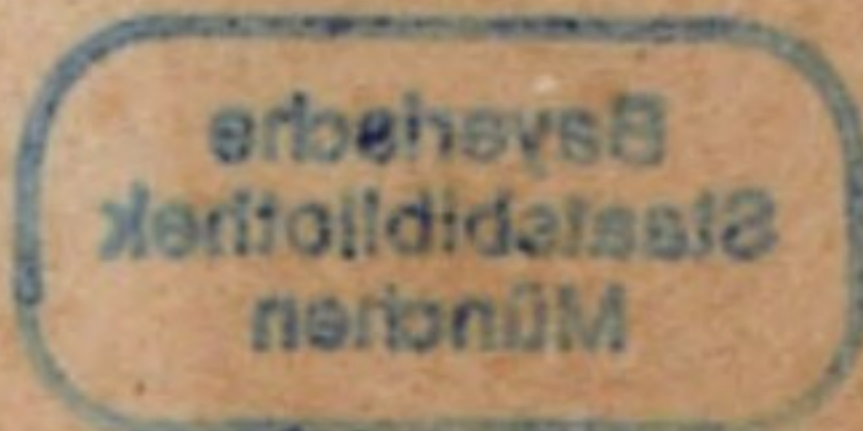
А. ВИСКОВАТОВА.

(ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

1864.

A. hydr. 15492

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБОЗРЪ

МОРЕХОДСТВО И ВОЕННЫЕ

И МОРЕХОДСТВА ИХЪ ВОЕННЫЕ

ИЗДАНО МОРСКИМЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ.
А. ВИСЬКОВАТОВА.

Издано Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.

А. ВИСЬКОВАТОВА.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fg/91/ 50358

Въ числѣ бумагъ поступившихъ въ Морской Ученый Комитетъ послѣ смерти А. В. Висковатова находился предлагаемый очеркъ, частію напечатанный уже въ Морскомъ Сборникѣ (Январь 1856 года).

Трудъ этотъ оставленъ авторомъ въ настоящемъ законченномъ видѣ, такъ что новое изслѣдованіе эпохи, которую онъ обнимаетъ, оказывается не нужнымъ. А потому при разработкѣ исторіи нашего флота отъ самаго начала, предпринятой въ недавнее время, не касались упомянутой эпохи и предлагаемый очеркъ, служа введеніемъ въ исторію нашего флота, издается какъ справедливая дань памяти трудовъ покойнаго.

Въ числѣ дѣлѣхъ поступившихъ въ Морской Ученый Комитетъ
послѣ смерти А. В. Бисмаркова воздѣланы предѣльнымъ образомъ
частію напечатаннымъ уже въ Морскомъ Сводѣ (Январь 1856 года).
Третья часть оставлена въ издѣніи въ издѣніи
видѣ, такъ что новое издѣніе состоитъ изъ одной
оказываетъ не только, а потому, что въ издѣніи
флота отъ сего наизя, издѣніемъ въ издѣніи, не из-
сказъ издѣніемъ издѣніи и издѣніемъ издѣніи, сдѣланы издѣніи
въ издѣніи издѣніи, издѣніи издѣніи издѣніи издѣніи
издѣніи издѣніи.

**КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ МОРСКИХЪ ПОХОДОВЪ РУССКИХЪ
И МОРЕХОДСТВА ИХЪ ВООБЩЕ,**

ДО ИСХОДА XVII-го СТОЛѢТІЯ.

Мореходство у Русскихъ появилось въ одно время съ основа- 862.
ніемъ ихъ государства. Исторія Россіи начинается тѣмъ, что Сла-
вяне Ильменскіе или Новгородскіе, Кривичи, Весь и Чудь, на-
скуча внутренними раздорами и неустройствами, отправили отъ
себя пословъ за море ⁽¹⁾, къ Варяго-Руссамъ приглашать къ
себѣ на княженіе Рюрика съ братьями. Событіе это, по свидѣ-
тельству древнѣйшаго нашего лѣтописца Нестора, послѣдовало въ
862 году.

Племена, призвавшія къ себѣ Рюрика и двухъ братьевъ его,
Синеуса и Трувора, образовали изъ себя государство, подъ име-
немъ *Русской земли*, или *Руси* ⁽²⁾. Народъ ея въ древнихъ
Русскихъ лѣтописяхъ и актахъ именуется *Русь*, *Русины* ⁽³⁾,
въ сказаніяхъ же иностранцевъ *Руссы*, *Россы*, а иногда и
Скифы ⁽⁴⁾.

Первоначальная Русь была не обширна. Соображая, что Нов-
городскіе Славяне жили при Ильменѣ ⁽⁵⁾, Кривичи около вер-
ховьевъ Западной Двины, Днѣпра и Волги ⁽⁶⁾, Весь у Бѣло-
озера ⁽⁷⁾, а Чудь въ Эстоніи и по смежному съ нею побережью
Финскаго залива, до Невы, и далѣе до Ладожскаго озера ⁽⁸⁾,
видимъ, что владѣнія первыхъ Русскихъ князей не вполнѣ обни-
мали пространство нынѣшнихъ губерній: Эстляндской, С.-Петер-
бургской, Новгородской, Псковской и Смоленской. Слѣдовательно
тогдашняя Русь прилегала только къ одному морю: Балтійскому.

864.

Рюрикъ избралъ для своего пребыванія Новгородъ, Синеусу далъ Бѣлоозеро, Трувору—Изборскъ ⁽⁹⁾. Черезъ два года, когда оба младшіе брата умерли, онъ остался одинъ властителемъ Руси ⁽¹⁰⁾.

Дѣйствуя въ завоевательномъ духѣ своихъ единоплеменниковъ, Варяговъ или Норманновъ, Рюрикъ расширилъ предѣлы Руси до Оки, на Востокъ, и до Западной Двины, на югъ ⁽¹¹⁾, но расширение это было только во внутрь страны; для плаванія Русскихъ судовъ оставалось открытымъ все еще одно море: Балтійское. Норманнская предприимчивость не замедлила проложить для него еще путь: въ Черное море.

Въ то время, какъ Рюрикъ уже одинъ властвовалъ на Руси, двое изъ его единоплеменниковъ, Аскольдъ и Диръ, вожди особой дружины, не получившіе никакого участка въ Русской землѣ, отправились, съ согласія Князя, въ Константинополь, чтобы, по примѣрамъ многихъ своихъ соотчичей, Варяговъ, или Норманновъ, вступить въ службу Греческихъ императоровъ. Плывъ по Днѣпру, они увидѣли на берегу его городъ Кіевъ, освободили его отъ власти Хазаръ и, утвердись въ немъ, покорили всю окрестную страну, обитаемую Полянами ⁽¹²⁾. Основавъ, такимъ образомъ, независимое отъ Руси княжество, они не покинули однако первоначальной своей мысли идти къ Царьграду, но уже не для того, чтобы служить Греціи, а съ цѣлю искать въ ней поживы. Собравъ войско и съѣвъ съ нимъ въ Кіевѣ на суда, они пустились внизъ по Днѣпру, вышли въ Черное море, и, къ ужасу и изумленію Грековъ, явились подъ Константинополемъ. Царствовавшій тогда въ Греціи Императоръ Михаилъ III былъ въ отсутствіи, воюя противъ Агарянъ. Извѣщенный объ опасности, онъ съ трудомъ пробрался въ свою столицу, обложенную съ моря неожиданнымъ непріателемъ. Къ счастью Грековъ сдѣлалась буря; большая часть Русскихъ судовъ погибла, и только немногія изъ нихъ съ Аскольдомъ и Диромъ, возвратились, прежнимъ путемъ, къ Кіеву. И историки иноземные и древнѣйшія Русскія лѣтописи, почти всѣ, относятъ это событіе къ 866 году, и почти всѣ показываютъ, что Аскольдъ и Диръ подходили къ Константинополю на 200 судахъ ⁽¹³⁾.

866

Неудача не обезохотила Аскольда и Дира. Въ слѣдующемъ 867. году они явились опять въ Черномъ морѣ, воевали на берегахъ

Греціи, но не доходили до Царьграда. Принявъ предложенный Императоромъ миръ, они получили отъ него въ даръ золото, серебро и шелковыя ткани, и, даже, какъ свидѣлствуютъ Византійскіе историки, крестились въ Христіанскую вѣру ⁽¹⁴⁾.

Съ освобожденіемъ Кіева отъ Хазаръ въ Русской исторіи являют-
ся два отдѣльные государства: Рюриково на сѣверѣ, Аскольдово
и Дирово на югѣ. Новгородъ первенствовалъ въ первомъ, Кіевъ
во второмъ. Географическое положеніе обѣихъ столицъ представ-
ляло тамошнимъ жителямъ большія удобства для мореплаванія.
На Сѣверѣ Волховъ, Ладожское озеро и Нева, а на Югѣ Днѣпръ,
были два пути непрерывныхъ сообщеній съ Балтійскимъ и Чер-
нымъ морями. Первый удобно назвать путемъ Новгородцевъ или
Новгородскимъ, второй — путемъ Кіевлянъ или *Кіевскимъ*.

Новгородскій путь, на всемъ его протяженіи, исключая не-
значительныхъ пороговъ въ Волховѣ и Невѣ, не представлялъ за-
трудненій для судоходства. *Кіевскій*, напротивъ, былъ опасенъ
большими порогами, которые еще и понынѣ составляютъ немало-
важную преграду плаванію по Днѣпру, не смотря, что время
и рука человѣка много ихъ уменьшили. Оба эти пути имѣли
между собою судоходное сообщеніе, которое въ одномъ мѣстѣ
хотя и прерывалось, но не на большое разстояніе. Изъ Балтій-
скаго, или, какъ тогда его называли, изъ *Варяжскаго* моря ⁽¹⁵⁾,
черезъ нынѣшній Финскій заливъ и рѣку Неву, по Ладожскому
озеру, Волхову и озеру Ильмену, суда входили въ рѣку Ловать,
а оттуда были перетаскиваемы, сухимъ путемъ, или *волокомъ*
(отъ слова *волочить*), въ Днѣпръ, непосредственно соединяющійся
съ Чернымъ моремъ. Русскимъ того времени были извѣстны еще
два судоходные пути: по Западной Двинѣ, въ Балтійское, и по
Волгѣ, въ Каспійское море ⁽¹⁶⁾. Занимавшій часть нынѣшнихъ
губерній, Тверской и Смоленской, пространный *Волоковскій лѣсъ*,
гдѣ Двина, Днѣпръ и Возга имѣли свои истоки, или верховья,
и гдѣ протекала Ловать, былъ мѣстомъ, откуда Русскія суда,
по произволу, могли, черезъ волокъ, спускаться въ любую изъ
этихъ четырехъ рѣкъ ⁽¹⁷⁾.

Упомянувъ о Варяжскомъ морѣ, замѣтимъ, что въ древности Финскій заливъ былъ извѣстенъ Русскимъ подъ именемъ *Котлина озера* ⁽¹⁸⁾. Ладожское озеро называлось у нихъ *Нево* или *Невѣ* ⁽¹⁹⁾, а Каспійское море именовалось *Хвалисскимъ*, *Хвалинскимъ* и *Хвалимскимъ* ⁽²⁰⁾.

Кіевская держава, отдѣлявшаяся отъ Новгородской землями независимыхъ Кривичей и Сѣверянъ, имѣвшихъ главными городами Смоленскъ и Любечъ, и по климатическому своему положенію, и по удобству ходить въ Грецію очевидно превосходствовала передъ своею соперницею на Сѣверѣ Руси. Нельзя думать, чтобы Рюрикъ, наслышась объ успѣхахъ Аскольда и Дира, оставался къ нимъ равнодушнымъ, но ему не суждено было соединить въ одно цѣлое страны и племена, находившіяся между Балтійскимъ и Чернымъ морями.

879. Рюрикъ умеръ въ 879 году. За малолѣтствомъ сына его Игоря въ управленіе Русью вступилъ Олегъ, «Норманнъ и умомъ и душою», какъ справедливо выражается о немъ одинъ изъ нашихъ историковъ ⁽²¹⁾. Основательно предпочитая Кіевъ Новгороду, онъ рѣшился переселиться туда, и съ этою цѣлію, въ 882. 882 году, пошелъ къ странамъ Днѣпровскимъ. Покореніе Кривичей и Сѣверянъ было первымъ плодомъ этого похода. Прибывъ, на судахъ, къ Кіеву, Олегъ хитростію выманилъ къ себѣ на свиданіе Аскольда и Дира, и умертвивъ ихъ, безпрепятственно занялъ ихъ городъ, сдѣлавшійся съ того времени столицею всей Руси, «*Матерію городовъ Русскихъ*» ⁽²²⁾.

907. Покоривъ, по занятіи Кіева, всѣ Славянскія племена по Днѣпру до пороговъ и по сопредѣльнымъ къ нему рѣкамъ, Олегъ отправился воевать въ Грецію. Въ 907 году, ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ вторичнаго похода Аскольда и Дира въ Черное море, онъ собралъ многочисленное войско изъ дружинъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ, а также изъ Варяговъ, и пошелъ съ нимъ къ Царьграду. Между тѣмъ какъ конница слѣдовала берегомъ, пѣхота, въ числѣ 80 т. чел., поплыла, на 2000 судахъ, по Днѣпру, и безпрепятственно достигла Босфора. Дѣйствуя въ духъ времени, воины Олеговы разсѣялись по окрестностямъ Византіи и начали опустошать ихъ огнемъ и мечомъ. Входъ въ Константинопольскую

гавань была заграждена цѣпью, но это не остановило смѣлаго и предприимчиваго князя. Велѣвъ вытащить свои суда на берегъ, онъ поставилъ ихъ на колеса, поднялъ паруса и, благопріятствуемый попутнымъ вѣтромъ, пошелъ въ обходъ цѣпи, къ стѣнамъ Царьграда, гдѣ Императоръ Левъ Философъ заперся съ своимъ войскомъ, не смѣя выступить на встрѣчу врагамъ. Такъ говорятъ лѣтописи. Охотно соглашаемся съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что войско Олегово только перетаскивало свои суда по сухому пути, волокомъ, какъ позже, при завоеваніи Константинополя Турками, поступилъ Магометъ II, и что баснословіе вымыслило дѣйствіе парусовъ ⁽²³⁾, но полагаемъ, что тутъ могла быть и истина. Полагаемъ, что суда были поставлены не на колеса, а на катки, какъ это дѣлается и въ наше время, при переволакиваніи судовъ по суху, а паруса, при попутномъ вѣтрѣ, могли быть хорошею помощію. Какъ бы ни было, но походъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Устрашенные Греки предложили Олегу миръ и дань; согласились дать по 12 гривенъ серебра *на ключъ* и сверхъ того, дары на часть княжескихъ посадниковъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ и другихъ городахъ. Условясь съ Греками о взаимныхъ выгодахъ, Олегъ по Норманнскому обычаю, въ знакъ примиренія, повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царьграда ⁽²⁴⁾, и съ богатыми дарами и добычею, возвратился въ Кіевъ ⁽²⁵⁾. Черезъ четыре года, въ 912 году, послы его заключили съ Греками, въ самомъ Константинополѣ, знаменитый *письменный* договоръ, древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ Русской дипломатіи ⁽²⁶⁾. 912.

Послѣ тридцатитрехлѣтняго, славнаго и счастливаго правленія Русью, незабвенный въ ея лѣтописяхъ Олегъ умеръ въ 913 году ⁽²⁷⁾, заслуживъ у своихъ подданныхъ прозваніе *Въщаго*, или мудраго. Распространенная и скрѣпленная въ разномародномъ своемъ составѣ монархія Рюрикова, при Олегѣ слилась въ одно цѣлое, сильное государство, простиравшееся, подъ именемъ Руси: съ запада на востокъ — отъ Карпатскихъ горъ до Оки, а съ сѣвера на югъ — отъ Бѣлоозера до Днѣпровскихъ пороговъ. Два моря, Балтійское и Черное, стали открытыми для плаванія Русскихъ судовъ. 913.

Первый годъ Игорева княженія ознаменовался замѣчательнымъ

событіемъ въ исторіи нашихъ морскихъ походовъ, событіемъ хотя умалчиваемымъ нашими отечественными лѣтописями и только

слегка упоминаемымъ Византійскими писателями, но ясно и вѣроподобно передаваемымъ историками Восточными. Говоримъ о первомъ походѣ Русскихъ, или Руссовъ, въ Каспійское море.

Въ концѣ 913 года, вѣроятно наслышась о богатствахъ, привозимыхъ изъ-за Каспійскихъ странъ, въ Итилъ или Атилъ, столицу Хазаріи и средоточіе всей торговли сѣверо-востока Европы съ Персіею, Индіею и Аравіею, Руссы, въ числѣ 50 т. человекъ, на 500 судахъ, предприняли походъ въ Каспію. Собравшись, какъ надобно полагать, на Днѣпрѣ, весь этотъ флотъ, мимо береговъ Тавриды, чрезъ Воспоръ или Керченскій проливъ, поднялся въ Донъ, и у нынѣшней Качалинской станицы, по волоку, спустился въ Волгу. Отсюда, обѣщавъ Хазарскому государю или Кагану, за пропускъ чрезъ его владѣнія, половину будущей добычи, Руссы вошли въ Каспійское море, разсѣялись по юго-западнымъ его берегамъ и предались грабежу и всякаго рода опустошеніямъ. Одни только жители Дагестана были пощажены, потому что состояли подъ властію, или подъ покровительствомъ Хазаръ, съ которыми Руссы не желали нарушить мира. Насытивъ кровопролитіемъ, пожарами и несмѣтною добычею, въ вещахъ и людяхъ, побѣдители прекратили на время свои набѣги и удалились къ островамъ, лежащимъ противъ Бакинскаго берега.

Появленіе непріятеля на водахъ, гдѣ до того времени ходили только суда купцовъ и рыболововъ, удивило и ужаснуло всѣ племена, сосѣдственные съ раззоренными странами. Скоро, однакоже, удивленіе и страхъ уступили чувству мести. Оскорбленные неожиданнымъ нашествіемъ, народы вооружились и пошли, на судахъ, отыскивать нарушителей ихъ покоя. Руссы встрѣтили ихъ у острововъ, разбили, разсѣяли и, ободренные успѣхомъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ пробыли въ Каспійскомъ морѣ, продолжая жечь и грабить селенія и забирать плѣнныхъ. Утомясь, наконецъ, отъ своихъ набѣговъ, они начали готовиться къ возврату въ отечество и отправили къ Кагану условленную долю награбленнаго, но тутъ ожидали ихъ бѣдствія. Жившіе въ Ха-

зарской землѣ Мусульмане, бывъ раздражены несчастіями, постигшими ихъ единовѣрцевъ, вооружились и стали при Волжскихъ устьяхъ. Увидѣвъ непріятеля, Руссы вышли изъ судовъ на берегъ, и вступили въ бой, но послѣ трехдневнаго кровопролитія, частию пали подъ мечами Мусульманъ, частию же потонули въ Волгѣ. Только 5 т. человекъ, избѣжавъ гибели, успѣли спастись на лѣвый берегъ рѣки, но и они были вскорѣ истреблены Болгарами и Буртасами, чрезъ земли которыхъ имъ лежалъ обратный путь на родину.

Такъ, только съ большими подробностями, описываетъ этотъ походъ одинъ изъ славнѣйшихъ историковъ Востока, Имамъ Абуль-Хасанъ-Али, извѣстный подъ именемъ Массуди и жившій въ X столѣтіи ⁽²⁸⁾.

Въ 935 году Русскія суда ходили съ Греческимъ флотомъ, въ Италію ⁽²⁹⁾, а черезъ девять лѣтъ Игорь является врагомъ и опустошителемъ Греціи. 935.

Въ 941 году, вѣроятно увлекаясь желаніемъ корысти, Игорь нарушилъ слишкомъ-тридцатилѣтній миръ съ Византійскою имперіею, и посадивъ войско на суда, вошелъ съ ними въ Черное море. Дунайскіе Болгары, въ то время союзные Грекамъ, дали въ Царьградъ вѣсть о появленіи Русскаго флота, но Игорь успѣлъ высадить на берегъ свои дружины прежде чѣмъ Греки приняли какія либо мѣры обороны, и безнаказанно жегъ, грабилъ и разорялъ окрестности Царьграда. Занятый войною съ Сарацинами въ Средиземномъ морѣ, Греческій флотъ не могъ прибыть для отраженія непріятеля, такъ неожиданно появившагося, но наконецъ подоспѣло къ столицѣ, съ разныхъ сторонъ, войско, а Протовестіарій Теофанъ вышелъ въ море съ небольшимъ числомъ кораблей, остававшихся въ Константинополѣ. Онъ напалъ на Русскія суда, стоявшія въ готовности къ бою по сѣверную или Европейскую сторону Босфора, и разстроилъ ихъ дѣйствіемъ *Греческаго огня*, истребительнаго состава, до того времени неизвѣстнаго нашимъ предкамъ, и показавшагося имъ, по словамъ лѣтописца, «небесною молніею». Видя часть своего флота сожженною, Игорь повелъ остальную къ Малой Азіи, вышелъ на берегъ, началъ опустошать Вифинію, но, настиг- 941.

нутый и разбитый войсками Грековъ, принужденъ былъ съѣсть на суда и удалиться на противоположный берегъ, въ Воспоръ Киммерійскій, нынѣшній Керченскій проливъ. Здѣсь принужденъ онъ былъ еще разъ выдержать бой съ непріятельскимъ флотомъ, приведеннымъ Теофаномъ, и снова побѣжденный, съ большимъ урономъ, въ судахъ и людяхъ, возвратился въ Кіевъ. Пребываніе его въ Черномъ морѣ продолжалось отъ Іюня до Сентября ⁽³⁰⁾.

Историки, описывающіе этотъ походъ, несогласны между собою въ числѣ судовъ, бывшихъ у Игоря. Большая часть показываютъ 10,000, нѣкоторые 15,000, а иные только 1000. Едва ли когда можно будетъ дойти до истины ⁽³¹⁾.

Неудача не охладила Игоря. Болѣе года набиралъ онъ многочисленное войско, изъ племенъ подвластной ему Руси, призывалъ Варяговъ изъ-за-моря; нанялъ Печенѣговъ, обитавшихъ при
943. Днѣпрѣ, ниже пороговъ, и въ 943 году опять появился въ Черномъ морѣ, отправивъ, въ то же время, берегомъ, по примѣру Олега, конницу. Корсуняне, обитатели нынѣшняго Крыма, дали знать въ Царьградъ, что *«Русскіе корабли безъ числа покрыли собою море»*. Не желая подвергнуть свои владѣнія такимъ же бѣдствіямъ, какія они испытали въ предшествовавшіе набѣги Русскихъ, Греческій Императоръ Романъ спѣшилъ предупредить Игоря предложеніемъ мира. Послы Византійскіе встрѣтили Русскаго Князя при устьяхъ Дуная, съ дарами и съ обѣщаніемъ заплатить дань, равную дани, полученной Олегомъ. Предпочитая вѣрную выгоду невѣрному успѣху оружія, съ чѣмъ согласно было и войско, Игорь принялъ дары и возвратился въ Кіевъ ⁽³²⁾. Желая обезопасить себя отъ подобныхъ вторженій
944. на будущее время, Греки, въ слѣдующемъ 944 году, заключили съ Игоремъ мирный договоръ. Онъ состоялъ, также какъ и главный договоръ Олеговъ, изъ письменныхъ, но далеко не столь выгодныхъ для Русскихъ, условій. Можно сказать, что они были написаны исключительно въ пользу Грековъ ⁽³³⁾.

Игорь скончался въ 945 году, умерщвленный Древлянами, не свершивъ ничего славнаго для своего государства, и правленіе

его замѣчательно почти только одними походами нашихъ предковъ въ моря Черное и Каспійское.

Въ 943 году, томъ же самомъ, когда Игорь совершилъ свой первый набѣгъ на Грецію, берега Каспійскаго моря, по свидѣтельству Восточныхъ писателей, подверглись вторичному нападенію того народа, который вооруженною рукою посѣтилъ ихъ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ. Въ это время сильная рать Русовъ, неизвѣстно какимъ путемъ, пробравшись въ Сѣверный Дагестанъ, вознамѣрилась проникнуть до Берды, — тогда славной и богатой столицы Аррана, а нынѣ бѣднаго мѣстечка, на правомъ берегу рѣки Куры, верстахъ въ семидесяти отъ Елисаветполя⁽³⁴⁾. Остановленные у Дербента сильными укрѣпленіями, построенными его жителями противъ нападеній сосѣдственныхъ племенъ, Руссы сѣли у Дагестанскаго берега, на суда; спустясь къ югу, мимо Аншеронскаго полуострова, дошли до устья Кура, поднялись этою рѣкою вверхъ, и достигли желаемого мѣста. Разбивъ встрѣтившее ихъ войско, они заняли Берду безпрепятственно, но вскорѣ, бывъ оскорблены ея жителями, большую половину ихъ умертвили, а остальныхъ взяли въ плѣнъ.

Бѣдствіе Берды возбудило участіе во всѣхъ Мусульманскихъ народахъ Кавказа и произвело между ними общее возстаніе. Правитель Азербайджана Могаммедъ-Ибнъ-Мусафиръ выступилъ противъ Руссовъ, съ тридцатитысячнымъ войскомъ, но былъ разбитъ ими. Послѣ этого покорители Берды долго оставались въ покоѣ, сдѣлавъ только одинъ набѣгъ: на окрестности города Мераги, близъ Тебриза; но неумѣренное употребленіе плодовъ и благоразумныя мѣры Могаммеда, осадившаго Руссовъ въ Бердѣ, принудили ихъ отказаться отъ сдѣланнаго завоеванія. Истощенные болѣзнями и тѣснимые непріателемъ, они выступили изъ Берды, съ награбленными сокровищами; безпрепятственно достигли Кура и, сѣвъ на ожидавшія ихъ тамъ суда, удалились. Могаммедъ не препятствовалъ ихъ отступленію⁽³⁵⁾.

Куда и какъ пошли Руссы отъ Кура, достигли ли они своего отечества, и гдѣ именно добыли въ Каспійскомъ морѣ суда, историки умалчиваютъ. Неизвѣстно также откуда приходили они оба раза: т. е. были ли это Руссы Кіевскіе, Руссы Новгород-

еже, или тѣ и другіе, соединившіеся для одной и той же цѣли? Всѣ эти вопросы еще ждутъ разрѣшенія.

- Но не одинъ духъ грабительства завлекалъ Русскихъ въ эти отдаленныя воды. Они ходили туда также для торговли, и съ этою цѣлю, въ X столѣтіи, посѣщали не только низовья Волги, но и юго-западные берега Каспійскаго моря; точно такъ, какъ являлись они мирными купцами въ Греціи, послѣ дѣланныхъ ими въ ней погромовъ ⁽³⁶⁾.
- Пораженія, понесенныя Русскими на берегахъ Волги и Кура, нашли мстителя въ лицѣ Игорева преемника, Святослава. Совершивъ въ 964 и 965 годахъ, походъ къ берегамъ Оки, Волги и Дона, онъ разбилъ Болгаръ, Буртасовъ и Хозаръ, овладѣлъ Хазарскимъ городомъ Саркеломъ, или Бѣлою Вежею, лежавшимъ на Дону, ниже устья Медвѣдицы ⁽³⁷⁾; опустошилъ всю страну до Семендера (нынѣшняго города Тарки или Тарху, въ Дагестанѣ) и покорилъ многія, сильныя племена Кавказа. Въ это же время, какъ полагаютъ, Святославъ завоевалъ владѣнія Хазаръ на восточномъ берегу Азовскаго моря, составившія потомъ знаменитое въ Русской исторіи Тмутараканское княжество. Потрясши въ основаніи славную и сильную Хазарскую державу, онъ побѣдилъ, въ 966 году, подвластныхъ ей Вятичей, и возвратился въ отечество для новыхъ подвиговъ ⁽³⁸⁾.
- Послѣ вторичнаго Игорева похода въ Черное море, Русскіе долго сохраняли миръ съ Греками, и даже находились въ ихъ службѣ. Такъ, въ 946 году, многихъ крестившихся Руссовъ видѣли во дворцѣ Византійскомъ, въ числѣ Императорской стражи ⁽³⁹⁾; въ 949 году, на Греческомъ флотѣ, посланномъ къ острову Криту, считалось болѣе 600 Русскихъ воиновъ, и въ числѣ кораблей этого флота девять были Русскіе ⁽⁴⁰⁾; въ 960 и 961 годахъ, при покореніи Крита, Руссы составляли часть войска, предводимаго Греческимъ полководцемъ Никифоромъ Фокою ⁽⁴¹⁾; въ 962 году, это же войско, — слѣдовательно и находившіеся въ немъ Руссы, — сражалось въ Сиріи ⁽⁴²⁾; наконецъ, въ 964, Руссы упоминаются въ числѣ Греческихъ наемниковъ, воевавшихъ въ Сициліи противъ Сарациновъ ⁽⁴³⁾. Впрочемъ, это не единственные и не первые примѣры служенія Русскихъ въ рядахъ Византійскихъ

войскъ и на Византійскомъ флотѣ. Выше упомянуто, что въ 935 году Русскія суда участвовали въ морскомъ походѣ Грековъ въ Италію, но въ 902 году, 700 *Руссовъ* были на службѣ въ Греческомъ флотѣ и получали изъ императорской казны сто литръ золота ⁽⁴⁴⁾.

При Игоревомъ преемникѣ Святославѣ послѣдовалъ *шестой* походъ Русскихъ въ Черное море, но на этотъ разъ онъ простирался не далѣе Дуная. Въ 967 году, по приглашенію Грековъ, Русское войско, подъ личнымъ предводительствомъ Святослава, вышло на судахъ, изъ Днѣпра, вступило въ Дунай, чрезъ Сулинскій рукавъ, называвшійся въ то время Селиною ⁽⁴⁵⁾, и въ короткое время завоевало тамошнюю Болгарію ⁽⁴⁶⁾. Побѣдитель избралъ для своего пребыванія городокъ Преславу, и по нынѣ сохранившій это имя у Болгаръ, а Турками называемый Ески-Стамбуль. Онъ лежитъ къ сѣверу отъ Балканскихъ горъ, на впадающей въ Черное морѣ рѣкѣ Вранѣ ⁽⁴⁷⁾. Вскорѣ, однакоже, вѣсть объ осадѣ Кіева Печенѣгами заставила Святослава, со всѣмъ войскомъ и флотомъ, спѣшить на освобожденіе своей Русской столицы. Онъ прибылъ туда уже по удаленіи непріятелей, и хотя тогда же намѣревался возвратиться въ Болгарію, но былъ удержанъ просьбами своей матери, славной именемъ и дѣлами, Ольги ⁽⁴⁸⁾. И благорастворенный климатъ и выгодное положеніе Преславы, куда, по словамъ Нестора, влагаемымъ въ уста Святослава, стекались всѣ земныя блага: изъ Греціи золото, ткани, вина, плоды; изъ Богеміи и Венгріи—серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и невольники,—все это заставляло Русскаго князя полюбить Преславу и предпочесть ее Кіеву, гдѣ онъ оставался поневолѣ ⁽⁴⁹⁾.

Въ 970 году, по кончинѣ Ольги, Святославъ отправился снова, изъ Днѣпра, чрезъ Дунай, въ Болгарію. Онъ полагалъ войти въ нее безпрепятственно, какъ въ землю ему подвластную, но былъ встрѣченъ ея жителями непріязненно. Оставалось прибѣгнуть къ оружію. Болгары были побѣждены и взятая приступомъ Преслава вторично сдѣлалась столицею Святослава ⁽⁵⁰⁾, *срединою ея государства* ⁽⁵¹⁾.

Убѣдившись, что Святославъ намѣренъ на всегда утвердиться въ Болгаріи, Греки увидѣли какъ много они ошиблись, призвавъ его въ сосѣдственную съ ними страну. На требованіе ихъ очистить Болгарію, Святославъ отвѣчалъ угрозою взять Царьградъ и прогнать ихъ самихъ въ Азію ⁽⁵²⁾. Воцарившійся въ то время въ Греціи Императоръ Іоаннъ Цимисхій началъ готовиться къ войнѣ, но Святославъ спѣшилъ предупредить его, и съ войскомъ изъ Русскихъ, Болгаръ и Венгровъ, побѣдоносно прошелъ за Балканы, до Адрианополя и Филиппополя ⁽⁵³⁾. Уже дружины его шли на Царьградъ, когда устрашенный Цимисхій склонилъ его къ прекращенію войны дарами, обѣщаніемъ дани и обнадеженіемъ въ скоромъ заключеніи мира. Мужественный, но излишне довѣрчивый, Святославъ положился на слова Грековъ; вышелъ изъ Оракіи, незанявъ тѣснинъ Балканскихъ, и оставя слабый отрядъ, подъ начальствомъ воеводы Сфенкала, въ Преславѣ, а главныя свои силы въ Македоніи, самъ, съ остальнымъ, немногочисленнымъ войскомъ, пошелъ къ Дунаю, въ Дристру или Доростолъ (нынѣшнюю Силистрію) ⁽⁵⁴⁾. Здѣсь, какъ надобно полагать, стояли суда Святослава, и отсюда могъ онъ, посредствомъ Дуная, имѣть скорѣйшія и ближайшія сношенія съ Русью.

971. Греки не замедлили обнаружить свое вѣроломство. Весною 971 года Цимисхій, съ сильнымъ ополченіемъ подошелъ къ Преславѣ, окружилъ ее и взялъ приступомъ. Русскіе заперлись во дворцѣ, но когда онъ былъ зажженъ непріятелями, они вышли изъ него, вступили съ осаждающими въ жестокой бой и, одоленные численнымъ превосходствомъ, почти всѣ пали подъ мечами. Весьма немногіе, между ними и Сфенкаль, успѣли спастись и пробиться къ Доростолу ⁽⁵⁵⁾.

Узнавъ о происшедшемъ и лихась союзниковъ, изъ которыхъ одни, Венгры, были еще прежде разбиты Греками, а другіе, Болгары, передались Императору, Святославъ выступилъ, но не подспѣлъ, на помощь Преславѣ, и недалеко отъ Доростола встрѣтился съ шедшимъ противъ него Цимисхіемъ. Завязалась кровопролитная битва, по сказанію историковъ двѣнадцать разъ склонявшаяся въ пользу то одной, то другой стороны, но, на-

конецъ, многочисленность и искусство одержали верхъ. Разбитый Святославъ отступилъ и заперся въ Доростолѣ (⁵⁶).

Цимисхій обложилъ Святослава съ сухаго пути, и въ то же время Греческій флотъ, изъ 300 судовъ, вошедъ въ Дунай, пресѣкъ Русскимъ судамъ выходъ въ море, слѣдовательно и сообщеніе съ Днѣпромъ. Святославъ принялъ всѣ мѣры къ оборонѣ Доростола: обвелъ его рвомъ, дѣлалъ отчаянныя вылазки и въ одну темную, бурную ночь, посадивъ двѣ тысячи воиновъ на стоявшія при Доростолѣ свои суда, отправилъ ихъ добывать съѣстные припасы, въ которыхъ осажденные терпѣли большой недостатокъ. Не смотря на присутствіе непріятельскаго флота, отрядъ безпрепятственно забралъ хлѣбъ въ придунайскихъ селеніяхъ, сдѣлалъ, на обратномъ пути, въ нѣсколькихъ мѣстахъ высадки, истребилъ множество Грековъ и счастливо пришелъ въ Доростолъ. Но этотъ успѣхъ уже былъ послѣдній. Послѣ слишкомъ-двухмѣсячной осады, стѣсняемый болѣе и болѣе получавшими подкрѣпленія врагами, Святославъ рѣшился на послѣднее средство: пробиться силою, или погибнуть сражаясь. При этомъ то случаѣ сказалъ онъ малочисленной своей дружинѣ, тѣ знаменитыя слова, которыя, передаваясь, въ теченіи почти девяти вѣковъ, отъ одного поколѣнія къ другому, сдѣлались драгоцѣннымъ достояніемъ нашей исторіи, достояніемъ не разъ послѣ того одушевлявшимъ Русскія войска, въ минуты крайнихъ опасностей. Кому на Руси не извѣстны эти безсмертныя слова Князя-витязя, переданныя намъ нашею древнѣйшею лѣтописью: «не посрамимъ землю Русскію, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ» (⁵⁷).

Великодушное мужество должно было уступить несоразмѣрному 971.
превосходству въ силахъ. Юля 22-го, подъ стѣнами Доростола, Святославъ вступилъ въ отчаянный бой съ войсками Императора. Долго успѣхъ казался сомнительнымъ, но наконецъ Русскіе должны были первые прекратить сраженіе, особенно когда густыя облака пыли, гонимые имъ прямо въ лицо поднявшимся съ юга сильнымъ вѣтромъ, почти ослѣпляли ихъ и препятствовали имъ свободно дѣйствовать. Самъ Святославъ былъ раненъ. Убѣжденный въ невозможности одолѣть силу силою и лишенный всѣхъ средствъ

продолжать упорную, неравную борьбу, онъ потребовалъ мира: иначе ему нельзя бы было возвратиться въ отечество потому, что Греки не замедлили бы сжечь суда его, стоявшія въ Дунаѣ, какъ нѣкогда сожгли они флотъ Игоревъ. Цимисхій согласился съ радостію и заключилъ съ Святославомъ договоръ, въ слѣдствіе котораго Русскіе обязывались не воевать ни противъ Восточной Имперіи, ни противъ Болгаріи, а Цимисхій согласился не препятствовать возвращенію ихъ, Дунаемъ, въ Кіевъ, обязуясь считать друзьями всѣхъ Русскихъ, которые будутъ пріѣзжать въ Царьградъ для торговли. По утвержденіи мира онъ надѣлилъ Русское воинство съѣстными припасами и имѣлъ свиданіе съ Святославомъ, на берегу Дуная, между своимъ станомъ и Доростоломъ. Императоръ былъ на конѣ, въ позлащенныхъ доспѣхахъ, окруженный богато-одѣтыми всадниками; Святославъ, въ простой, бѣлой одеждѣ, сидѣлъ въ челнѣ, гребя весломъ, наравнѣ съ прочими ⁽⁵⁸⁾. Такъ предсталъ предъ Византійцевъ герой Руси, столько прославившійся между своими современниками и обезсмертившій свое имя въ потомствѣ.

Примирясь съ Цимисхіемъ, Святославъ съѣлъ, съ остаткомъ своего войска, на суда, и поплылъ въ Днѣпръ. Тамъ, по обоимъ берегамъ, начиная отъ Витичева, въ пятидесяти верстахъ ниже Кіева, вплоть до Лимана и далѣе, почти до самаго Дуная, кочевали дикіе, хищные Печенѣги ⁽⁵⁹⁾. Одинъ изъ опытнѣйшихъ сподвижниковъ Святослава, Свѣнальдъ или Свѣнелдъ, бывший воеводою еще при Игорѣ, совѣтовалъ князю возвратиться степью, на коняхъ, а не подвергаться опасности въ Днѣпровскихъ порогахъ, гдѣ Печенѣги, извѣщенные о богатой добычѣ, съ которою Русскіе возвращались, по другимъ же свѣденіямъ недовольные заключеніемъ мира съ Греками, удобнѣе нежели въ полѣ, могли напасть на Русскихъ. Святославъ отвергъ совѣтъ и пошелъ водою. Подойдя къ порогамъ, онъ долженъ былъ, по причинѣ ли раннихъ морозовъ, по причинѣ ли собравшихся въ большихъ силахъ Печенѣговъ воротиться и перезимовать въ устьѣ Днѣпра. Воспользовавшись этимъ временемъ, чтобы собраться еще въ большихъ силахъ, весною 972 года Печенѣги напали въ порогахъ, на истомленную голодомъ дружину Русскихъ, и умертвили самого Святослава.

Небольшое число уцѣлѣвшихъ отъ побоища было приведено въ Кіевъ Свѣнелдомъ ⁽⁶⁰⁾.

Таковъ былъ исходъ великаго предпріятія Святославова, имѣвшаго цѣлю утвердить Русское владычество на берегахъ Дуная, и распространить его далѣе, можетъ быть до Босфора и Дарданеллъ. Дѣйствія Святослава приводятъ къ заключенію, что онъ замышлялъ соединить въ одно цѣлое великій родъ Славянъ. И каковы были бы послѣдствія, если бы еще въ то время, въ X или XI вѣкѣ, Русь стояла въ головѣ славянскаго союза, въ головѣ многихъ милліоновъ одного говора, одинакой вѣры и тѣхъ же обычаевъ и нравовъ?» какъ выражается одинъ изъ полезныхъ дѣятелей на поприщѣ Русской исторіи ⁽⁶¹⁾. «Средоточіе и огромная сила всего Славянскаго народа», говоримъ его же словами, «были бы въ срединѣ Европы, а не на крайнемъ востоко-сѣверѣ. Такая монархія занимала бы двѣ трети Европы, и тогда не Словене были бы онемѣчены, а напротивъ нѣмцы ославлены ⁽⁶²⁾».

Двукратный походъ Святослава въ Дунай безспорно принадлежитъ къ самымъ блестящимъ морскимъ походамъ Русскихъ, и по цѣли, и по первоначальнымъ успѣхамъ, и по примѣрамъ самаго доблестнаго мужества. Историки много противорѣчатъ одинъ другому въ показаніи числа воинства Святославова, и не говорятъ ни слова о числѣ судовъ, бывшихъ у него въ оба похода. Если допустить ближайшій къ истинѣ, на соображеніяхъ основанный, выводъ, что въ 970 году собственно *Русскіе*, не считая присоединившихся къ нимъ потомъ Болгаръ и Венгровъ, вошли въ Дунай въ числѣ неболѣе 10 т. человекъ ⁽⁶³⁾; что суда ихъ были такія же какъ при Игорѣ, Олегѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, и что, какъ достоверно извѣстно, на каждомъ изъ Олеговыхъ судовъ помѣщалось по 40 воиновъ ⁽⁶⁴⁾, то флотъ Святославовъ простирался до 250 судовъ, то есть былъ немногимъ сильнѣе флота Аскольда и Дира. Таково же, вѣроятно, было и морское ополченіе Игоря. Флотъ Олега могъ быть исключеніемъ, могъ быть несравненно многочисленнѣе, судя по тому огромному набору войска, о какомъ говорятъ древнѣйшія изъ Русскихъ лѣтописей ⁽⁶⁵⁾. И ненадобно было первымъ нашимъ князьямъ являться на водахъ Чернаго моря съ большимъ числомъ судовъ, когда мы

знаемъ изъ исторіи, что въ тѣхъ же столѣтіяхъ Норманны съ малыми средствами совершали великіе подвиги. Такъ, въ 820 году; на *тридцати* судахъ они опустошили всю западную часть Франціи ⁽⁶⁶⁾; въ 841-мъ, на *шестидесяти семи* судахъ, вошли въ Луару, взяли приступомъ Нантъ и долго производили набѣги и грабежи по всей Бретаніи ⁽⁶⁷⁾; въ 845-мъ, на *сто двадцати* судахъ, явились въ Сенъ, овладѣли Парижемъ, Бове и другими городами, и взяли съ Французскаго короля Карла Лысаго, 7 т. фунтовъ серебра (болѣе полумилліона нынѣшнихъ франковъ) оккупу ⁽⁶⁸⁾; нѣсколько позже на *ста* судахъ, ходили изъ Франціи въ Средиземное море, грабили и опустошали берега Испаніи и сѣверной Африки, завоевали острова Балеарскія и простерли свои успѣхи до верхней Италіи ⁽⁶⁹⁾; въ 861-мъ, на *двухъ стахъ* судахъ, были въ Сенъ и громили всю сѣверную Францію ⁽⁷⁰⁾; въ 866-мъ, повторили это же самое, на *пятидесяти* судахъ ⁽⁷¹⁾; въ 988-мъ, только на *семи* судахъ, вышли на берега Кента, въ Англіи, и овладѣли островомъ Тенетомъ ⁽⁷²⁾; въ 1002-мъ, на *восемьдесят*и судахъ, входили въ Темзу, овладѣли обоими берегами этой рѣки и заставили Англійскаго короля Этельрида деньгами откупиться отъ дальнѣйшихъ раззореній ⁽⁷³⁾. Если сообразить, что на малыхъ Норманскихъ судахъ находилось по 12-ти, а на большихъ — по 20-ти гребцовъ ⁽⁷⁴⁾, то они были не огромныхъ размѣровъ и помѣщали на себѣ немного людей, какъ и суда нашего вѣщаго Олега ⁽⁷⁵⁾. Безграничная отвага, умѣнье пользоваться обстоятельствами и опытность въ мореходствѣ, — вотъ главные причины успѣха этихъ, едва не баснословныхъ, походовъ.

По смерти Святослава миръ между Русскими и Греками не былъ нарушаемъ въ теченіи семнадцати лѣтъ. Въ 988 году Великій Князь Владиміръ Святославичъ пошелъ съ войскомъ, на судахъ, изъ Кіева къ Корсуню или Греческому Херсонесу, богатому торговому городу въ южной части Тавриды, подлѣ нынѣшняго Севастополя. Высадивъ на берегъ свое войско, Владиміръ обложилъ городъ и, перекопавъ водопроводы, принудилъ жителей къ сдачѣ. Овладѣвъ Корсуномъ, который хотя и не платилъ дани Грекамъ, но признавалъ надъ собою власть ихъ государей, Русскій Князь отправилъ пословъ къ Императорамъ

Василію и Константину, требовать для себя руки ихъ сестры, Анны. Политика заставила согласиться на требованіе, и первымъ послѣдствіемъ пріѣзда царевны въ Корсунь, было обращеніе Владиміра въ христіанскую вѣру. Въ стѣнахъ Херсонеса, въ церкви Св. Василя, совершилось это великое для Руси событіе. Вскорѣ послѣдовалъ бракъ и Великій Князь, возвратясь, на судахъ же, въ Кіевъ, крестилъ весь народъ свой ⁽⁷⁶⁾. Такъ, мирно, безъ явнаго насилія, безъ упорной борьбы съ язычествомъ ⁽⁷⁷⁾, водворилось въ нашемъ отечествѣ святое Православіе.

Походъ къ Херсонесу былъ уже *восьмой*, предпринятый Русскими въ Черное море въ теченіи ста двадцати двухъ лѣтъ ⁽⁷⁸⁾.

Послѣ Владимірова нашествія на Херсонесъ, Рускіе, еще болѣе прежняго сблизясь съ Греками союзомъ царственного родства и единствомъ Вѣры, помогали имъ въ завоеваніи Тавриды и Болгаріи, куда, конечно, они отправлялись не иначе, какъ изъ Днѣпра, чрезъ сѣверную часть Чернаго моря, а нѣкоторые вооруженною рукою проложили себѣ путь, чрезъ Константинопольскій проливъ, Мраморное море и Дарданеллы, въ Архипелагъ, до острова Лемноса ⁽⁷⁹⁾. Послѣднее правдоподобно, послѣ тѣхъ далекихъ и смѣлыхъ плаваній, которыя Русскіе совершали подъ стѣны Царьграда и въ Каспійское море.

Въ 1043 году, при сынѣ Владиміровомъ, Ярославѣ 1, загорѣлась опять война съ Греціею. «Купцы Россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ имперіею, свободно торговали въ Константинополѣ. Но слѣлалась ссора между ими и Греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго Россіянина. Вѣроятно, что Великій Князь напрасно требовалъ удовлетворенія: оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать Грековъ; поручилъ войско мужественному полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну своему Владиміру (удѣльному князю Новгородскому) итти съ нимъ къ Царьграду. Греція вспомнила бѣдствія, претерпѣнныя нѣкогда ею отъ флотовъ Россійскихъ — и послы Константина Мономаха (Греческаго Императора) встрѣтили Владиміра. Императоръ писалъ къ нему что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь

маловажной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной Россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ его письма, отпустилъ Греческихъ пословъ съ отвѣтомъ высокомернымъ, какъ говорятъ Византійскіе историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подѣ стражу купцовъ и воиновъ Россійскихъ, бывшихъ въ Царьградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ имперіи, выѣхалъ самъ на царской яхтѣ противъ непріятеля. За нимъ слѣдовалъ флотъ, и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фарса (*). Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. «Соглашаюсь» — сказалъ гордый Князь Новгородскій «ежели вы, богатые Греки, дадите по три фунта золота на каждого человѣка въ моемъ войскѣ (⁸⁰)». Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ, и желая заманить непріятелей въ открытое море, послалъ впередъ три галеры (⁸¹), которыя врѣзались въ средину Владимірова флота и зажгли Греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне снялись съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлалась буря, гибельная для малыхъ Россійскихъ лодокъ; однѣ исчезли въ волнахъ, другія стали на мель, или были выкинуты на берегъ. Корабль Владиміровъ пошелъ ко дну; нѣкто Твориричъ, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ Князя и воеводу Ярославовыхъ, взявъ ихъ къ себѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6,000 Россіянъ, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный воевода Ярославовъ Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опасность, хотѣлъ великодушно раздѣлить оную, и сошелъ на берегъ, сказавъ Князю: «иду съ ними; буду ли живъ, или умру, но не покину достойныхъ воиновъ». Между тѣмъ Императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду и возвратился въ столицу, отправивъ въ слѣдъ за Россіянами флотъ и два легіона. Двадцать четыре галеры Греческія обогнали Владиміра и стали въ заливѣ: Князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сдѣпились съ ними и вступили въ от-

(*) Гдѣ въ 941 году сражался Игорь.

чаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ, или истребивъ суда Греческія. Адмиралъ Мономаховъ былъ убитъ, и Владиміръ пришелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ. Великодушный, но несчастный Вышата сразился въ Болгаріи, у города Варны, съ сильнымъ Греческимъ войскомъ: большая часть его дружины легла на мѣстѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ Россіянъ и самого Вышату; Императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить! Сія война предковъ нашихъ съ Греціею была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ страшныхъ флотовъ въ Воспорѣ: ибо Россія, терзаемая междуусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Черезъ три года Великій Князь заключилъ миръ съ имперіею, и плѣнники Россійскіе, безчеловѣчно лишенные зрѣнія, возвратились въ Кіевъ.

Такъ, согласно съ отечественными и иностранными источниками, описываетъ Карамзинъ, въ своей «*Исторіи Государства Россійскаго* (82)», *девятый*, и вмѣстѣ *послѣдній*, изъ древнихъ походовъ Русскихъ въ Черное море (83).

Морскіе походы принадлежатъ къ примѣчательнѣйшимъ событіямъ первыхъ временъ историческаго существованія нашего отечества. И въ самомъ дѣлѣ, обитатели Руси, окруженные обширными лѣсами, владѣя большими рѣками и озерами, и, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, живя близь морей, самою природою поставлялись въ необходимость быть мореходами. Съ XII-го столѣтія, непрерывныя, междуусобныя войны, нашествія Татаръ и утрата владѣній сосѣдственныхъ съ Чернымъ моремъ, на долго отвлекли жителей полуденной полосы Руси отъ видимаго ихъ предназначенія быть морскимъ и торговымъ народомъ. Съ того времени мореплаваніе и торговля проявляются только въ сѣверной полосѣ Россіи.

Современный Игорю, Греческій Императоръ Константинъ Багрянородный оставилъ потомству любопытное и подробное извѣстіе, откуда и какъ ходили Русскіе въ Константинополь, для торговли. По словамъ его Русскія суда приходили въ Царьградъ изъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода. Подвластные Руси Кривичи, Лучане и другія племена, зимою

рубили у себя на горахъ лѣсъ; строили изъ него *однодеревья* суда ⁽⁸⁴⁾, и по вскрытіи Днѣпра приводили ихъ въ Кіевъ, гдѣ продавали Русскимъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ весь Русскій флотъ собирался у Витишева (на правомъ берегу Днѣпра, 50-ю верстами ниже Кіева ⁽⁸⁵⁾), а оттуда, не останавливаясь, шелъ до пороговъ, которыхъ тогда считалось только семь. Въ позднѣйшее время, когда Днѣпръ значительно обмелѣлъ, ихъ оказалось четырнадцать ⁽⁸⁶⁾. У перваго порога, *Ессуни*, чрезвычайно узкаго и весьма опаснаго, по причинѣ сильнаго паденія воды, часть Русскихъ выходила изъ судовъ и, идя въ бродъ, отыскивала босыми ногами тѣ мѣста на рѣчномъ днѣ, гдѣ находилось менѣе камней. Когда такой удобный проходъ былъ найденъ, остававшіеся въ судахъ брались за шесты и, упираясь ими со всѣхъ сторонъ, слѣдовали по направленію, указываемому передовыми вожатыми. По переправѣ, такимъ образомъ, съ величайшимъ трудомъ, черезъ первый порогъ, всѣ садились въ суда и слѣдовали далѣе. Второй изъ пороговъ, *Островуни* или *Ульвори*, и третій, *Геландри*, представляли менѣе затрудненій, но у четвертаго, самаго большаго, *Неясытя*, такъ названнаго отъ гнѣздившихся на немъ птицъ Пеликановъ или Неясытей, предстояли наибольшіе труды и опасности. Здѣсь, въ предосторожность отъ нападенія Печенеговъ, одна часть Русскихъ выходила на берегъ, въ видѣ охраннаго войска, а другая выгружала товары и отдавала ихъ нести скованнымъ невольникамъ, по всей вѣроятности предназначавшимся для продажи въ Царьградъ ⁽⁸⁷⁾. Опорожненные суда были вытаскиваемы на берегъ и ихъ волокли по сухому пути, или несли на плечахъ, на протяженіи 6 т. шаговъ, до того мѣста, гдѣ уже можно было, безъ опасенія, спустить ихъ на воду. Черезъ пятый и шестой пороги, *Баруфоросъ*, или *Вулнипрахъ* и *Леанти* или *Варуци*, надлежало переправляться также какъ и черезъ первый; седьмой, *Струвунъ* или *Напрези*, наименьшій изъ всѣхъ, не былъ опасенъ. Миновавъ, съ такими затрудненіями, всѣ пороги, Русскія суда, доплывали до *Крарійскаго перевоза*—брода, гдѣ обыкновенно переѣзжали черезъ Днѣпръ Корсунскіе купцы, возвращавшіеся изъ Руси, и Печенеги, ѣхавшіе въ Корсунъ. Перевозъ этотъ, находившійся за мысомъ Кичкасомъ ⁽⁸⁸⁾,

былъ не безопасенъ отъ Печенеговъ и потому Русскіе, приближаясь къ нему, изготавлялись, на всякій случай, къ бою. Такъ плыли они до острова Св. Георгія (нынѣшній Хортицы) и далѣе, до острова Св. Айферія или Елферія (нынѣшней Березани), лежащаго за Днѣпровскимъ Лиманомъ, нѣсколько далѣе того мѣста, гдѣ въ наше время стоитъ Очаковъ. У Хортицы Русскіе останавливались для приношенія жертвъ, бросанія жребья, гаданій и проч., а у Березани, уже въ открытомъ морѣ, починивали и оснащивали свой суда, на что не рѣшались ни въ Днѣпрѣ, ни въ разливѣ его устья, или лиманѣ, изъ опасенія Печенеговъ. Окончивъ работы, они опять поднимались нѣсколько вверхъ, до лимана, и, вдоль берега, мимо Сулинскаго гирла Дуная, городовъ Конопы и Констанціи (Кюстенджи) и устій Болгарекихъ рѣкъ Варны и Дицины, достигали Мессемвріи, перваго Греческаго города. Этотъ путь отъ лимана, при благопріятномъ вѣтрѣ, совершали они подъ парусами, при противномъ же на греблѣ, до самаго Дуная, все еще не бывъ безопасными отъ нападеній Печенеговъ. Если случалось, что на этомъ протяженіи одно или нѣсколько Русскихъ судовъ прибывало къ берегу, то со всѣхъ остальныхъ люди спѣшили на берегъ, для защиты своихъ товарищей, угрожаемыхъ Печенегами ⁽⁸⁹⁾.

Бореніе съ столькими трудами и опасностями показываетъ какъ выгодна была для нашихъ предковъ торговля съ Царьградомъ, и вообще съ тамошними странами, и дѣйствительно она такъ процвѣтала и такъ была обширна, что Черное море долго было называемо *Русскимъ* ⁽⁹⁰⁾, подобно тому, какъ Балтійское, отъ разбѣжавшихъ по немъ Варяговъ, называлось *Варяжскимъ*.

Обращаясь опять къ Днѣпровскимъ порогамъ, необходимо замѣтить, что приведенныя выше ихъ Русскія и Славянскія названія переданы намъ Греками, за исключеніемъ одного Неясытя, вѣроятно всѣ въ искаженномъ видѣ ⁽⁹¹⁾.

До сихъ поръ говорили мы почти исключительно о походахъ Русскихъ на югъ и юговостокъ: о плаваніяхъ ихъ по пути Кіевскому и въ Каспійское море. О судоходствѣ ихъ по Нов-

городскому пути въ IX, X и XI столѣтіяхъ, исторія не представляетъ ясныхъ свѣдѣній, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что во все это время Русскія суда являлись и тамъ частію для войны, частію по торговымъ сношеніямъ съ другими народами, населявшими берега Балтійскаго моря и Ладожскаго озера. Предположеніе это основываемъ мы на свидѣтельствѣ историковъ, что еще до пришествія Рюрика, въ Балтикѣ существовала обширная морская торговля, и что во время Игоря, Святослава, Владиміра, Ярослава и Изяслава I, торговые корабли Датчанъ, Шведовъ, Словянъ и другихъ народовъ *Скиѳи*, плавали, съ товарами, не только по Балтійскому морю, но и по Сѣверному, или Нѣмецкому, даже въ Грецію. Вспомнивъ, что Скиѳами Греки называли всѣ племена, обитавшія къ сѣверу отъ нихъ, несправедливо и неосновательно было бы лишать Новгородцевъ и другихъ, сосѣдственныхъ имъ жителей Руси, участія въ этой торговлѣ и возможности имѣть для нея суда, точно такъ, какъ имѣли ихъ жители полуденной Россіи. Замѣтимъ, что Олегъ, готовясь, въ 907 году, къ возвращенію изъ подъ Царьграда въ Кіевъ, поручилъ заготовленіе парусовъ только Варяго-Руссамъ и Словянамъ, вѣроятно потому, что изъ всего его ополченія, только они одни, какъ опытные мореходы, были знакомы съ этимъ дѣломъ ⁽⁹²⁾.

Несторъ, рассказывая о древнихъ походахъ своихъ соотечественниковъ въ Грецію и Болгарію, именуетъ ихъ суда иногда *лодьями*, иногда *кораблями*, и ясно показываетъ, что оба эти названія имѣли одно и тоже значеніе ⁽⁹³⁾; только въ одномъ мѣстѣ, говоря объ ополченіи Игоря противъ Грековъ въ 941 году, онъ употребляетъ слово *скеди*, очевидно заимствуя его изъ Греческаго языка, гдѣ оно означаетъ *судно*, построенное на скорую руку ⁽⁹⁴⁾. Константинъ Багрянородный, упоминая о Русскихъ судахъ, находившихся въ 955 году, въ Греческомъ флотѣ, говоритъ, что на всѣхъ ихъ было 415 человѣкъ, т. е. по 60-ти на каждомъ, и называетъ ихъ *карабія*, *карабосъ* ⁽⁹⁵⁾; слова весьма близко подходящія къ Русскому: *корабль*. Ученые новѣйшаго времени, произведя это послѣднее названіе отъ словъ: *кора*, *коробъ*, полагаютъ, что суда, составлявшія флоты Аскольда, Олега, Игоря

и ихъ послѣдователей, въ войнахъ съ Греками, сплетались изъ вѣтвей и потомъ обшивались кожею. Правда, что такія суда были употребляемы въ глубокой древности, у Римлянъ, Тевтоновъ, Скандинавовъ и Бриттовъ, когда мореплаваніе было у нихъ въ младенчествѣ, но ни въ какомъ случаѣ не могли они существовать у насъ въ IX, X и XI столѣтіяхъ, въ битвахъ съ благоустроенными флотами Грековъ. Вышеприведенное свидѣтельство Константина, что суда Русскихъ строились изъ *нарубленнаго* лѣса, ясно доказываетъ, что упоминаемые Несторомъ *корабли* или *лодъи*, не были плетенныя. Слово *однодеревыя* относится конечно къ тому, что подводная часть выдабливалась изъ одного дерева, а потомъ уже набирались, изъ досокъ, бока, какъ это и теперь дѣлается по всей Волгѣ. Ниже мы увидимъ, что точно такимъ образомъ, съ досчатыми боками, строились на Днѣпрѣ лодки и дубы Запорожцевъ,—подобно древнимъ Русскимъ лодьямъ, переплывавшіе все пространство Чернаго моря, и подобно имъ, подходившіе съ самому Константинополю. Почему не допустить, что образъ строенія судовъ, существовавшій во времена Рюрика и Олега, могъ, на одной и той же рѣкѣ, оставаться безъ измѣненія въ продолженіе пяти или шести вѣковъ? У народовъ непросвѣщенныхъ, все остается по старинѣ, передаваясь изъ рода въ родъ, и если еще въ прошедшемъ столѣтіи, твердая воля Петра Великаго, угрожая слушникамъ смертною казнью, не въ силахъ была измѣнить въ Россіи древняго образа постройки барокъ, которыя и понынѣ строятся какъ за полтора вѣка предъ симъ, то что же могло побудить необразованныхъ обитателей береговъ Днѣпра отступить отъ правилъ, освященныхъ давностью и привычкою?

Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: Греки называли прѣѣжавшихъ въ Черное море Русскихъ, по виду ихъ судовъ, *Дромитами*, а это происходило отъ слова *дромонъ*, означавшее продолговатую лодью⁽⁹⁶⁾. Слѣдовательно тогдѣшнія Русскія суда были, — какъ, въ позднѣйшее время, и лодки Запорожцевъ,—продолговатыя. Впрочемъ, всѣ эти разсужденія и соображенія нисколько не противорѣчатъ тому, что въ древности между Русскими судами могли существовать и *однодеревыя*, въ полномъ

смыслъ этого слова, т. е. выдолбленные изъ одного дерева, какъ бывало у Норманновъ. Въ XV столѣтіи острова на Волгѣ были покрыты лѣсами, въ которыхъ росли липы такого объема, что по словамъ путешественниковъ-очевидцевъ, изъ одного дерева можно было выдолбить лодку, для помѣщенія 8 или 10 человѣкъ и такого же числа лошадей ⁽⁹⁷⁾.

Суда, на которыхъ Русскіе въ 913 году ходили въ Каспійское море, должны были быть болѣе тѣхъ, которыя отправлялись въ Грецію, потому что вмѣщали въ себѣ не отъ 40 до 60, а по 100 человѣкъ ⁽⁹⁸⁾.

Въ *Русской правдѣ*, въ первой половинѣ XI-го вѣка полученной Новгородцами отъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича, говорится о *лодьяхъ заморскихъ* и *набойнахъ*, о *стругахъ* и о *челнахъ*. Первая изъ нихъ, по всей вѣроятности, суть лодыи иностранной, заморской постройки; подъ *набойными* (нынѣ *наборными*) лодьями, кажется, должно разумѣть свои, Русскія лодыи, и именно такія, на которыхъ доски *набивались*, край на край одна на другую, какъ это и теперь дѣлается. *Струги*, смотря по глубинѣ водъ, остро- и, плоскодонные, были, какъ и въ позднѣйшія времена, суда рѣчныя, служившія для перевоза грузовъ, а *челны* употреблялись для плаванія у береговъ и для переправъ черезъ небольшія рѣки. Оцѣнка Ярославомъ заморской лодыи въ три гривны, набойной въ двѣ, струга въ гривну, а челна въ восемь кунъ ⁽⁹⁹⁾, даетъ нѣкоторое понятіе о величинѣ этихъ судовъ, относительно одного рода къ другому.

Всѣ упомянутыя здѣсь суда были открытыя, т. е. безъ палубъ. Первымъ изобрѣтателемъ крытыхъ судовъ былъ, княжившій столѣтіемъ позже Ярослава I, Великій Князь Изяславъ Мстиславичъ. Въ 1151 году, при нападеніи на Кіевъ Князя Андрея Боголюбскаго, онъ съ большою пользою употребилъ лодыи съ палубами, которыя, скрывая подъ собою гребцовъ, въ то же время служили помостомъ для вооруженныхъ воиновъ, бросавшихъ въ непріятеля стрѣлы. Суда эти, удивлявшія собою современниковъ, имѣли по потеси или большому веслу у кормы и у носа, такъ, что могли двигаться впередъ и назадъ, не поворачивая въ тѣсныхъ мѣстахъ и на крутыхъ колѣнахъ ⁽¹⁰⁰⁾.

Между тѣмъ какъ извѣстія о торговлѣ и тѣсно связанномъ съ нею плаваніи Русскихъ на Черномъ морѣ, мало по малу рѣдѣя, наконецъ совсѣмъ исчезаютъ, въ Балтикѣ мореходство нашихъ предковъ не только не прекращалось, но, напротивъ, распространялось болѣе и болѣе. По свидѣтельству историковъ, въ 1130 и слѣдующихъ годахъ, Русскія суда плавали, съ товарами, къ острову Готланду и въ Данію (¹⁰¹); въ 1142-мъ, Шведы нападали, въ Балтійскомъ морѣ, на Новгородцевъ, шедшихъ съ богатымъ грузомъ (¹⁰²); въ 1157-мъ, Датскій король Свѣнъ IV захватилъ, подъ Шлезвигомъ, много Русскихъ судовъ и бывшіе на нихъ товары роздалъ въ жалованье своему войску (¹⁰³). Уже одни эти примѣры служатъ доказательствомъ, что въ XII вѣкѣ Русскіе, именно Новгородцы, занимались торговымъ мореплаваніемъ. Въ Визби, на островѣ Готландѣ, они даже имѣли свой гостиный дворъ, свои дома, свою церковь (¹⁰⁴).

Голландцы и Нѣмцы издавна живали въ Новѣгородѣ и правительство тамошнее обязывалось, за установленную плату, высылать на встрѣчу ихъ судамъ, къ рѣкѣ Ижорѣ, лодочниковъ, ибо иноземные гости и купцы, боясь Невскихъ и Волховскихъ пороговъ, обыкновенно перегружали свои товары въ легкія Новгородскія лодки (¹⁰⁵). На сѣверѣ Европы долго сохранялось преданіе, что нѣкогда товары Индійскіе, Персидскіе и Арабскіе шли, чрезъ Волгу и другія наши рѣки, въ пристани Балтійскаго моря, и это извѣстіе подтверждается находимыми тамъ во множествѣ Восточными монетами. Этимъ же путемъ Хозары доставляли драгоцѣнные мѣха жителямъ западной Европы (¹⁰⁶). Позже, въ XIII вѣкѣ, когда вольные Нѣмецкіе города, Любекъ, Бременъ и другіе, числомъ, наконецъ, до семидесяти, вступили въ общій, тѣсный союзъ, славный въ исторіи подъ именемъ *Ганзы*; когда Рига и Готландъ присоединились къ нимъ, тогда Новгородъ, по своему положенію весьма удобный для доставленія въ Балтійское море товаровъ изъ прочихъ мѣстъ тогдашней Россіи и изъ Азіи, пріобрѣлъ еще большее значеніе въ коммерческой системѣ сѣверной Европы. Ганза учредила въ немъ главную свою контору (¹⁰⁷). Такое довѣріе могло быть слѣдствіемъ только весьма давней и обширной торговли ея городовъ съ Новгородомъ.

Постоянно имѣя въ виду распространіе своей торговли, Новгородцы далеко расширили свои владѣнія. Мы видѣли выше, что Рюрикова монархія ограничивалась на сѣверѣ предѣлами нынѣшнихъ губерній Эстляндской, С. Петербургской и Новгородской. Лежащія на сѣверѣ и сѣверо-западъ отъ нихъ губерніи Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская, составляли независимую страну, упоминаемую въ исторіи подъ именемъ Біарміи (¹⁰⁸). Неизвѣстно когда именно, но можно полагать, что не позже X столѣтія, Новгородцы завоевали сѣверо-западную часть этой страны, называвшуюся Печерскою Землею, ибо въ XI вѣкѣ земля сія, и отдѣлявшаяся отъ нея Уральскимъ хребтомъ Югорія, платили дань Новгородцамъ (¹⁰⁹). Самоѣды были уже извѣстны лѣтописцу Нестору, жившему въ XII вѣкѣ (¹¹⁰). Есть свѣденія, что Лопари также были данниками Новгорода (¹¹¹), и такимъ образомъ власть его распространялась на все поморье, отъ Лапландіи до устья Оби. Новгородскіе выходцы, тѣснимые внутренними раздорами своего отечества и возраставшимъ въ немъ многолюдствомъ, толпами переселялись за Сѣверную Двину, въ край, лежащій за *волокомъ* между этою рѣкою и Онегою, и потому называвшійся у насъ *Заволочьемъ* (¹¹²). Страна эта, простиравшаяся отъ Бѣлоозера до рѣки Печоры, въ послѣдствіи именовалась Двинскою землею (¹¹³). Мало по малу, въ исходѣ XII столѣтія, Новгородцы водворились и въ южной половинѣ Біарміи, завоевавъ сперва Вятку (¹¹⁴), а потомъ Пермь и Вологду (¹¹⁵).

Еще до покоренія Біарміи Новгородцами, даже прежде призванія Рюрика, она вела судоходную торговлю съ народами обитавшими при Волгѣ и Каспійскомъ морѣ (¹¹⁶). Норвежцы, извѣстные древнимъ Русскимъ подъ именемъ *Мурманъ* (испорченное: Норманны (¹¹⁷)) были, кажется, первые открывшіе, въ IX-мъ вѣкѣ, путь къ устью Сѣверной Двины (¹¹⁸) и, по ихъ имени, какъ Бѣлое море, такъ и смѣжная съ нимъ часть Ледовитаго, омывающая берегъ Лапландіи, долго назывались у насъ *Мурманскимъ моремъ* (¹¹⁹), а мысъ Святой Носъ — *Мурманскимъ Носомъ* (¹²⁰). Отъ этого еще и по нынѣ *Мурманскими* называютъ одно изъ устьевъ Сѣверной Двины (¹²¹) и весь бе-

регъ Лапландіи (¹²²). Норвежцы, Шведы, Датчане и другіе народы посѣщали устья Двины и Печоры до самаго XIII-го столѣтія, когда водвореніе Татаръ на берегахъ Волги положило конецъ торговымъ сношеніямъ востока нынѣшней Россіи съ сѣверомъ Европы (¹²³).

Со времени окончательнаго покоренія Біарміи Новгородцами, обширная эта страна утратила свое древнее названіе, и раздѣлилась на четыре части: Двинскую Землю, Печорскую Землю, Вятку и Великую Пермь. Чрезъ этотъ обширный край существовали два пути судоходнаго, долгое время важнаго по торговлѣ, сообщенія Каспійскаго моря съ Сѣвернымъ Океаномъ, или, какъ называли его у насъ, *Студенымъ моремъ* (¹²⁴). Одинъ путь лежалъ чрезъ Волгу, Каму, Вишеру, Колву, Вишерку, Чусовое озеро и рѣчку Березовку, до семиверстнаго Бѣхонина волока, а оттуда, чрезъ Немъ, Вычегду и Сѣверную Двину, въ Бѣлое море (¹²⁵). Другой путь, до Чудова озера былъ тотъ же, что и первый, но потомъ суда слѣдовали рѣчками Вогулгою и Еловкою, до лѣсистаго волока, простиравшагося на четыре версты и прозваннаго Печорскимъ. Отсюда они были перевозимы — какъ дѣлалось и на Бухонскомъ волокѣ — лошадьми, до рѣчки Волосницы, впадающей въ Печору, и спущенныя на воду, уже безпрепятственно шли въ море (¹²⁶).

Изъ устьевъ Сѣверной Двины и Печоры, держась по возможности береговъ, Русскіе ходили, для промысловъ и торговли, чрезъ Югорскій шаръ (проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ матераго берега) и Карское море, въ рѣку Обь, и далѣе, до Енисея (¹²⁷), и нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ плаваніяхъ они открыли лежащую къ сѣверу отъ Вайгача Новую Землю (¹²⁸). Не смотря на препятствія, встрѣчаемыя отъ льдовъ, и на лишенія всякаго рода, плаванія Русскихъ по этимъ далекимъ и негостепріимнымъ водамъ были въ большемъ развитіи, до самаго начала XVII-го столѣтія (¹²⁹), и жители Бѣломорскаго края почитались, какъ почитаются и въ настоящее время, отличными мореходами (¹³⁰). Вообще наши предки въ XI и XII-мъ столѣтіяхъ заходили на сѣверъ далѣе нежели всѣ другіе народы Европы, не исключая и самыхъ Норманновъ.

Сѣверные наши мореходы плавали къ Оби и Енисею двумя путями. Иногда шли они, какъ выше сказано, Карскимъ моремъ, а иногда перетаскивали свои суда черезъ волокъ между этимъ моремъ и Обскою губою. Для этого они входили въ рѣку Мутную, впадающую въ Карское море: поднимались, въ теченіи восьми сутокъ, вверхъ Мутной, бичевою, и достигали двухъ озеръ, имѣвшихъ отъ 10 до 12 миль въ окружности. Тутъ опять выгружали они свои суда, и опять перетаскивали ихъ сухимъ путемъ, черезъ перешеекъ около двухъ сотъ сажень шириною, въ озеро Зеленое; далѣе, по рѣкѣ Зеленой, доплывали до Оби и, наконецъ, изъ сей послѣдней рѣки плыли, по усмотрѣнію: или къ Архангельску, или въ Енисей, или на Новую Землю. Плаванія эти въ первой половинѣ XVII столѣтія прекратились, сколько отъ трудностей самаго пути, столько и отъ того, что въ Югорскомъ шарѣ, и еще недоходя его, на Матвѣевомъ островѣ, находились сборщики, обязанные не только собирать пошлины съ промышленныхъ судовъ, но и наблюдать, чтобы кромѣ ихъ никто не плавалъ въ тѣхъ мѣстахъ. Весьма вѣроятно, что правительство находило выгоднѣйшимъ, въ отношеніи денежныхъ сборовъ, чтобы торговля съ Сибирскими народами производилась сухимъ путемъ ⁽¹³¹⁾.

Сказавъ вкратцѣ о главныхъ путяхъ сообщеній внутреннихъ странъ Россіи съ морями и о плаваніяхъ Русскихъ по симъ морямъ, остается еще бросить взглядъ на замѣчательнѣйшіе изъ ихъ морскихъ походовъ, совершенныхъ съ военною цѣлію, послѣ XII-го столѣтія.

1188. Чаше всего эти походы были предпринимаемы противъ Шведовъ и Финновъ. Въ 1188 году, Норвежцы, соединясь съ Корелами и Эстонцами, переплыли Балтійское море, пробрались чрезъ протокъ Стокзундъ, — надъ которымъ въ послѣдствіи построень Стокгольмъ, — вошли въ озеро Меларъ и до основанія раззорили многолюдный городъ Сигтуну, послѣ того уже не приходившій въ прежнее, цвѣтущее состояніе. Въ числѣ трофеевъ этого набѣга, Новгородцы увезли изъ Сигтуны мѣдныя ворота, и поставили ихъ, въ знакъ побѣды, въ своемъ Софійскомъ соборѣ, гдѣ они и по нынѣ существуютъ, подъ названіемъ *Швед-*

скихъ (¹³²). Въ 1191 году Новгородцы, вмѣстѣ съ Корелами, 1191.
ходили, какъ надобно полагать на судахъ, противъ Еми, или
Финновъ; и произведя въ ихъ землѣ большія опустошенія,
между прочимъ сожгли городъ Або (¹³³). Расторгнувъ, съ 1188
года, всѣ дружественныя сношенія со Шведами, они проложили
себѣ новый торговый путь, чрезъ Псковъ, въ Западную Двину,
но въ 1201 году, примирясь съ своими непріятелями, опять 1201.
возобновили съ ними прерванную торговлю изъ Волхова, чрезъ
Ладожское озеро, рѣку Неву и Финскій заливъ, т. е. чрезъ
тотъ путь, о которомъ мы говорили выше, назвавъ его путемъ
Новгородскимъ (¹³⁴).

Въ несчастномъ для Руси 1224 году, когда почти всѣ ея 1224.
князья соединились противъ Татаръ, на лѣвомъ берегу Днѣпра,
у Заруба и Варяжскаго острова, Галичане прибыли изъ Днѣ-
стра, по Черному морю, въ Днѣпръ, на 1000 судахъ и, оставивъ
ихъ ниже пороговъ, у рѣки Хортицы на Протолючьемъ бродѣ,
пошли на соединеніе съ прочими Русскими войсками. По одержаніи
Татарами побѣды на рѣкѣ Калкѣ, близъ нынѣшняго Мариу-
поля, всѣ эти суда, за исключеніемъ одного, на которомъ спас-
ся князь Галицкій Мстиславъ, были истреблены самими Рус-
скими изъ опасенія, чтобы они не достались непріятелю (¹³⁵).

Въ 1500 году Шведы, негодуя на Новгородцевъ, за набѣги 1500.
ихъ на земли Кореловъ и Еми, нынѣшнюю Финляндію, и находя
необходимымъ запереть имъ выходъ изъ Ладожскаго озера въ
Финскій заливъ, послали въ Неву флотъ, изъ 111 судовъ, подъ
предводительствомъ правителя королевства, Торкеля, незадолго
передъ тѣмъ построившаго Выборгъ. Съ прибытіемъ этого флота,
при устьѣ впадающей въ Неву рѣки Охты, подъ надзоромъ искусныхъ
Итальянскихъ художниковъ, началось построеніе небольшой крѣ-
пости, которая была названа *Ландскроною*. По буквальному
пероводу слова, наши лѣтописи именуютъ ее *Вънцемъ земли*.
Если вѣрить показанію Шведскихъ историковъ—впрочемъ показа-
нію нелепому—то Новгородцы, желая сжечь непріятельскія
суда, пустили противъ нихъ изъ Ладожскаго озера, по вѣтру
и теченію, нѣсколько горящихъ судовъ, но Шведы, предостережен-
ные лазутчиками, успѣли отвратить опасность, загородивъ истокъ

1301. Невы сваями. Это, кажется, первый примѣръ употребленія Русскими брандеровъ. Въ слѣдующемъ году Ландскрона была взята, послѣ мужественнаго сопротивленія Шведовъ, и срыта до основанія (¹³⁶).

Въ 1311 году Новгородцы ходили на судахъ изъ Невы къ берегамъ Финляндіи, раззорили селенія по рѣкамъ Кумо и Нокіи; сожгли стоявшій на послѣдней изъ нихъ городъ Ванай, или Ванакилу и, возвращаясь, воевали на берегахъ Кавгалы и Перны (¹³⁷). Послѣдняя изъ этихъ двухъ рѣкъ и по нынѣ не измѣнила своего названія, а первую иные почитаютъ за одно съ рѣкою Борго (¹³⁸).

1318. Въ 1318 году берега Финляндіи подверглись опять нашествію Новгородцевъ, которые, переплывъ, чрезъ Финскій заливъ, въ рѣку Ауроіоки, сожгли лежащій при ней городъ Або и потомъ безпрепятственно возвратились въ отечество (¹³⁹).

1323. Въ 1323 году Новгородцы, желая возбранить Шведскимъ судамъ плаваніе изъ Финскаго залива въ Ладожское озеро, заложили, при истокѣ Невы, на островѣ Орѣховомъ, крѣпость Орѣховую, или Орѣшекъ (¹⁴⁰); послѣ того не одинъ разъ разрушаемую, не одинъ разъ переходившую отъ Русскихъ къ Шведамъ, и обратно, и наконецъ, въ царствованіе Петра Великаго, возвращенную Россіи, подъ новымъ именемъ Шлиссельбурга.

По построеніи Орѣшка, въ томъ же году, заключенъ былъ въ этой крѣпости, между Новгородцами и Шведами миръ, по которому пограничною чертою въ Финляндіи назначена рѣка Сестра (¹⁴¹). Съ этого времени Новгородскія владѣнія, обнимая оба берега Невы, простирались съ одной стороны Финскаго залива, сѣверной, до нынѣшняго Сестрорѣцка, а съ другой до устья рѣки Наровы (¹⁴²). Слѣдовательно большая часть древней Еми, подвластной Новгороду съ половины XI-го вѣка (¹⁴³), и заключавшейся между Финскимъ и Ботническимъ заливами, Каяніею, землею Финскихъ Лопарей и землею Кореловъ (¹⁴⁴), то есть большая часть Финляндіи, осталась за Шведами. Послѣдніе, пользуясь неблагоприятными обстоятельствами Россіи, угнетаемой Татарами, и дѣйствуя подъ вліяніемъ Римскаго духовенства, отторгли отъ нея значительную часть Еми еще въ 1249 году (¹⁴⁵),

и потому, если въ послѣдствіи, окончательно въ началѣ XIX столѣтія, правительство Русское завоевало всю Финляндію, то этимъ было только возвращено нашему отечеству одно изъ древнѣйшихъ его достояній.

Шведы первые нарушили Орѣховскій миръ. Въ 1348 году, 1348.
король ихъ Магнусъ, желая угодить Папѣ, возымѣлъ нелѣпую мысль обратить Русскихъ въ Латинскую вѣру. Съ этою цѣлію онъ вошелъ въ Неву, съ множествомъ судовъ; обложилъ Орѣшекъ и обманомъ взялъ его. Новгородцы, Ладожане и Псковитяне спѣшили, сухимъ путемъ и водою, напасть на непріятеля, но король не отважился встрѣтить ихъ. При первомъ извѣстіи о походѣ Русскихъ, имѣя уже много больныхъ въ своемъ войскѣ, и нуждаясь въ продовольствіи, онъ бѣжалъ со стыдомъ, во свояси (¹⁴⁶).

Въ слѣдующемъ году Новгородцы обратно завоевали Орѣшекъ, 1349.
ходили воевать Финляндію и Норвегію, послѣднюю изъ Двинской земли, и заставили Шведовъ просить мира, который и былъ заключенъ, въ 1351 году, въ Юрьевѣ (нынѣшній Дерптъ) (¹⁴⁷). Надобно полагать, что послѣ Магнусова нашествія, Новгородцы увидѣвъ, что одинъ Орѣшекъ былъ недостаточенъ для прегражденія Шведамъ входа изъ Финскаго залива въ Ладожское озеро, обратили вниманіе на устье Невы и построили тамъ на мѣстѣ бывшей Ландскроны, *Невскую крѣпость*, болѣе извѣстную подъ Шведскимъ ея названіемъ Ніеншанцъ.

Съ мирнымъ постановленіемъ въ Орѣховой крѣпости прекращаются военные походы Новгородцевъ, и вообще Русскихъ, на Балтійскомъ морѣ, которое, утративъ у насъ свое прежнее названіе Варяжскаго, съ XIII-го столѣтія упоминается подъ именемъ *Восточнаго* (¹⁴⁸), что есть чистый переводъ съ Нѣмецкаго его наименованія: Ost-see. Русскія суда продолжали плавать по этимъ водамъ, но уже единственно съ мирною, торговою цѣлію. Тоже было и на крайнемъ сѣверѣ тогдашней Россіи, исключая развѣ весьма немногіе случаи, гдѣ жители Двинской земли, въ ссорахъ своихъ съ Мурманами или Норвежцами, могли имѣть съ ними встрѣчи въ морѣ, особенно въ 1412 году, когда ходили войною въ ихъ землю (¹⁴⁹).

Много походовъ совершено было Русскими по различнымъ рѣкамъ ихъ государства, но они не имѣютъ мѣста въ обзорѣ, касающемся исключительно плаваній по морямъ.

Какъ въ описаніи событій, относящихся до южной полосы Россіи, отечественные наши лѣтописи и акты, говоря о судахъ, употребляютъ выраженіе: *лоди*, иногда замѣняя его словомъ *корабли*, такъ и въ разсказахъ о происшествіяхъ въ полосѣ сѣверной, мы встрѣчаемъ преимущественно слово *лоди*. Есть, однакоже, примѣры, что оно уступаетъ мѣсто *шнекамъ*, *кочамъ*, *кербатамъ*, или *карбасамъ*, и *бусамъ*. Впрочемъ и общее названіе *суда*, есть древнее, находимое въ нашихъ лѣтописяхъ подъ словами: *ссуды* и *суды* ⁽¹⁵⁰⁾.

При Великомъ Князѣ Іоаннѣ III-мъ Россія свергла съ себя Татарское иго, тяготѣвшее надъ нею болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Другое зло, препятствовавшее развитію ея внутреннихъ силъ: раздробленіе государства на удѣлы, также приближалось къ концу своему, и монархія Русская видимо стремилась къ тому могуществу, которое въ послѣдствіи поставило ее въ ряду первостепенныхъ державъ міра. По завоеваніи Турками Константинополя, она болѣе и болѣе сближалась съ остальною Европою, и политическое ея значеніе особенно увеличилось при Іоаннѣ Грозномъ.

Но если Россія со второй половины XV-го столѣтія измѣнилась, какъ бы переродилась въ своемъ существованіи, то, въ сравненіи съ обширностію ея предѣловъ и съ ея средствами, она была бѣдна мореходствомъ, несравненно бѣднѣе нежели въ первые вѣка своего существованія. Со времени нашествія Татаръ Русскіе могли плавать только на трехъ моряхъ: Балтійскомъ, Бѣломъ и Ледовитомъ. Покореніе, въ 1552 году, Казани, а въ 1554-мъ Астрахани, сдѣлавъ ихъ обладателями всей Волги, отъ истока до устья, открыло имъ невозбранный путь въ Каспійское море, но устья Днѣпра и Дона, сторожимыя Турецкими крѣпостями Очаковымъ и Азовомъ, еще долго оставались подъ властью Султановъ, недоступными для прохода Русскихъ судовъ въ Черное и Азовское моря.

Не смотря на свободное сообщеніе сѣверныхъ нашихъ морей съ внутренними рѣками государства, плаваніе по нимъ иностран-

ныхъ торговыхъ судовъ, со времени татарскаго владычества изсякнувъ въ самомъ источникѣ и становясь годъ отъ года рѣже, наконецъ совсѣмъ прекратилось. Еще корабли Ганзейцевъ, прїѣзжая торговать съ Новгородцами и Псковитянами, являлись въ Невѣ, Волховѣ и Наровѣ, но Бѣломорскія воды уже давно, цѣлыя столѣтія, не были посѣщаемы чужестранцами. Съ одной стороны Европейцы XIV, XV и XVI столѣтій имѣли самое темное понятіе о части Россіи, сопредѣльной Сѣверному океану, а съ другой, нелѣпые рассказы путешественниковъ объ ужасахъ странъ полунощныхъ пугали воображеніе робкихъ умовъ, страшившихся и помыслить о борьбѣ съ сѣвѣрною природою, съ ея нѣтающими льдами, съ ея дикими народами, съ ея мнимыми чудовищами. Въ грозное, но славное, царствованіе Іоанна IV-го случай сблизилъ опять Европу съ сѣвернымъ краемъ Россіи.

Открытіе Америки и обходъ Африки возбудили въ Англичанахъ желаніе искать, чрезъ Ледовитое море, ближайшаго пути въ Китай и Восточную Индію. По совѣту знаменитаго мореплавателя Кабота, Общество лондонскихъ купцовъ снарядило, въ 1553 году, три корабля, подъ начальствомъ капитановъ Виллоби (Willoughby) и Ченслера (Chancelor) и мастера Дурфорта (Durfoorth). Первый изъ нихъ былъ въ то же время и начальникомъ всей экспедиціи. Всѣ три корабля находились у береговъ Лапландіи, когда буря разлучила ихъ. Виллоби и Дурфортъ, принужденные льдомъ, мелководіемъ и позднимъ временемъ года зимовать въ устьѣ рѣчки Арзины или Варсины, погибли тамъ, отъ стужи и голода, со всѣми своими спутниками. Ченслеръ, укрывшійся отъ непогоды на сѣверной оконечности Норвегіи, въ Вардгоусѣ, чрезъ недѣлю поплылъ опять далѣе къ востоку, вошелъ въ Бѣлое море и присталъ въ Западномъ, или Корельскомъ (нынѣ Никольское) устьѣ Двины, у бѣдной, уединенной обители Св. Николая, окруженной только нѣсколькими хижинами. Неожиданный приходъ британскаго корабля едвали не столько же изумилъ малочисленное населеніе этого пустыннаго края, сколько прибытіе Колумба изумило Американцевъ. Успокоивъ встревоженныхъ жителей и узнавъ, что нечаянно-открытый берегъ принадлежитъ Россіи, Ченслеръ просилъ быть допущеннымъ ко двору.

Представленный въ Москвѣ предъ Іоанна, онъ предъявилъ ему одну изъ грамотъ своего короля, Эдуарда VI-го, которыми всѣ сѣверные и восточные государи приглашались къ дружбѣ и торговымъ сношеніямъ съ Англіею. Постигая всю пользу приглашенія, Іоаннъ изъявилъ согласіе. Милостиво принятый Царемъ, Ченслеръ отправился въ слѣдующемъ году въ отечество, съ благопріятнымъ донесеніемъ, и въ 1555-мъ вторично прибылъ въ Бѣлое море съ четырьмя судами. Оставивъ ихъ въ Корельскомъ устьѣ Двины, онъ поѣхалъ въ Москву и заключилъ тамъ торговый договоръ съ Русскимъ правительствомъ. Послѣ этого Англичане построили близъ Никольскаго монастыря особый домъ для своего купечества и начали производить тутъ торговлю, получивъ въ то же время обширныя мѣста для склада своихъ товаровъ, на лѣвомъ берегу Двины, въ 90 верстахъ отъ ея устья, въ городѣ Холмогорахъ. Въ 1556 году Ченслеръ пустился въ обратный путь, въ Англію, съ богатымъ грузомъ, но это плаваніе было для него бѣдственно: онъ погибъ, съ тремя изъ своихъ кораблей. Четвертый, съ Русскимъ посланникомъ Непѣею, достигъ Англіи ⁽¹⁵¹⁾.

Открытіе новой страны, неизвѣстной, или, справедливѣе, забытой въ цѣломъ западѣ, и благосклонный пріемъ Англичанъ Іоанномъ, заняли дѣятельность этого предприимчиваго народа. Вышеупомянутый Каботъ, желая довершить открытія Ченслера, отправилъ, въ томъ же году, когда погибъ этотъ мореплаватель, одного изъ его спутниковъ въ первое путешествіе, Бурро (Burrough), на небольшомъ суднѣ (пинкѣ), предписавъ ему плыть на востокъ отъ Бѣлаго моря, сколько будетъ возможно. Сопровождаемый отъ Колы Русскими лодьями, или ладьями, отправлявшимися по большей части на моржовый промыселъ, Бурро дошелъ до Югорскаго шара; но здѣсь, осеннее время, льды и страхъ, наведенный на Англичанъ китами, заставили ихъ итти въ Двину и прозимовать въ Холмогорахъ. Въ отчетѣ, представленномъ Бурро о его плаваніи, замѣчательно показаніе, что при попутномъ вѣтрѣ Русскія лодьи опережали Англійское судно ⁽¹⁵²⁾.

Голландцы были первые изъ Европейцевъ, посѣтившіе послѣ Англичанъ Бѣлое море; но они избрали для своихъ кораблей

другую, болѣе удобную пристань, на правомъ берегу Двины, у мѣста, называемаго Пуръ-Наволокъ, гдѣ Двина, предъ впаденіемъ своимъ въ море, раздѣляется на множество рукавовъ. При преемникѣ Іоанна, Царѣ Θεодорѣ, учрежденъ былъ тутъ городъ *Новые Холмогоры*, но мѣстные жители называли его, по имени издавна существовавшего тамъ монастыря Св. Архангела Михаила, *Архангельскимъ городомъ*, и это названіе, укоренясь въ народѣ, совершенно вытѣснило первоначальное наименованіе. Позже, переведена была туда и торговля Англичанъ ⁽¹⁵³⁾.

Дѣятельность Британцевъ на поприщѣ морскихъ открытій возбуждала соревнованіе и въ нашихъ соотечественникахъ. Такъ, послѣ Ченслера и Бурро, между эпохою ихъ плаваній и 1581 годомъ, именитые люди Аникій и Яковъ Строгоновы, владѣвшіе обширными землями по рѣкамъ Камѣ и Чусовой, посылали въ Антверпенъ, нанять свѣдущихъ и опытныхъ мореходовъ, которые, прибывъ въ Россію, построили въ Сѣверной Двинѣ, при помощи искуснаго Нѣмецкаго мастера, два корабля. Въ этомъ заключаются всѣ свѣдѣнія о предпріятіи Строгоновыхъ, но есть причины полагать, что цѣлю его было плаваніе къ Новой Землѣ, гдѣ, по носившимся тогда слухамъ, находились серебряныя руды. Еще и нынѣ на западной ея части, къ сѣверу отъ Маточкина Шара, находится заливъ, называемый иностранцами губою Св. Лавренція, а у Бѣломорскихъ жителей *Строгоновою*, или, просто, *Строгоновищиною*. Остатки жилищъ, могилы и другія доказательства пребыванія людей, сохранившіеся въ этой губѣ въ настоящее время, были еще совершенно свѣжи въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ попытки Строгоновыхъ, уже по одной цѣли своей она есть любопытный фактъ въ исторіи нашего мореходства, которой царствованіе Іоанна Васильевича IV даетъ довольно обильную пищу ⁽¹⁵⁴⁾.

Отъ сѣверныхъ странъ перейдемъ къ полуденному краю Россіи, гдѣ въ 1559 году былъ совершенъ походъ въ Черное море.

Въ декабрѣ 1558 года, Крымскій Ханъ Девлетъ-Гирей, на-
дѣясь въ располхъ напасть на Москву, собралъ стотысячное вой-

1558.

ско и послалъ съ сыномъ своимъ Магметъ-Гиреемъ въ Россію. Татары прошли уже до впадающей въ Донъ рѣки Мечи, но, узнавъ, что многочисленные Русскіе полки стоятъ въ Бѣлевѣ, Рязани и Тулѣ, не отважились итти далѣе, и бѣгствомъ возвратились въ свои улусы. Іоаннъ, извѣстясь о нашествіи, поручилъ воеводамъ своимъ: Князю Вишневецкому и Адашеву, наказать Хана. Первому изъ нихъ, съ 5 т. человѣкъ, велѣно было итти на Донъ, построить тамъ суда, спуститься на нихъ къ Азову, и съ этой стороны тревожить Крымскій полуостровъ. Второй, съ 8 тысячнымъ войскомъ, изъ дѣтей боярскихъ, казаковъ и стрѣльцовъ, имѣлъ повелѣніе ийти къ берегамъ Крыма, но съ противоположной стороны, изъ Днѣпра (¹⁵⁵).

1559. Успѣхи Вишневецкаго были незначительны. Онъ только истребилъ нѣсколько сотъ Крымцевъ, пробиравшихся къ Казани (¹⁵⁶), но Адашевъ имѣлъ случай совершить подвигъ, стяжавшій ему громкія похвалы и удивленіе современниковъ. Построивъ на Днѣпрѣ, близъ нынѣшняго Кременчуга, суда, онъ посадилъ на нихъ свои войска, поплылъ за устье Днѣпра, взялъ два непріятельскіе корабля: одинъ подъ Очаковымъ, въ лиманѣ, другой далѣе, въ морѣ, къ югу отъ Кинбурнской косы, около небольшого острова Чиле; приставалъ въ сѣверной половинѣ Перекопскаго залива къ косѣ Джарилгачъ, и поднялся вверхъ, къ нынѣшнему полуострову Хоралы. Вышедъ здѣсь на берегъ, воевода Іоанновъ въ продолженіи двухъ недѣль громилъ эту часть Крыма, жегъ селенія, забиралъ стада и людей, освобождалъ изъ неволи плѣнныхъ, нагрузилъ суда свои несмѣтною добычею, и безпрепятственно возвратился въ Днѣпръ, заходивъ, на нѣкоторое время, къ лежащему близъ Очакова острову Березани (¹⁵⁷). Въ продолженіи пятисотъ лѣтъ, протекшихъ послѣ похода князя Владимира Ярославича къ Царьграду, это былъ первый поискъ Русскихъ на Черномъ, нѣкогда *Русскомъ*, морѣ, поискъ, увѣнчанный полнымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ какъ учреждалась торговля съ чужестранцами въ устьѣ Сѣверной Двины, и какъ Адашевъ ходилъ въ Черное море громить Крымцевъ, Іоаннъ сильно помышлялъ о распространеніи своего владычества при Балтійскомъ морѣ. Еще въ самомъ

началъ своего правленія, озабочиваясь распространеніемъ въ Россіи наукъ, художествъ, искусствъ и усовершенствованіемъ ремеслъ, онъ просилъ императора Карла V прислать къ нему свѣдущихъ людей, по всѣмъ почти отраслямъ человѣческихъ искусствъ и познаній (¹⁵⁸). Вслѣдствіе этого, въ 1547 году, болѣе трехъ сотъ ремесленниковъ, фабрикантовъ, оружейниковъ, литейщиковъ, рудокоповъ, каменщиковъ, ваятелей, зодчихъ, живописцевъ, даже богослововъ и правовѣдовъ, съѣхались въ Любекъ. Они уже были готовы сѣсть на корабль, чтобы отправиться въ Россію, какъ, неожиданно, по тайнымъ проискамъ Ливонскаго рыцарства и Любекскаго купечества, всѣ были задержаны и принуждены возвратить въ Вѣну выданные имъ виды на проѣздъ (¹⁵⁹). Въ 1557 году Іоаннъ возобновилъ свою просьбу, преемнику Карла V, Императору Фердинанду I, но, по новому домогательству Ливонцевъ, опять безъ успѣха (¹⁶⁰). Только немногіе иноземцы успѣли разными путями, пробраться въ Россію (¹⁶¹).

Прежде ли, послѣ ли вторичнаго отказа, неизвѣстно, но только въ томъ же 1557 году, желая имѣть въ Балтикѣ свой торговый портъ, болѣе удобный по мѣстному положенію, нежели Невская крѣпость,—Іоаннъ велѣлъ окольному Князю Шастунову и даннымъ ему въ помощь дворянамъ Головину и Выродкову, заложить на правомъ, Россіи принадлежавшемъ, берегу Наровы, у самаго ея устья, городъ, съ корабельною пристанью (¹⁶²). Повелѣніе было исполнено лѣтомъ того же года, но какъ назывался новооснованный городъ и что съ нимъ случилось въ послѣдствіи, неизвѣстно. Можно предполагать, не былъ ли онъ скрытъ, по необходимости, въ слѣдующемъ 1558 году, когда Русскіе, вступивъ въ землю Ливонскихъ рыцарей, овладѣли городомъ Ругодевымъ, или Нарвою, лежащимъ только въ 12 верстахъ отъ Финскаго залива, и уже давно производившимъ торговлю съ Ганзою. «Я завоевалъ Нарву», говорилъ Царь пріѣзжавшимъ въ Москву Ливонскимъ посламъ, — «и буду пользоваться моимъ счастіемъ» (¹⁶³): доказательство важности, какую, въ глазахъ Іоанна, имѣло обладаніе этимъ городомъ. Не желая вести войны безъ крайности, онъ потребовалъ отъ Ливоніи добровольной покорности, но, получивъ отказъ, началъ дѣйствовать силою. Однимъ

изъ самыхъ первыхъ успѣховъ Русскаго оружія въ этой войнѣ, было взятіе крѣпости Сыренска, или Нейшлоса, на берегу Наровы (¹⁶⁴), и такимъ образомъ эта рѣка, отъ верховья до устья, стала собственностью Іоанновой державы. Берега Чудскаго озера, или Пейпуса, откуда истекаетъ Нарова, еще издревле принадлежали Россіи, а съ занятіемъ Нарвы и Нейшлоса все водяное сообщеніе отъ рѣки Великой, при которой построены Псковъ, вплоть до Финскаго залива, заключалось въ нашихъ предѣлахъ. Покореніе, въ томъ же году, Дерпта (¹⁶⁵), нѣкогда Русскаго города Юрьева, основаннаго Ярославомъ I, на впадающей въ Пейпусъ рѣкѣ Эмбахѣ, еще болѣе упрочило за Россіею обладаніе этимъ водоходнымъ путемъ въ Балтійское море.

Завоевавъ Нарву, почти вслѣдъ за утвержденіемъ договора съ Англичанами чрезъ посредство Ченслера, Іоаннъ имѣлъ въ одно и то же время два торговыхъ порта: одинъ въ Бѣломъ, другой въ Балтійскомъ морѣ. Ганзейцы первые начали приходить въ Нарву, а ихъ примѣру послѣдовали и другіе иностранцы. Царь постоянно покровительствовалъ этой торговлѣ, а чиновники и купцы Русскіе привлекали чужеземныхъ гостей ласковымъ обхожденіемъ и гостепріимствомъ (¹⁶⁶). Не смотря на всевозможныя затрудненія и препятствія со стороны Ливонскихъ рыцарей, особенно же со стороны Швеціи, вооруженною рукою нападавшей на шедшія въ Нарву купеческія суда, торговля въ этомъ городѣ процвѣтала, къ обоюднымъ выгодамъ, почти до самаго 1581 года, когда Шведы не только отняли у Россіи Нарву и почти все другія ея завоеванія въ Эстляндіи и Лифляндіи, но еще и занесли ногу на древнія наши владѣнія, взявъ лежащій противъ Нарвы замокъ Ивангородъ и старинныя крѣпости въ Ижорской землѣ, Ямы и Копорье (¹⁶⁷). Все это, по перемирію, заключенному въ 1583 году, на рѣкѣ Плюсѣ, осталось на три года за Швеціею (¹⁶⁸); завоеванія въ Лифляндіи еще прежде этого отошли къ Польшѣ (¹⁶⁹), и Іоаннъ съ скорбіемъ долженъ былъ отказаться отъ надежды имѣть торговля и государственныя сношенія съ остальною Европою путемъ кратчайшимъ и болѣе удобнымъ, нежели черезъ Бѣлое море. Съ потерей Нарвы и съ упадкомъ Ганзейской торговли, наше

мореходство въ Балтикѣ сдѣлалось ничтожнымъ, и за тѣмъ Россія имѣла владѣнія еще при моряхъ Бѣломъ и Ледовитомъ на сѣверѣ и Каспійскомъ на югѣ. Плаваніе по двумъ первымъ, какъ говорено выше, продолжалось безостановочно и наши тамошніе мореходы, безстрашные и опытные, оказали много услугъ чужестранцамъ, бесполезно доискивавшимся сѣверо-восточнаго пути въ Индію ⁽¹⁷⁰⁾. Съ покореніемъ Казани и Астрахани, Русскіе могли бы, по видимому, свободно ходить и по Каспійскому морю, но плаванію ихъ на немъ, не говоря уже о постоянныхъ безпокойствахъ въ Персіи и о хищническихъ племенахъ, обитающихъ по берегамъ, много препятствовали еще и разбои, особенно со стороны казаковъ, почти непрекращавшіеся на Волгѣ. Первое извѣстіе о Русскомъ торговомъ суднѣ, видѣнномъ въ этомъ бурномъ морѣ, именно на восточномъ берегу, у полуострова Мангышлака, принадлежитъ къ 1559 году ⁽¹⁷¹⁾.

Въ 1584 году не стало Іоанна, но и послѣ него любимая его мысль упрочить за Россіею господство въ Балтійскомъ морѣ, не была упущена изъ вида. При переговорахъ, веденныхъ, въ 1585 году, съ Шведскими уполномоченными на Плюсѣ, наши послы требовали назадъ части Іоаннова завоеванія, Эстляндіи, однако безъ успѣха. До заключенія мира, Ивангородъ, Ямъ и Копорье, захваченные Шведами при Грозномъ, остались за ними еще на четыре года ⁽¹⁷²⁾. Въ 1590 году, Россія, уже силою оружія, взяла обратно, не только эти три крѣпости, но еще издревле ей принадлежавшую землю Корельскую, съ главнымъ въ ней городомъ Корелою, или Кексгольмомъ. Правительство наше домогалось еще и Нарвы со всею Эстляндіею, но неудачно. Шведы ни за что не рѣшались уступить ее ⁽¹⁷³⁾.

Въ царствованіе Θεодора Іоанновича, продолжавшееся по 1589 годъ, произошла видимая холодность въ сношеніяхъ Русскаго Двора съ Англійскимъ. Послѣдній самъ подалъ къ тому поводъ неумѣренными требованіями торговыхъ преимуществъ, исключительно въ пользу своихъ подданныхъ. Годуновъ, правившій тогда у насъ кормиломъ государства, не подавался на домогательство Британцевъ, и отвѣчая Королевѣ Елисаветѣ, что честная торговля открыта въ Россіи для всѣхъ народовъ,—писалъ именемъ цар-

скимъ: «и тое Божью дорогу, Окіанъ-море, какъ мочно переняти, и унять и затворить»⁽¹⁷⁴⁾.

Виды Іоанана и Θεодора на прямыя сношенія съ западною Европою чрезъ Балтійское море много занимали и Царя Бориса Θεодоровича Годунова. Неутомимо пытался онъ склонить Шведовъ къ уступкѣ Нарвы; даже уговаривалъ тайно жителей Эстоніи передаться Россіи⁽¹⁷⁵⁾, замышлялъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Ливонію⁽¹⁷⁶⁾, но, занятый внутренними волненіями въ государствѣ, не успѣлъ привести въ дѣйствіе своихъ полезныхъ намѣреній. Если бы Провидѣніе судило ему властвовать долго и безмятежно, то весьма могло бы быть, что великое дѣло Петра: создать въ Россіи флотъ и твердою ногою стать на берегахъ Балтійскаго моря, осуществилось бы столѣтіемъ ранѣе. Не было предмета, на который бы преемникъ Θεодора не обратилъ своего вниманія и своей дѣятельности. Между прочимъ, еще до восшествія своего на престолъ, въ 1586 году, онъ выписывалъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ, Англійскаго математика Ди (Dee)⁽¹⁷⁷⁾, а въ 1599, ѣздившій въ Австрію, съ извѣстіемъ о воцареніи Годунова, думный дьякъ Власьевъ прибылъ въ Архангельскъ, на двухъ корабляхъ, купленныхъ и снаряженныхъ имъ, по царскому повелѣнію, въ Любекъ, вмѣстѣ съ нанятыми тамъ кормщикомъ или штурманомъ, матросами и мастерами⁽¹⁷⁸⁾. Вниманіе Бориса простиралось и на самые отдаленные края его владѣній. Такъ, основавъ въ 1600 году, въ землѣ Самоѣдовъ, на рѣкѣ Тазѣ, городъ Мангазею⁽¹⁷⁹⁾, въ 1602 году онъ повелѣлъ строить тамъ, для плаванія въ Ледовитомъ морѣ, 15 *морянокъ* или морскихъ судовъ, для коихъ вся «судовая снасть» была выслана изъ Ярославля и Вологды въ Верхотурье⁽¹⁸⁰⁾. Къ сожалѣнію, участь какъ этого предпріятія, такъ и кораблей, приведенныхъ Власьевымъ, неизвѣстна.

Вообще во второй половинѣ XVI и въ первыхъ годахъ XVII вѣка, Россія, постигая свои силы, какъ бы чувствовала, что она слишкомъ стѣснена, скована въ предѣлахъ; что ей необходимо раздвинуть ихъ до морей, принимающихъ въ себя Неву, Нарову, Западную Двину, Днѣпръ, Донъ и другія судоходныя рѣки. Іоаннъ Грозный, Θεодоръ, Годуновъ помогали владычества на

морѣ Балтійскомъ; Лжедимитрій I искалъ его на водахъ Черноморскихъ, помышляя о завоеваніи Азова (¹⁸¹).

Смутное государственіе Василя Іоанновича Шуйскаго и послѣдовавшее за нимъ междоцарствіе, не только воспрепятствовали Россіи расширить свои предѣлы, но лишили ее и собственнаго достоянія: многихъ, искони Новгороду принадлежавшихъ владѣній. Такъ, въ 1609 году уступленъ былъ Швеціи, по договору, Кексгольмъ (¹⁸²), а въ 1611 и 1612 войска этой державы, пользуясь безначаліемъ въ нашемъ отечествѣ, овладѣли обоими берегами Невы, съ крѣпостями Невскою и Орѣшкомъ; взяли въ Ижорской землѣ: Копорье, Ямы, Ивангородъ, заняли Ладогу, Порховъ, Старую Русу, самый Новгородъ, потомъ Гдовъ и Тихвинъ (¹⁸³). По Столбовскому миру, заключенному въ 1617 году, уже при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, часть этихъ завоеваній была возвращена Россіи, но Невская крѣпость, Орѣшекъ, Копорье, Ямы, Ивангородъ и прежде уступленный Кексгольмъ, словомъ вся Ингрія и Корелія, т. е. всѣ наши владѣнія по берегамъ Финскаго залива, отъ сѣверной ихъ границы, — рѣки Сестры, до южной, рѣки Наровы, — отошли къ Швеціи (¹⁸⁴). Въ мореходномъ и торговомъ отношеніяхъ это была потеря огромная, одна изъ самыхъ чувствительныхъ, когда либо понесенныхъ Россіею. Она лишилась тѣхъ земель, которыя принадлежали ей съ первыхъ ея временъ, частию съ самаго ея основанія. Генію Петра Великаго предоставило Провидѣніе возвратить своему отечеству не только эти области, но и часть Финдландіи, въ разное время отнятой у насъ Шведами.

Съ тѣхъ поръ какъ Россія утратила свои прибалтійскія владѣнія, мореходство ея тамъ пришло въ совершенный упадокъ. На Каспійскомъ морѣ, по причинамъ выше изложеннымъ, оно также не могло сдѣлать успѣховъ, и потому, до исхода XVII столѣтія однѣ воды Сѣвернаго океана были поприщемъ для Русской отваги, не страшившейся бороться съ природою, въ этихъ странахъ столь враждебною къ человѣку.

До начала тысяча-шестисотыхъ годовъ плаваніе Русскихъ на этихъ водахъ простиралось, на востокъ, до Оби и Енисея. Покореніе Сибири, начатое въ послѣднее время жизни Іоанна Грозна-

го, и продолжавшееся при его преемникахъ, расширило кругъ дѣятельности нашихъ мореплавателей еще далѣе. Поселившіеся въ новозавоеванномъ краѣ торговые люди, казаки и промышленные,—какъ называютъ ихъ тамъ (¹⁸⁵),—на утлыхъ, кое-какъ построенныхъ судахъ, пускаясь на удачу для промысловъ и сбора ясака, въ «Студеное море», доставили современникамъ своимъ первыя свѣдѣнія о неизвѣстныхъ дотолѣ рѣкахъ: Ленѣ, Янѣ, Индигиркѣ, Колымѣ, Анадырѣ и открыли почти всѣ берега на протяженіи отъ Енисея до Камчатки, приводя жителей «подъ Царскую высокую руку» (¹⁸⁶). Первое мѣсто между этими неустрашимыми плавателями, этими Русскими КORTEцами и Магелланами, неоспоримо принадлежитъ казаку, или, какъ онъ самъ писалъ о себѣ, «служилому человѣку» (¹⁸⁷)—Дежневу. Въ теченіе шести лѣтъ, съ 1648 по 1654 годъ, борясь на морѣ съ льдами и бурями, а на сушѣ съ дикими племенами,—онъ прошелъ изъ Колымы въ Анадырь, обогнувъ, такимъ образомъ, всю сѣверовосточную часть Сибири. Бѣдный мореходъ не зналъ, что когда въ Европѣ, много лѣтъ сряду, шла рѣчь о томъ: соединяется ли сѣверъ Азіи съ сѣверомъ Америки,—онъ уже давно рѣшилъ этотъ важный вопросъ, прошедъ изъ Ледовитаго моря въ ту часть Великаго океана, которую называютъ теперь Беринговымъ моремъ.

Настойчивость въ достиженіи цѣли и безстрашіе нашихъ сѣверныхъ мореходовъ изумительны. Принуждаемые, огромными массами льдинъ, то возвращаться, на значительное разстояніе, назадъ, то дѣлать большіе обходы, то по нѣсколькимъ днямъ оставаться затертыми среди льдовъ,—то жертвуя своими судами, спасаться на ближайшій берегъ, перебираясь съ льдины на льдину, — эти желѣзные люди должны были, въ то же время, бороться съ холодомъ, голодомъ и болѣзнями. Счастливыми почитали они себя, если имъ удавалось провести зиму подъ кровомъ жилища, едва защищавшаго ихъ отъ ненастья и стужи. Наступало лѣто, и они снова пускались въ море, снова вступали въ борьбу съ опасностями и лишеніями. И когда, въ какое время, совершались эти трудные поиски? Когда самые опытные, наукою руководимые, мореходцы Европейскаго запада, на судахъ твердой

постройки, не разъ отказывались отъ своихъ покушеній пройти Ледовитымъ моремъ изъ Европы въ Великій океанъ, и на оборотъ, изъ Великаго океана въ Атлантическій. Препятствія, признанныя ими за неодолимые, были одолены нашими сѣверными плавателями, не видѣвшими въ своихъ дѣйствіяхъ ни особыхъ подвиговъ самоотверженія, ни заслугъ передъ просвѣщеннымъ міромъ (¹⁸⁸).

Открытія слѣдовали за открытіями. Въ то время какъ одни изъ нашихъ Сибирскихъ поселенцевъ такъ неустойчиво подвизались на крайнемъ сѣверѣ, другіе, съ такою же какъ и они цѣлю, устремлялись къ юго-востоку, и проложили путь въ тѣ части Восточнаго океана, которыя мы именуемъ Охотскимъ и Сахалинскимъ морями. Главнѣйшимъ изъ этихъ путей былъ Амуръ. Честь перваго плаванія по немъ, до самаго устья, а оттуда и далѣе на сѣверъ, принадлежитъ Письменному Головѣ Пояркову (¹⁸⁹), предшественнику знаменитаго Хабарова. И здѣсь встрѣчаемы были тѣ же препятствія отъ льдовъ, тѣ же сопротивленія отъ туземцевъ, тѣ же недостатки въ первыхъ потребностяхъ жизни, какимъ подвергались наши плователи въ Ледовитомъ морѣ (¹⁹⁰).

Отъ сѣверныхъ и восточныхъ морей Россіи перейдемъ опять на югъ, къ морямъ Черному и Азовскому.

Мы видѣли выше, въ описаніи походовъ Святославовыхъ, что за Днѣпровскими порогами кочевали Печенеги. Этотъ хищническій народъ, исчезающій въ нашей исторіи въ первой половинѣ XI вѣка, занималъ своими кочевьями: въ одну сторону все прибрежное пространство отъ Днѣпра до Дуная, а въ другую отъ Днѣпра до Дона, имѣя полуденною границею своихъ степей часть Чернаго моря и море Азовское, а сѣверною — рѣку Донецъ. Печенеговъ вытѣснили Половцы, но и тѣ, въ свою очередь, были изгнаны Татарами. Берега Дона и пространство по сѣверную сторону Азовскаго моря опустѣли, но степи по обѣ стороны Днѣпра сдѣлались населенными. Туда, удаляясь отъ нашествій Татаръ и набѣговъ Литовскихъ, уходили съ отеческихъ своихъ пепелищъ жители южной Россіи, нынѣшней Малороссіи, какъ въ мѣста недоступныя для враговъ и незаманчивыя для ихъ хищничества. Изъ этихъ переселенцевъ, и еще изъ другихъ, присоединявшихся къ нимъ, пришельцевъ, составилось со временемъ то

воинственное общество, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ *Запорожцевъ*, или *Запорожскихъ казаковъ*, такъ названныхъ потому, что они жили за порогами Днѣпровскими. Сохраняя Православіе и большую часть древнихъ Русскихъ обычаевъ, они составили собою особую христіанскую республику, и снискавъ расположеніе Польскаго правительства въ первыхъ годахъ XVI вѣка, сдѣлались какъ бы передовою стражею Польши, передовымъ оплотомъ ея: и противъ Турокъ, не задолго передъ тѣмъ завоевавшихъ Константинополь, и противъ Крымскихъ Татаръ, водворившихся на Таврическомъ полуостровѣ. Земля Запорожцевъ начиналась, выше пороговъ, отъ городка Самары, вплоть до устья Днѣпровскаго лимана, захвативъ и низовье Буга по рѣчку Синюху, а съ другой стороны простиралась отъ Самары до Дона (¹⁹¹).

Въ одно время съ поступленіемъ Запорожцевъ въ службу Польши, являются въ исторіи *Казаки Донскіе*, такъ называемые по рѣкѣ Дону, гдѣ они основали свои селенія. Происхожденіе ихъ въ точности неизвѣстно, но отчасти объясняется отвѣтомъ Царя Іоанна Васильевича на жалобы Нагайскихъ Татаръ, что Донцы раззоряютъ ихъ улусы: «а живутъ на Дону нашего государства бѣглые люди». Отвѣтъ этотъ былъ писанъ между 1520 и 1540 годами, а въ 1559-мъ Донскіе казаки уже именуются подданными Россіи. Заселивъ собою оба берега Дона, почти до самаго его устья, гдѣ издревле стоялъ укрѣпленный городъ Тана, со времени покоренія его Турками называемый у насъ Азовомъ, они сдѣлались страшными сосѣдями для Калмыковъ, Черкесовъ, Нагайцевъ, Крымцевъ и, въ особенности, Турокъ (¹⁹²).

Этотъ краткій обзоръ появленія и мѣстъ жительства казаковъ поясняетъ, почему въ царствованіе Іоанна Грознаго, Адашевъ безпрепятственно прошелъ въ Черное море по Днѣпру тою его частию, которая тогда не принадлежала Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Запорожцы также участвовали въ этомъ походѣ, будучи столько же опасными врагами для Турокъ и Крымскихъ Татаръ со стороны Днѣпра, сколько Донцы со стороны Дона. Ихъ враждебное расположеніе и свобода, съ какою они могли выходить

изъ Днѣпра, побудили Турокъ, при соединеніи Днѣпровскаго лимана съ Чернымъ моремъ, построить громкую въ исторіи нашихъ войнъ съ Портою, крѣпость Очаковъ. Въ послѣдствіи времени, въ 1570 году, къ Донскимъ казакамъ прибыло 5 т. Запорожцевъ, которые, поселясь между ними, были также основателями города Черкасска, построеннаго ими на Дону, въ шестидесяти верстахъ отъ Азова, ближе всѣхъ другихъ городовъ казачьихъ ⁽¹⁹³⁾.

Близость Дона къ Волгѣ, у нынѣшней Качалинской станицы, гдѣ разстояніе между этими двумя рѣками не превышаетъ 60 верстъ, доставляла Донскимъ казакамъ удобство выходить въ Каспійское море, гдѣ они и являлись постоянно, грабя суда Персидскихъ и Бухарскихъ купцовъ ⁽¹⁹⁴⁾ и даже Русскія, плывшія по Волгѣ. Черезъ Каспійское море Донцы пробрались въ рѣку Яикъ (нынѣшній Уралъ) и, поселясь тамъ, приняли названіе Яикскихъ казаковъ ⁽¹⁹⁵⁾. Другая толпа, или ватага, подобнымъ же образомъ, и еще прежде, проникла въ Кавказскія горы, и водворившись тамъ навсегда, получила, отъ гребней горъ, наименованіе Гребенскихъ казаковъ ⁽¹⁹⁶⁾. Наконецъ, еще до переселенія Донцевъ на Яикъ и на Кавказъ, нѣкоторые изъ нихъ, съ знаменитымъ Ермакомъ, проникли въ Сибирь, и распространясь по всей этой странѣ подъ офиціальнымъ названіемъ «служилыхъ людей», были главными дѣйствителями въ упоминаемыхъ выше плаваніяхъ отъ Енисея, черезъ нынѣшній Беринговъ проливъ, до Амура ⁽¹⁹⁷⁾.

Удалые витязи въ полѣ, казаки, какъ Запорожскіе, такъ и Донскіе, были самыми отважными плавателями, и мореходство ихъ состоитъ въ тѣсной связи не только съ мореходствомъ Русскихъ вообще, но и съ исторіею ихъ флота, созданнаго Петромъ Великимъ для Чернаго моря.

Закоренѣлые враги Крымскихъ, Нагайскихъ и Кубанскихъ Татаръ, а еще болѣе Турокъ, Запорожцы постоянно подвизались противъ нихъ на сушѣ и на водѣ, совершая иногда плаванія дальнія и дѣла изумительной смѣлости. Первый замѣчательный ихъ военный походъ моремъ, принадлежитъ къ 1576 году. Въ это время, находясь въ явной войнѣ съ Турками, они разѣзжали на малыхъ и легкихъ своихъ судахъ, по Черному морю, передъ устьями Дуная; перехватывали непріятельскія суда съ

войсками и запасами, и войдя въ Дунай, раззоряли и уничтожали прибрежныя Турецкія укрѣпленія и жилища (¹⁹⁸). Вскорѣ послѣ этого, въ томъ же году, Запорожцы, сѣвъ на суда, вышли изъ Днѣпра, пристали съ двухъ сторонъ къ Крымскому полуострову, у нынѣшнихъ Евпаторіи и Феодосіи, избивали Татаръ и ходили на противоположный берегъ Чернаго моря, къ Трапезонту и Синопу (¹⁹⁹). Въ 1590 году они опять выѣзжали въ море, брали встрѣчавшіеся имъ Турецкіе корабли, и вторично посѣтивъ Трапезонтъ и Синопъ, безнаказанно жгли ихъ (²⁰⁰); въ 1605-мъ поступили такимъ же образомъ съ Варною (²⁰¹); въ 1612 сдѣлали набѣгъ на Кафу (Феодосію) и взяли ее приступомъ (²⁰²); въ 1613 и 1614 разсѣялись по всему Черному морю и нападали на прибрежныя города и селенія (²⁰³); въ 1615, по другимъ свѣдѣніямъ въ 1616, совершенно истребили отдѣленіе Турецкаго флота, состоявшее изъ 6-ти галеръ и 20-ти мелкихъ судовъ, послѣ чего сожгли Синопъ и арсеналь въ Трапезонтѣ (²⁰⁴); съ 1620 по 1625, непрерывно держали въ страхѣ населеніе Константинополя, раззоряли его окрестности, громили берега Крыма, мужественно бились съ Турецкимъ флотомъ и вѣроятно пробившись бы до Султанскаго серая, если бы Турки не заградили цѣпью входъ въ Стамбульскую гавань (²⁰⁵). Въ 1626 году Запорожскіе казаки сражались на морѣ съ меньшимъ успѣхомъ, потерявъ около двадцати своихъ судовъ, потопленныхъ Турками (²⁰⁶), но отмстили за эту неудачу въ 1629 году, новымъ набѣгомъ на столицу Оттомановъ. Пока главные силы ихъ стояли близь входа въ проливъ, часть Запорожцевъ, на двѣнадцати лодкахъ, прокрались въ Босфоръ, но, загнанные вѣтромъ и теченіемъ, попали въ средину четырнадцати Турецкихъ галеръ. Спасенія не было. И въ такомъ положеніи казаки не упали духомъ, но поспѣшно вышли на берегъ, заперлись въ одномъ изъ Греческихъ монастырей, и упорно оборонялись въ немъ. Товарищи ихъ, заслышавъ выстрѣлы, пошли на 50 лодкахъ, къ мѣсту боя, овладѣли двумя непріятельскими галерами, сдѣлали высадку и, выручивъ осажденныхъ, возвратились съ побѣдою и добычею (²⁰⁷). «Братья наши Запорожцы», писалъ объ этомъ набѣгѣ къ Крымскому Хану Мураду Кошевой Атаманъ Сирко,

«воюя на судахъ по Черному морю, коснулись мужественно самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ, и довольно окуривали ихъ пороховымъ дымомъ, въ присутствіи самаго Султана (²⁰⁸)». Эти, и другія, какъ прежде, такъ и послѣ происходившія, нападенія Запорожцевъ, довели наконецъ Порту до того, что она вынужденною нашлась заключить, около 1649 года, съ знаменитымъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, формальный договоръ о торговлѣ, предоставивъ казакамъ свободный приходъ ко всѣмъ своимъ гаванямъ и островамъ, не только въ Черномъ, но и въ «Бѣломъ» или Средиземномъ морѣ (²⁰⁹). Не должно забывать, что всѣ описанныя здѣсь дѣйствія Запорожцевъ происходили въ то время, когда Турки были еще могущи въ Европѣ и въ Азіи. Должно ли же послѣ всего этого сомнѣваться въ томъ, что на тѣхъ же водахъ, и почти при тѣхъ же обстоятельствахъ, Аскольдъ и Диръ ходили къ Царьграду только на 200 судахъ!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Донскіе казаки принимали участіе въ морскихъ дѣйствіяхъ Запорожцевъ, хотя имъ и труднѣе было нежели послѣднимъ выходить въ море, изъ устьевъ Дона, сторожимыхъ и крѣпостью Азовомъ и Турецкими судами. Есть свѣдѣнія, что они участвовали въ походѣ 1624 года, а въ 1628, при содѣйствіи Запорожцевъ, раззорили монастырь Св. Іоанна Предтечи, находившійся въ двухъ стахъ верстахъ отъ Константинополя (²¹⁰). Въ 1630 году они подступали, хотя и безуспѣшно, къ Азову и Керчи, и раззоряли Крымъ (²¹¹), а въ 1637, вспомошествоваемые Запорожцами, взяли Азовъ (²¹²) и удерживали его до 1641 года (²¹³). Въ продолженіе этого времени, въ 1638 году, Донскіе казаки, на 1000 лодкахъ, вышедъ изъ Дона и счастливо миновавъ Крымъ, разсѣялись по всему Черному морю, грабили и топили попадавшіеся имъ корабли разныхъ націй; неистовствовали на берегахъ Анатолиі, опустошили Трапезонтъ, Синопъ, Ризу, и возвращаясь сразились, передъ Керченскимъ проливомъ, съ Турецкимъ флотомъ. Донцы были побѣждены въ этой, слишкомъ неровной, битвѣ, и съ тѣхъ поръ уже избѣгали встрѣчъ съ Турецкимъ флотомъ, ограничиваясь высылкою въ море только небольшихъ отрядовъ (²¹⁴). Едва ли проходилъ годъ, чтобы они не тревожили Турокъ, какъ на

Азовскомъ (у Донцевъ и Запорожцевъ «Синемъ»), такъ и на Черномъ морѣ, говоря, что «казаки на море противъ бусурманъ ходятъ потому, что имъ опричь сего кормиться нечѣмъ (²¹⁵)». «Какимъ образомъ», говоритъ одинъ изъ историковъ Донскаго войска, «Казаки въ слабыхъ своихъ челнахъ могли проходить мимо Азовской крѣпости, у стѣнъ которой всегда стояли галеры и другія военныя суда; какимъ образомъ переходили они *бомъ* (бонъ), во всю ширину рѣки тремя цѣпями укрѣпленный и съ обѣихъ сторонъ перекрестнымъ картечнымъ огнемъ защищаемый, это и доселѣ можетъ казаться неимовѣрнымъ. Болѣе нежели дерзновенная отважность и мужество потребны были для такихъ отчаянныхъ предпріятій, и казаки совершали ихъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Обыкновенно, въ самую темную ночь, при бурномъ, попутномъ вѣтрѣ и проливномъ дождѣ, прокрадывались они мимо укрѣплений, перетаскивали лодки чрезъ *бомъ*, между связями онаго и мелководными *гирлами* (устьями), гдѣ военныя суда, глубже лодокъ въ грузу стоящія, не могли ихъ преслѣдовать—и выходили въ море, часто безъ потери. Иногда, предъ нападеніемъ, ночью, внизъ по теченію рѣки, казаки пускали бревна, кои, ударяя въ *бомъ*, содержали въ безпрестанной тревогѣ Турецкій гарнизонъ, и нерѣдко доводили его до того, что Турки пренебрегали сими *плавнями*, чѣмъ Донцы пользовались и часто проходили крѣпость безъ выстрѣла. Иногда, поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили они свои суда, сухимъ путемъ, въ Міусь, и сею рѣчкою выплывали въ море (²¹⁶).»

Запорожскіе Казаки, продолжавшіе тревожить Турокъ и послѣ вышеописанныхъ походовъ къ Константинополю, рѣдко встрѣчали препятствія къ выходу изъ Днѣпра, хотя, для удерживанія ихъ, Турки и имѣли Очаковскую крѣпость, но ширина лиманскаго устья между ею и противолежащею ей Кинбурнскою косою, дозволяла казакамъ безпрепятственно выходить въ море (²¹⁷).

Два очевидца: Французскій инженеръ Бопланъ, посѣщавшій Запорожье въ первой половинѣ, и нашъ адмиралъ Крюйсъ, жившій на Дону въ послѣднихъ годахъ XVII-го столѣтія, передали довольно подробныя извѣстія о судахъ и образѣ плаванія казаковъ: первый—Запорожскихъ, послѣдній Донскихъ.

«Задумавъ погулять на морѣ», пишетъ Бопланъ, и казаки испрашиваютъ дозволеніе не у Короля, а у Гетмана; потомъ составляютъ Раду, т. е. военный совѣтъ, и выбираютъ походнаго Атамана, такъ точно какъ и главнаго вождя. Впрочемъ Атаманъ походный ставится на время. Послѣ сего они отправляются въ Войсковую Скарбницу—сборное свое мѣсто; строятъ тамъ челны, длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 12 футовъ. Челны сіи безъ киля: дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна, ивоваго или липоваго, длиною около 45 футовъ; оно обшивается съ боковъ, на 12 футовъ въ вышину, досками, которыя имѣютъ въ длину отъ 10 до 12, а въ ширину 1 футъ, и приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнъ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 футовъ. Длина его постепенно увеличивается къ верху. Толстые канаты изъ камыша, которые обвиты лыками или боярышникомъ, какъ связанные бочки обхватываютъ челнъ отъ кормы до носа. Казаки отдѣлываютъ всѣ части своихъ лодокъ такимъ же образомъ, какъ и наши плотники. Потомъ осмаливаютъ ихъ и придѣлываютъ къ каждой по два руля, чтобы не терять напрасно времени при поворотѣ своихъ длинныхъ судовъ, когда нужда заставить отступить. Челны казацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе Турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ, но при сильномъ вѣтрѣ казаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы; если же ихъ залетъ волнами, то камышевые канаты предохраняютъ отъ потопленія».

«Для отмщенія Татарамъ за раззореніе Украйны, казаки выбираютъ осеннее время; заранѣе отправляютъ въ Запорожье снаряды и запасы, необходимые для похода и для постройки челновъ. Въ Запорожьи собирается отъ 5 до 6000 добрыхъ, хорошо вооруженныхъ казаковъ, которые немедленно принимаются за работу. Не менѣе 60 человекъ, искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, трудятся около одного челна и отдѣлываютъ его чрезъ 15 дней, такъ что въ двѣ или три недѣли изготовляютъ около 80 или 100 лодокъ, съ 4 или 6 фалконетами на каждой. На

лодку садится отъ 50 до 70 казаковъ, изъ коихъ всякій имѣетъ саблю, двѣ пищали, 6 фунтовъ пороха, достаточное количество пуль и квадрантъ; туда же кладутъ ядра для фалконетовъ и необходимые жизненные припасы. Походная одежда состоитъ изъ рубахи, двухъ шароваръ (одни для перемѣны), кафтана изъ толстаго сукна и шапки. Вотъ какіе витязи садятся на летучій флотъ, приводящій въ трепеть многолюдные города Натолиі».

«Челны казацкіе спускаются по Днѣпру и плывутъ такъ тѣсно, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами; Атаманскій флагъ развѣвается впереди. Турки обыкновенно заранѣе провѣдываютъ о намѣреніи казаковъ, и чтобы удержать ихъ, разставляютъ галеры свои на устьѣ Днѣпровскомъ, но хитрые казаки для выхода въ море избираютъ ночь самую темную, предъ новолуніемъ, а до того времени скрываются въ 3 или въ 4 миляхъ отъ устья, въ камышахъ, куда галеры Турецкія, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться: они стерегутъ казаковъ только на устьѣ, и всегда безъ успѣха. Впрочемъ, проѣздъ казаковъ чрезъ Лиманъ не можетъ совершенно укрыться отъ стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу, до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцовъ по берегамъ Натолиі, Булгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Казаки, пользуясь и временемъ и обстоятельствами, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра, причаливаютъ къ берегамъ Натолиі, и оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженные пищалями дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Натолию, нерѣдко на цѣлую милю отъ морскаго берега; потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею и плывутъ далѣе—на новые поиски. Есть надежда на успѣхъ,—вновь дѣлаютъ высадку; если нѣтъ—возвращаются съ добычею на родину; встрѣтятся ли имъ на морѣ Турецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ въ абордажъ. Открываютъ же непріятельскій корабль или галеру прежде, нежели Турки замѣтятъ

ихъ челны, возвышающіеся надъ морскою поверхностью не болѣе двухъ съ половиною футовъ. Увидѣвъ въ дали корабль, казаки немедленно убираютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра и становятся такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце было у нихъ за спиною. За часъ до захожденія его, они на всѣхъ веслахъ плывутъ къ кораблю и останавливаются на мило отъ него, чтобы не упустить непріятеля изъ вида. Наконецъ, въ полночь, по данному знаку, устремляются на врага: половина удалцовъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждутъ абордажа, и сцѣпившись съ Турецкимъ судномъ, въ одно мгновеніе входятъ на оное. Турки, изумленные нападеніемъ 80 или 100 лодокъ и множествомъ враговъ, уступаютъ; а казаки, забравъ деньги, негромоздкіе товары, которымъ не вредитъ подмочка, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ полезно, пускаютъ корабль на дно, со всѣмъ его экипажемъ. Если бы они умѣли править морскими судами, то уводили бы съ собою и взятые корабли: но они еще не дошли до сего искусства».

«Наконецъ настаетъ время къ возвращенію на родину. Турки между тѣмъ усиливаютъ стражу на устьѣ Днѣпровскомъ; но Казаки смѣются надъ этимъ, даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ уменьшили число ихъ, или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ: они причаливаютъ въ заливѣ, въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива къ Днѣпру идетъ низкая лощина (*), длиною около 3 миль, которую море иногда заливаетъ на четверть мили, покрывая ее водою не болѣе какъ на полфута. Чрезъ эту лощину, постепенно возвышающуюся къ Днѣпру, казаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200 или 300 человѣкъ, и чрезъ два или три дня, весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ казаки избѣгаютъ сраженія съ Турецкими галерами, стоящими на устьѣ Днѣпровскомъ, близъ Очакова; возвращаются въ Войсковую Скарбницу и дѣлятъ тамъ добычу. Есть еще другая дорога для возвращенія въ

(*) Полуостровъ, на которомъ построенъ Кинбурнь.

Запорожье—чрезъ проливъ, раздѣляющій Тамань отъ Керчи, по Донскому Лиману и по рѣкѣ Міусу. Здѣсь они плывутъ вверхъ по Міусу покуда можно, а далѣе отъ сей рѣки до Тавчаводы около мили идутъ волокомъ; Тавчавода впадаетъ въ Самару; Самара же изливается въ Днѣпръ выше Койдака.—Казакѣ рѣдко избираютъ сей путь, по отдаленности его отъ Запорожья. Правда, они отправляются сею дорогою и на поиски, но только тогда, когда флотъ ихъ состоитъ изъ 20 или 25 челновъ, или когда Турки совершенно преграждаютъ имъ устье Днѣпровское».

«Впрочемъ и казакѣ въ свою очередь попадаютъ въ западню, если встрѣтятся съ Турецкими галерами среди бѣлаго дня—въ открытомъ морѣ; тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются, какъ стая скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ; удалцы теряютъ все свое мужество и въ быстромъ бѣгствѣ ищутъ спасенія. Но когда рѣшаются на битву, привязываютъ весла по мѣстамъ и вступаютъ въ бой: одни, не трогаясь съ лавокъ, стрѣляютъ непрерывно изъ пищалей; другіе заряжаютъ ихъ и подаютъ своимъ товарищамъ; мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ Турковъ до ручной схватки. При всемъ томъ пушки наносятъ казакамъ вредъ ужасный: они обыкновенно теряютъ въ сраженіяхъ съ галерами около двухъ третей своихъ сподвижниковъ, рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; но за то эти привозятъ богатую добычу: Испанскіе реалы, Арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя и шелковыя ткани и иные драгоценныя товары. Вотъ главный ихъ промыселъ: они живутъ одною добычею; ибо, возвратясь на родину, ничѣмъ не занимаются».

«Казакѣ выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня, а возвращаются не позже первыхъ чиселъ августа мѣсяца ⁽²¹⁸⁾».

Гораздо позже, именно во второй половинѣ XVIII столѣтія, запорожскія лодки поднимали, каждая до 120 человекъ.

«Суда Донскихъ казаковъ», по свидѣтельству Крюйса, «которыя они называютъ челнами (Czolny), не имѣютъ палубъ и ходятъ на Неаполитанскія фелюки или Гишпанскія баркелонги. Корма и носъ у нихъ острые; длиною они отъ 50 до 70 и бо-

лѣе футовъ, а шириною отъ 18 до 20 футовъ. Казаки обводятъ сіи суда пуками изъ тростника, которые служатъ имъ грудною защитою противъ ружейной пальбы. Суда эти одномачтовые, съ рейнымъ парусомъ, который ставится только по вѣтру и то въ крайности, большею же частію употребляются весла, которыхъ бываетъ у одного челна отъ 16 до 40. Казаки симъ средствомъ нагоняють не только Татаръ, но и Турокъ, и умѣють нечаянно нападать на нихъ, какъ съ сухаго пути, такъ и съ моря. Нѣкоторыя ихъ суда имѣють на кормѣ и на носу по рулю, или по загребному веслу. Къ шаткимъ судамъ симъ привязываютъ у бортовъ пучки изъ тростника, чтобъ не быть опрокинутыми. Прежде Донцы не возили съ собою никакихъ орудій, а теперь нѣсколько уже лѣтъ берутъ фалконеты; впрочемъ казацкія шаткія суда не могли бы снести тяжелыхъ пушекъ и сильной пальбы. Поиски подъ купеческіе корабли и вооруженныя галеры Казаки производять по большей части ночью или въ туманную погоду. Въ другое время небольшое число пушечныхъ выстрѣловъ могло бы уничтожить ихъ совершенно: ибо они большею частію идутъ всѣ вмѣстѣ и такъ близки одно отъ другаго, что имъ негдѣ повернуться. Турки не могутъ найти большой выгоды въ завоеваніи казацкихъ челновъ: имъ нужны казаки, которыхъ они обращаютъ въ рабство. Это иногда имъ и удается, но только въ сраженіяхъ на морѣ, а не около береговъ, потому что Казаки искусно плаваютъ, и когда выйдутъ на берегъ, то уже трудно ихъ настигнуть. Они умѣють очень искусно прятать свою добычу, топить суда и потомъ доставать ихъ снова изъ воды. Обыкновенно они хорошо одѣваются, но когда идутъ въ море, то надѣваютъ на себя старыя вѣтоши. Турки, напротивъ того, готовясь къ сраженію, наряжаются въ драгоцѣнныя платья и носятъ на себѣ золотыя и алмазныя вещи ⁽²¹⁹⁾». Изъ этого описанія видимъ, что у Донскихъ казаковъ, какъ самыя суда, такъ и дѣйствія ихъ въ морѣ, почти не разнествовали отъ Запорожскихъ.

Въ 1613 году вступилъ на престолъ Царь Михаилъ Феодоровичъ и это событіе благотѣльно отозвалось для Россіи. Приглашая на царство юнѣйшаго изъ семьи древняго и именитаго боярскаго,

дома Романовыхъ, будущіе его подданные могли сказать ему, какъ нѣкогда сказали ихъ предки Рюрику: «земля наша богата и велика, но устройства въ ней нѣтъ.» Отечество наше было такъ сильно потрясено послѣдними войнами при Іоаннѣ Грозномъ, внутренними волненіями въ государственное Бориса и гибельными смутами во времена самозванцевъ, что нуждалось въ покоѣ. Только при этомъ условіи, только при продолжительномъ мирѣ, Россія могла опять укрѣпиться въ силахъ, и, пользуясь своими естественными богатствами, своимъ географическимъ положеніемъ, дѣятельностью своего народа, составить собою самостоятельное, могучее государство,—можно сказать особую часть свѣта. Царствование Михаила, ни громкое завоеваніями, ни славное успѣхами оружія,—какимъ оно и не могло быть по обстоятельствамъ,—было полезно, было благотворно для Россіи, по своимъ послѣдствіямъ. Это было время постепеннаго уврачеванія тѣла больного, изнуреннаго, изъязвленнаго, но еще юнаго, полнаго жизни и силы.

Ознаменованное въ исторіи Русскаго мореходства открытіями Сибирскихъ рѣкъ Яны, Индигирки, Колымы и Амура, — собственно въ исторіи Русскаго флота, государственное Михаила Ѳеодоровича замѣчательно построеніемъ *перваго военнаго корабля въ Россіи*. Вспомнимъ при этомъ, что за исключеніемъ немногихъ случаевъ въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ, у насъ никогда не употребляли слово *корабль* для называнія своихъ судовъ, предоставляя его исключительно большимъ купеческимъ и паруснымъ военнымъ судамъ иностраннымъ (²²⁰). Слѣдовательно, сооруженіе въ нашихъ предѣлахъ *корабля*, въ томъ смыслѣ, какъ тогда понимали, было у насъ дѣломъ новымъ, явленіемъ невиданнымъ.

Выше говорено, что при Іоаннѣ Васильевичѣ IV, съ 1555 года, Англичане начали приходить, для торговли, въ устья Сѣверной Двины. Желая развить эту торговлю еще болѣе, они отправили въ 1558 году, съ согласія и при содѣйствіи Русскаго Правительства, въ Каспійское море, Мастера Дженкинсона (Jenkinson). Купивъ въ Астрахани мореходное судно, Дженкинсонъ нагрузилъ на него привезенные имъ товары, и дошедъ до Мангишлака, отправился оттуда сухопутно, въ Бухарію. Въ слѣдую-

щемъ году онъ возвратился изъ своего путешествія, а въ 1562 пріѣхалъ опять, и на этотъ разъ торговалъ въ Персіи. Послѣ него Англичане ѣздили туда, чрезъ Каспійское море, въ 1564, 1565, 1568 и 1569 годахъ, намѣреваясь пробраться въ Индію, но не имѣли успѣха. Вообще, и плаванія ихъ по морю, и путешествія по сушѣ, были очень неблагопріятны; такъ что въ течение десяти лѣтъ они не нашли себѣ послѣдователей.

Попытки Британцевъ завести чрезъ Россію торговлю съ Прикаспійскими и Закаспійскими странами, казались уже навсегда оставленными, когда, въ 1579 году, общество Англійскихъ купеческихъ факторовъ, погрузивъ въ Холмогорахъ свои товары на Русскія рѣчныя суда, повезло ихъ, по Двинѣ и Сухонѣ, водою, до Вологды; отсюда, на телѣгахъ, до Ярославля, а отъ Ярославля, на стругахъ, до Астрахани. Прозимовавъ въ этомъ городѣ, Англичане сѣли на заблаговременно-приготовленное купеческое судно, и направили свой путь къ берегамъ Ширвани, гдѣ дѣла ихъ пошли весьма неудачно. Опытъ заведенія торга въ Баку также не принесъ прибыли, и предприимчивые торговцы, лишась большей части своихъ товаровъ, поплыли назадъ, въ Астрахань, но, застигнутые бурей, а потомъ затертые во льдахъ, съ трудомъ добрались туда, въ началѣ 1581 года, и то уже берегомъ, много пострадавъ отъ стужи и голода. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства охладили ревность Англичанъ къ учрежденію торговли съ Востокомъ чрезъ Каспійское море. Хотя въ послѣдствіи они и ѣздили въ Персію, но уже иными путями, преимущественно чрезъ Персидскій заливъ ⁽²²¹⁾.

То, въ чемъ не имѣла успѣха Англія, было возобновлено Голштиніею.

Въ 1633 году, Шлезвигъ-Голштинскій Герцогъ Фридрихъ пожелалъ завести у себя, въ городѣ Фридрихштатѣ, торговлю шелкомъ, въ то время почитавшуюся въ Европѣ самою выгодною, и какъ этимъ предметомъ наиболѣе изобиловала Персія, то онъ и предположилъ войти съ нею въ прямыя торговыя сношенія. Исполненіе могло осуществиться не иначе, какъ при согласіи Россіи, чрезъ которую надлежало провозить товары, и потому Герцогъ предварительно отправилъ къ Царю Михаилу Ѳеодоро-

вичу нарочное посольство ⁽²²²⁾. Оно прибыло въ Москву въ Августъ 1654 года и было принято весьма благосклонно ⁽²²³⁾. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ уполномоченными отъ Русскаго Правительства лицами, — при чемъ успѣху дѣла много содѣйствовало посредство Швеціи, — въ декабрѣ мѣсяцѣ посланники отправились въ отечество, съ отвѣтомъ, что Царь дозволяетъ Голштинцамъ не только производить, чрезъ его владѣнія, въ теченіе десяти лѣтъ, торговлю съ Персіею, а оттуда и съ Индіею, но и построить для того, въ Нижнемъ Новѣгородѣ, десять кораблей, вооруженныхъ пушками. Последнее было необходимо, по причинѣ разбоевъ, постоянно производившихся въ низовьяхъ Волги и на Каспійскомъ морѣ ⁽²²⁴⁾. Въ Царской грамотѣ, писанной къ Герцогу, между прочимъ было сказано: «А тобѣ тобѣ Велиможному Өредерику вѣдати, что той торговли въ Персиду прежъ того прошали у насъ и иные государи и ихъ подданные, и мы Великій Государь дати имъ не позволили» ⁽²²⁵⁾.

Вскорѣ за этою грамотою, состоялась другая, въ Нижній Новгородъ, на имя тамошняго воеводы Шереметева и дьяка Пустынникова, въ которой, между прочимъ, было писано: «А по нашему указу договорилися бояре наши, съ Голштинскими послы, что ходити имъ въ Персиду изъ Ярославля Волгою на десяти кораблѣхъ, а корабли имъ дѣлати въ нашей землѣ, гдѣ такіе лѣса, которые къ тому дѣлу годны найдутъ, а тотъ лѣсъ покупати имъ у нашихъ людей вольною торговлею, а плотниковъ къ тому корабельному дѣлу, къ ихъ корабельнымъ мастерамъ въ прибавку, наймовать нашихъ подданныхъ охочихъ людей и наемъ имъ платити, по договору съ ними, вольною торговлею, *а отъ тѣхъ плотниковъ корабельнаго мастерства не скрывать.* И били намъ челомъ Голштинскіе послы, чтобы намъ пожаловати велѣти имъ тѣ корабли дѣлати въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, у кого такіе лѣса найдутъ, а для того корабельнаго дѣла, повелѣти бы имъ отпустить въ Нижній-Новгородъ Московскаго торговаго Нѣмчина Анца Беркова, да съ нимъ четырехъ человѣкъ своихъ Голштинскихъ людей, да корабельнаго мастера. И мы, по челобитію Голштинскихъ пословъ, тѣхъ людей въ Нижній-Новгородъ, для корабельнаго дѣла отпустили ⁽²²⁶⁾.» Упоминаемый въ этой грамотѣ

Анцъ Берковъ, или, какъ писали его Голштинцы, Hans Bergk, а по Русскимъ бумагамъ Иванъ Бережитцкій, — былъ сынъ Московскаго служилаго Нѣмчина, жившій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, для наученія торговаго промысла у Московскихъ и у пріѣзжихъ Нѣмецкихъ торговыхъ людей ⁽²²⁷⁾. Назначенные къ отправленію въ Нижній-Новгородъ, вмѣстѣ съ Беркомъ, были: Любекскій уроженецъ Кордесъ, опытный мореходъ, нанятый Голштинскими послами, еще до пріѣзда ихъ въ Россію, и долженствовавшій имѣть главный надзоръ за строеніемъ кораблей ⁽²²⁸⁾; корабельный мастеръ Иостенъ, родомъ изъ Швеціи ⁽²²⁹⁾, и еще трое, названные въ дѣлахъ нашего Посольскаго Приказа: Зелеръ, Стирпомасъ и Краниъ ⁽²³⁰⁾. Званія ихъ неизвѣстны.

Всѣ эти лица поѣхали изъ Москвы около 1-го января 1635 года, и прибывъ въ Нижній-Новгородъ, при дѣятельномъ содѣйствіи мѣстнаго начальства, съ помощію Русскихъ мастеровыхъ, приступили къ работамъ. Такъ какъ посольство, по отданіи Голстинскому правительству отчета въ успѣхѣ своихъ переговоровъ, должноствовало возвратиться въ Москву, а оттуда ѣхать въ Персію, для заключенія съ Шахомъ торговыхъ условій, то и положено было на первый разъ ограничиться постройкою только одного корабля, на которомъ посланники могли бы совершить свое путешествіе, черезъ Каспійское море. Отъ послѣдствій переговоровъ зависѣло сооруженіе остальныхъ девяти кораблей ⁽²³¹⁾.

Со стороны нашего правительства оказываемо было всевозможное пособіе къ безостановочному строенію, но постоянныя ссоры между Кордесомъ и Беркомъ, изъ которыхъ каждый домогался первенства въ управленіи работами, и несогласія перваго изъ нихъ съ Русскими мастерами, много замедляли ходъ дѣла ⁽²³²⁾. Это было причиною, что Голштинское посольство, прибывъ въ Нижній-Новгородъ въ послѣднихъ числахъ іюня 1636 года, нашло корабль еще неоконченнымъ, хотя, впрочемъ, онъ уже былъ спущенъ на воду ⁽²³³⁾. Болѣе трехъ недѣль прожили посланники на мѣстѣ, частію въ самомъ кораблѣ, а частію въ раскинутомъ на берегу шатрѣ, пока всѣ работы были приведены къ концу.

Построенный подъ надзоромъ Кордеса корабль былъ изъ елеваго лѣса, плоскодонный, безъ киля, съ тремя мачтами, со мно-

гими каютами внутри и съ пушками,—неизвѣстно въ какомъ числѣ,—для отраженія разбойничьихъ нападений. Онъ имѣлъ въ длину 120, въ ширину 40, а въ водѣ сидѣлъ 7 футовъ. Голштинцы назвали его, въ честь своего герцога, *Frideric*, и по случаю множества мелей на Волгѣ, приспособили къ ходу на веслахъ,—по двѣнадцати съ каждой стороны,—устроивъ въ кораблѣ двѣнадцать банокъ, или скамей, для гребцовъ. Вмѣстѣ съ кораблемъ, построена была для него и большая шлюпка⁽²³⁴⁾.

На кораблѣ должны были отправиться: 78 пассажировъ разнаго званія, составлявшіе посольство, его свиту и прислугу; 12 морскихъ офицеровъ, матросовъ и другихъ служителей, 3 офицера и 27 нижнихъ чиновъ, изъ находившихся въ Русской службѣ Шотландскихъ и Нѣмецкихъ войскъ, нанятые Голштинцами съ Царскаго разрѣшенія, и 5 чернорабочихъ изъ Русскихъ. Званіе капитана корабля было предоставлено Кордесу⁽²³⁵⁾.

По совершенномъ окончаніи всѣхъ работъ на кораблѣ, посольство отправило депутацію къ Шереметеву, для принесенія ему благодарности за содѣйствіе Кордесу и его помощникамъ⁽²³⁶⁾, и 30 іюля (нов. ст.) оставило Нижній-Новгородъ. Корабль шелъ подъ парусами, лавируя по причинѣ противнаго вѣтра и едва прошелъ двѣ версты, какъ сѣлъ на мель. Сойдя съ нея, послѣ четырехчасовыхъ усилій, онъ вступилъ, на другой день, опять подъ паруса, и опять, не пройдя версты, остановился на песчаной отмели. На этотъ разъ Голштинцы снялись скоро, но сильный, противный вѣтръ, обратившійся въ бурю, заставилъ ихъ бросить якорь и простоять на мѣстѣ до утра. Въ слѣдующій день, 1-го августа, они пытались идти на греблѣ, но не подвинулись на треть версты, какъ ихъ снова нанесло на мель. Снявшись безъ большаго труда, корабль простоялъ на якорѣ цѣлыя сутки, въ ожиданіи пока стихнетъ вѣтръ, и проплывъ впередъ съ четверть версты, снова попалъ, по неискуству лоцмана, на отмель. Голштинцы терпѣніе. Затрудняемые мелководіемъ Волги, ежеминутно ожидая встрѣчи съ казачьими ватагами, и не разъ застигнутые бурей, они пришли, наконецъ, 15-го сентября, въ Астрахань, послѣ полутора-мѣсячнаго, утомительнаго плаванія⁽²³⁷⁾.

Въ Астрахани, какъ и на всемъ пути отъ Нижняго Нового-

рода, корабль Голштинцевъ былъ предметомъ общаго любопытства. Персидскіе мореходы, прибывшіе на своихъ судахъ въ устья Волги, находили его слишкомъ длиннымъ для безопаснаго плаванія въ Каспійскомъ морѣ, и совѣтовали укоротить мачты (²³⁸), но представленія ихъ не были уважены. Пробывъ въ Астрахани болѣе трехъ недѣль, корабль поставилъ, 10-го октября, паруса, и послѣ неблагопріятнаго плаванія, 15-го числа вышелъ въ открытое море. Держа курсъ на югъ, онъ пришелъ, черезъ двѣ недѣли, къ принадлежавшему Россіи городу Теркамъ, а оттуда направился къ Дербенту. Въ плаваніи къ этому городу, вѣтръ сначала былъ попутный, но вскорѣ перемѣнился, а въ ночи на 12-го ноября, сдѣлаясь столь крѣпкимъ, что путешественники, не имѣвшіе у себя ни знающаго лоцмана, ни вѣрной карты, не рѣшаясь нести паруса въ темную ночь въ незнакомомъ морѣ, закрѣпили ихъ, и отдались на произволъ вѣтра. Двѣ Русскія лодки, находившіяся при кораблѣ, на бакштовѣ, и служившія: одна для промѣровъ, другая для выгрузокъ, затонули. Той же участи подверглась и корабельная шлюпка. Самый корабль, построенный изъ ели и уже много пострадавшій во время плаванія изъ Нижняго въ Астрахань, по словамъ находившагося на немъ знаменитаго ученаго Олеарія, «изгибался какъ змѣя, подъ страшными волнами разъяреннаго моря.» Вскорѣ онъ получилъ сильную течь; безпрестаннымъ волненіемъ сломало рулевые петли; изъ опасенія, чтобы не избило корму, сняли руль; судно, ставъ на якорь, страшно бѣдствовало. Посланники, часть прочихъ пассажировъ, сухопутные офицеры и нѣсколько солдатъ успѣли спастись на прибывшихъ съ берега лодкахъ. Вмѣстѣ съ ними удалось спасти и почти всѣ наиболѣе дорогіе товары и вещи, но затихшій на короткое время вѣтръ снова усилился и остававшіеся на кораблѣ люди еще нѣсколько часовъ боролись съ бурей. Въ отчаянномъ своемъ положеніи, они рѣшились на послѣднее, остававшееся имъ средство: обрубивъ якорный канатъ, и этимъ избавились отъ очевидной гибели. Судно, уже начинавшее разрушаться, будучи плоскодоннымъ и не имѣя киля, сѣло плотно на мель, въ тридцати саженьяхъ отъ берега. Одинъ изъ матросовъ, привязавъ къ себѣ веревку, кинулся за бортъ, доплылъ до берега

и при помощи сбѣжавшихся жителей, подтянулъ корабль еще ближе. Тогда спаслись всѣ. Крушеніе судна произошло 14-го ноября у Низабата, на берегу Дагестана ⁽²³⁹⁾.

Такова была участь перваго военного судна, построеннаго въ Русской землѣ, Русскими руками и изъ Русскаго лѣса.

Что касается до Голштинскаго посольства, то переговоры его съ Персидскимъ правительствомъ не имѣли успѣха, а въ слѣдствіе этого и строеніе остальныхъ девяти кораблей въ Нижнемъ-Новгородѣ не состоялось.

Выраженная Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ воля, чтобы Голштинцы «отъ Русскихъ плотниковъ корабельнаго мастерства не скрывали,» заставляетъ предполагать, что мысль о заведеніи въ Россіи флота не была чужда ему. Вообще, кажется вѣроятнымъ, что тогдашнее наше Правительство не упускало изъ вида осуществленія этой мысли. Между прочимъ, въ предисловіи къ воинскому уставу, напечатанному у насъ въ 1647 году, подъ заглавіемъ: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей», обѣщано было изданіе особой книги: «о корабельной ратной наукѣ» ⁽²⁴⁰⁾.

Строеніе военныхъ судовъ въ Россіи для Каспійскаго моря, начатое Голштинцами, и ограничившееся однимъ кораблемъ, возобновилось опять, черезъ тридцать лѣтъ, но уже не иностранцами, а по непосредственному распоряженію Русскаго Правительства.

Россія съ давнихъ временъ находилась въ сношеніяхъ съ Персіею, называвшеюся у насъ, по большей части, *Персидою* и *Кизилбашами*. Мы уже упоминали, что нѣкогда Волгою и другими Русскими рѣками, восточные товары шли изъ Каспійскаго моря въ Балтійское. Господство Татаръ въ нашемъ отечествѣ заградило этотъ торговый путь. Послѣ этого бѣдственнаго и продолжительнаго періода въ Русской исторіи, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ III, первый изъ нашихъ государей имѣлъ сношенія съ Персіею, хотя истинная цѣль ихъ и неизвѣстна ⁽²⁴¹⁾. Іоаннъ IV сносился съ Шахомъ Тамасомъ, о взаимномъ союзѣ противъ Турокъ и по дѣламъ торговымъ ⁽²⁴²⁾, и былъ въ тѣсной дружбѣ съ его преемникомъ Годабендомъ ⁽²⁴³⁾. Сынъ Іоанновъ Ѳеодоръ также

заботился о заключеніи съ Персіею союза (²⁴⁴), и находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ знаменитому Шаху Аббасу, изъявляя желаніе видѣть въ немъ вѣрнаго себѣ союзника (²⁴⁵). Дружба съ Персіею продолжалась нѣсколько времени и при Годуновѣ, но потомъ прекратилась, въ слѣдствіе покоренія Персіянами Иверіи или Грузіи, признававшей надъ собою верховную власть нашихъ государей (²⁴⁶). Въ смутное царствованіе Шуйскаго мы опять возобновили съ Персіею прерванныя сношенія, но внутреннія волненія въ государствѣ и послѣдовавшее за ними междоцарствіе, снова ихъ прервало. Они были возобновлены во второй годъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, приглашеніемъ съ нашей стороны Персидскихъ подданныхъ пріѣзжать *по прежнему* для торговли, въ Астрахань (²⁴⁷). Торговля эта производилась съ тѣхъ поръ постоянно хотя и не въ большихъ размѣрахъ, чему причиною были разбои казаковъ, какъ въ устьяхъ Волги, такъ и на самомъ Каспійскомъ морѣ. Астрахань служила складочнымъ мѣстомъ для привозныхъ товаровъ, откуда они на судахъ, Волгою и Окою, доставлялись въ Москву. Персіяне привозили къ намъ сафьяны, бархаты, платки, кушаки, киндякъ или крашеную бумажную ткань, ковры, безоаръ (²⁴⁸), бирюзу, индиго, ладонь, нефть. Но все это было предметомъ только второстепенной важности въ нашей торговлѣ съ Персіею. Главною статьею былъ шелкъ сырецъ, вымѣнивавшійся нами на золото, собольи мѣха и полотна, и составлявшій у насъ исключительную казенную торговлю. Этотъ товаръ, выходившій почти весь изъ Прикаспійской области Гиляни, еще въ большемъ количествѣ былъ вывозимъ изъ Персіи сухопутно, на верблюдахъ, чрезъ горы, въ Ормузь, гдѣ былъ покупаемъ Англичанами и Голландскою Остъ-Индскою компаніею. Огромное количество шло караванами, чрезъ Турцію, въ Алеппъ, и потомъ въ Смирну, Александрію, Триполи и другія мѣста, откуда уже продавалось въ Италію и Францію, обогащая такимъ образомъ Турокъ, въ ущербъ Персіянамъ. Такое неудобство сбывать сырецъ сухимъ дальнимъ путемъ, тогда какъ ближе всего было возить его въ Астрахань, побудило, наконецъ, Персидское правительство обратить всю эту отрасль торгова исключительно въ Россію (²⁴⁹).

Современникъ Царя Алексѣя Михайловича, Шахъ Аббасъ II усилилъ торговыя и вмѣстѣ дружественныя сношенія своего государства съ Россіею, тѣмъ, что открытымъ повелѣніемъ во всѣ подвластныя ему страны, даровалъ, въ 1664 году, Русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Персію, разныя льготы, между прочимъ освобожденіе отъ всякихъ пошлинъ. «А Великого Государя Россійскаго», сказано въ переводѣ повелѣнія, «изъ Его Государства купчины, и цѣловальники, и торговые люди съ товары, въ кое время будутъ въ наше государство, или куда пойдутъ нашею государскою землею; и на нихъ бы вамъ за подводы провозу, и найму и пошлинныхъ денегъ, и гостинныхъ дворовъ постоялаго и половочнаго, и наемныхъ денегъ, и рахтанъ, и никакихъ взятковъ не имать; а что имъ понадобится и вамъ бы имъ давать сполна, и честь имъ воздавать и учинить, какъ имъ годно ⁽²⁵⁹⁾». По прошествіи трехъ лѣтъ, тотъ же самый Шахъ обратился къ Царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою о дозволеніи особой Армянской компаніи, составившейся изъ Персидскихъ подданныхъ, производить чрезъ Россію торгъ шелкомъ-сырцомъ и иными товарами. Въ Царской жалованной грамотѣ, послѣдовавшей по этому случаю, между прочимъ говорится: «а что до сего времени изъ Персидскія земли дальними, убыточными проѣздами, тотъ шелкъ вожень былъ продавать къ пріиму морскаго пути въ разныя государства, и для такихъ дальнихъ пріѣздовъ и великихъ убытковъ, нынѣ тѣ всѣ пути оставлены, и впредь у нихъ прежнимъ торговлямъ и подрядамъ ни съ кѣмъ съ иными государствами съ торговыми людьми не быть, а привозить того сырцу шелку все полное число, сколько пудовъ на всякой годъ въ Персидской землѣ у всѣхъ промышленныхъ людей сдѣлано будетъ, по вся годы въ привозѣ ставить Великія Россіи въ порубежный городъ, или сухимъ путемъ мимо Терскъ, въ Астрахань, а водянымъ путемъ въ тотъ же городъ.» Компанія обязывалась платить въ Царскую казну, за товары, привезенные въ Астрахань, по 5, за провозимые въ Москву по 5-ти же, а за слѣдовавшіе оттуда далѣе, въ порубежные города: Новгородъ, Смоленскъ и Архангельскъ по 30 копѣекъ съ cadaго, продажею или мѣною вырученнаго рубля. Особая пошлина была установлена на слу-

чай отвоза товаровъ за границу, и на случай обратнаго привоза въ Россію тѣхъ изъ нихъ, которые не будутъ проданы въ чужихъ краяхъ. Русское правительство, съ своей стороны, принимало на свой счетъ и страхъ доставку товаровъ отъ Астрахани во всѣ поименованные здѣсь города, и обратно, получая за это по рублю съ пуда. Англичанинъ Брейнъ, «честный и повѣренный въ правдѣ, изъ давнихъ лѣтъ Московскій житель», былъ избранъ въ агенты компаніи, для всей Россіи ⁽²⁵¹⁾.

Принимая на себя провозъ Персидскихъ товаровъ отъ Астрахани, съ ручательствомъ и отвѣтственностію за ихъ цѣлость, Царь Алексѣй Михайловичъ былъ поставленъ въ необходимость, принять и всѣ возможные мѣры, къ обезпеченію этого провоза. Наибольшая опасность предстояла отъ разбоевъ, постоянно происходившихъ на Каспійскомъ морѣ и на Волгѣ, и потому первою, главною мѣрою было заведеніе вооруженныхъ, военныхъ судовъ, которыя могли бы защищать торговлю, обѣщавшую царской казнѣ большія выгоды. Эти же суда должныствовали служить для возки товаровъ изъ Россіи въ Персидскія владѣнія ⁽²⁵²⁾.

По утвержденіи въ Россіи единодержавія, Англичане были первые изъ Европейцевъ, водворившіеся у насъ по видамъ торговымъ. Іоаннъ Грозный покровительствовалъ имъ во все свое царствованіе; Ѳеодоръ Іоанновичъ и Годуновъ поддерживали съ ними прежнія сношенія, но отстраняли тѣ ихъ домогательства, которыя находили несообразными съ выгодами своихъ подданныхъ; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Русское купечество уже начало приносить правительству частыя жалобы на притѣсненія и подлоги иностранныхъ торговыхъ людей, особенно Англійскихъ; наконецъ, въ 1640 году, Царь Алексѣй Михайловичъ, разгнѣванный на Британцевъ за злоупотребленія по торговлѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за осужденіе на смертную казнь Короля Карла I, выслалъ ихъ изъ Россіи, дозволивъ имъ только пріѣзжать съ товарами къ Архангельску, но ни подъ какимъ видомъ не оставаться тамъ для жительства ⁽²⁵³⁾. Такъ, по прошествіи восьмидесяти четырехъ лѣтъ, рушилось зданіе, основанное Ченслеромъ, и принесшее его единоплеменникамъ огромныя прибыли.

По изгнаніи Англичанъ, первое мѣсто между иностраннымъ купечествомъ заняли у насъ Голландцы, съумѣвшіе снискать и

поддерживать уваженіе и довѣріе, сколько въ народѣ, столько и у правительства Россіи. Ведя обширную торговлю во всѣхъ частяхъ свѣта, они слыли и за отличныхъ мореходовъ и за опытныхъ судостроителей. Военные флоты ихъ также стояли высоко въ мнѣніи всей Европы. Это объясняетъ почему, какъ ниже увидимъ, и Царь Алексѣй Михайловичъ и Петръ Великій, приступая у себя къ строенію военныхъ судовъ, обращались къ содѣйствию и руководству Голландцевъ.

Грамота Армянской компаніи была пожалована 31-го мая 1667 года. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 19-го іюня, въ Приказѣ Новгородской Чети или четверти, имѣвшемъ въ своемъ вѣденіи: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній Новгородъ, Архангельскъ, Вологду и другіе города, какъ прилежающіе къ Бѣлому и Ледовитому морямъ, такъ и смѣжные съ Шведскою границею ⁽²⁵⁴⁾, — была записана слѣдующая статья: «великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ, для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское море дѣлать корабли въ Коломенскомъ уѣздѣ съ селѣ Дѣдиновѣ, и то корабельное дѣло вѣдать въ Приказѣ Новгородскіе Чети, боярину Овонасью Лаврентьевичю Ордину Нащокину, да думнымъ дѣякомъ Гарасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову, да дѣяку Ефиму Юрьеву ⁽²⁵⁵⁾.»

Поименовавъ города, которыми завѣдывалъ Приказъ Новгородской четверти, видимъ, что въ число ихъ не входилъ Коломенскій уѣздъ (нынѣшней Московской губерніи), гдѣ предназначалось строить суда для Каспійскаго моря, и это самое обстоятельство показываетъ, что Царь имѣлъ особенныя причины подчинить этому Приказу «*корабельное дѣло*». Причины заключаются въ томъ, что имъ управлялъ тогда Ординъ-Нащокинъ, бояринъ высокихъ достоинствъ, неутомимый исполнитель царской воли во всемъ, что касалось пользы отечественной, и по уму, и по благонамѣренности едва ли не первый между сановниками государственнаго Алексѣя Михайловича. Долгое время ближайшій совѣтникъ сего государя, онъ былъ самымъ главнымъ, самымъ дѣятельнымъ лицомъ въ заключеніи торговаго договора съ Персіею, слѣдовательно никому иному не могъ Царь поручить главнаго завѣдыванія надъ

Дѣдиновскимъ судостроеніемъ ⁽²⁵⁶⁾. Нащокинъ этотъ великій человекъ своего времени, сильно заботился объ упроченіи за Россією обладанія Амуромъ и, имѣя въ виду заведеніе торговли съ Индією, уже снарядилъ туда посольство, когда людская зависть принудила его удалиться отъ мірскихъ дѣлъ и постричься въ иноки ⁽²⁵⁷⁾.

Дѣдиново или Дѣдилово, называемое также Дѣдновымъ, и пріобрѣтшее съ 1667 года знаменитость въ Русской исторіи, принадлежало въ то время къ числу дворцовыхъ сель. Оно находится въ двадцати пяти верстахъ отъ города Коломны, на лѣвомъ берегу Оки, близъ впаденія въ нее рѣки Москвы, и по всей вѣроятности было избрано для постройки судовъ, сколько по положенію своему, столько и по близости къ столицѣ ⁽²⁵⁸⁾.

Еще до указа о заведеніи въ Дѣдиновѣ «корабельнаго дѣла», издавна проживавшій въ Москвѣ Голландскій гость фанъ-Сведенъ (van Sveden), учредитель первыхъ почтъ въ Россіи ⁽²⁵⁹⁾, ѣздилъ, по порученію нашего Правительства въ Голландію, для найма въ Русскую службу «корабельщиковъ». Приговоривъ тамъ пятерыхъ изъ своихъ единоземцевъ, онъ возвратился въ Москву съ четверьмя нанятыми имъ мореходами ⁽²⁶⁰⁾ и съ запасомъ инструментовъ и машинъ для кораблестроенія ⁽²⁶¹⁾. Пятый, именемъ Ботлеръ (Butler), племянникъ Сведена, оставленъ былъ въ Амстердамѣ, для найма въ Царскую службу остальнаго экипажа и для отысканія тѣхъ изъ нанявшихся людей, которые, взявъ впередъ условленные задатки, скрылись съ ними ⁽²⁶²⁾.

Прибывшія съ Сведеномъ въ Москву четыре лица были: «корабельщикъ Гельтъ (Helt), кормщикъ и плотникъ Вилимъ фанъ-денъ-Стрекъ (van den Sreek), кормщикъ Тимофей фанъ-ден-Стрекъ и работный корабельный человекъ Минстеръ.» Всѣ они, равно какъ и Ботлеръ, имѣли за себя поручителей и были приговорены на четыре года, съ жалованьемъ: Ботлеръ — по 100, Гельтъ — по 80, Вилимъ фанъ-ден-Стрекъ — по 65, Тимофей фанъ-ден-Стрекъ — по 36, а Минстеръ по 30 Голландскихъ гульденовъ или Русскихъ рублей, въ мѣсяць ⁽²⁶³⁾.

По количеству платы видно, что Ботлеръ занималъ предъ прочими первое мѣсто, и дѣйствительно онъ былъ опредѣленъ съ званіемъ «капитана и кормщика-генерала», какъ человекъ, бы-

вавший «во многихъ краѣхъ свѣта и умѣющій говорить различными языками ⁽²⁶⁴⁾». По свидѣтельству фанъ-Сведена, онъ бывалъ «первой каргой (premier charge) въ Индѣи, и разумѣлъ многія Индѣйскія языки, и торги и извычаи Индѣйскія, и небѣсное теченіе, и какъ моремъ водитца караблямъ ходить ⁽²⁶⁵⁾». Въ договорѣ своемъ съ фанъ Сведеномъ, Ботлеръ обязывался: «въ чину своемъ царскому величеству служить вѣрно, и стояти ему противъ всякихъ его царскаго величества непріятелей, какъ водянымъ, такъ и сухимъ путемъ ⁽²⁶⁶⁾».

Для завѣдыванія кораблестроеніемъ въ Дѣдиновѣ, фанъ-Сведень предложилъ, находившагося тогда въ Москвѣ Полковника фанъ-Буковена (Boukhoven), какъ человѣка, который «на море многія пути хаживалъ на карабли, и морской карабелной бой ему въ обычай, и карабелное дѣло и Руской извычай знаетъ ⁽²⁶⁷⁾». Буковень былъ родомъ также изъ Голландіи, откуда пріѣхалъ въ Россію еще въ капитанскомъ чинѣ, въ 1647 году, съ бояриномъ Милославскимъ ⁽²⁶⁸⁾.

Вмѣстѣ съ отзывами о Ботлерѣ и Буковенѣ, Фанъ-Сведень подалъ въ Приказъ Новгородской Четверти роспись, которою требовалъ въ Дѣдиново, для карабельнаго строенія: 30 плотниковъ, «которые напередъ сего бусы и струги дѣлывали», 4 кузнецовъ для кованія якорей и другихъ принадлежностей къ судамъ, 4 пушкарей, необходимое количество канатовъ, веревокъ, смолы, дегтя. 30 аршинъ киндяка «на знамя, на переднее лежащее дерево, что на носу», 42 аршина киндяка «на долгое узкое знамя», 155 аршинъ тафтѣ «на знаменажъ для украшенія карабля», 8 шестифунтовыхъ пушекъ, 4 четырех-фунтовыя пушки, 40 мушкетовъ, 40 паръ пистолетовъ, 40 бердышей, 14 мѣшковъ для носки пороха и пуль, 16 деревянныхъ или жестяныхъ ящиковъ, для носки пушечныхъ зарядовъ, 4 стопы толстой бумаги на пушечные заряды, пороху, свинцу, фитиля и ядеръ, — въ томъ количествѣ какъ понадобится, — желѣза, угля и пр. «А карабль бываетъ», присовокупилъ Сведень, въ своей росписи, «длиною одиннадцать сажень съ полусаженіемъ, а поперегъ три сажени Государевыхъ печатныхъ». Разумѣя подъ знаменами изъ киндяка флаги и вымпелы, онъ писалъ: «цвѣтами тѣ всѣ киндяки какъ

великій государь укажетъ: только на карабляхъ бываетъ котораго государства корабль, того государства бываетъ и знамя». Въ статьѣ о тафтяныхъ знаменахъ, для украшенія корабля, въ росписи сказано: «подъ которое государство бываетъ караблю пристань, въ то время тѣ знамены ролускають; а на тѣхъ знаменахъ писать, что великій государь укажетъ ⁽²⁶⁹⁾».

Царь Алексѣй Михайловичъ входилъ самъ во всѣ распоряженія по постройкѣ судовъ. Утвердивъ выборъ Буковена, онъ велѣлъ ему, вмѣстѣ съ Гельтомъ, обоими братьями фанъ-ден-Стрекъ и Минстеромъ, въ сопровожденіи Подъячаго Новгородской Четверти Яковлева, ѣхать изъ Москвы, въ Вяземскій уѣздъ, на рѣку Угру, а оттуда въ уѣздъ Коломенскій, до села Дѣдинова, «*въ лѣсныхъ мѣстахъ*», для осмотра и пріисканія лѣса. «И гдѣ иноземцы на судовое дѣло лѣса обыщутъ», сказано въ наказной памяти Яковлеву, «ему тѣ лѣса переписать и тутошнихъ волостныхъ жителей распросить: въ государевыхъ дворцовыхъ, или во владѣльческихъ патріаршихъ или митрополичьихъ, или въ монастырскихъ, или въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, и въ чьихъ имѣніяхъ тѣ лѣса стоятъ? и въ какихъ угодьяхъ и въ сколькихъ верстахъ въ которомъ мѣстѣ тотъ лѣсъ отъ Угры и отъ Оки рѣки? и сколько верстъ будетъ Угрою и Окою рѣками до Волги рѣки? и въ стругахъ ли, или плотами гнать, и не будетъ ли гдѣ тому лѣсу водою на меляхъ до Волги какого задержанья и государеву судовому дѣлу мотчонья (замедленія)?» По исполненіи этого, Буковену и его спутникамъ предписывалось возвратиться въ Москву и обо всемъ найденномъ донести Ордину-Нащокину. Вслѣдъ за распоряженіемъ, въ помощь Буковену, при осмотрѣ лѣсовъ и при самомъ судостроеніи, былъ назначенъ иноземецъ Полуполковникъ Старкъ (Stark) ⁽²⁷⁰⁾.

По осмотрѣ назначенныхъ мѣстъ, оказались годными для корабельнаго строенія: Вяземскаго уѣзда, въ Кикинской волости помѣщика Воейкова—600 трехсаженныхъ тѣсницъ; того же уѣзда въ Дмитровской дворцовой волости — 10 дубовыхъ трехсаженныхъ досокъ; въ Калугѣ, у посадскихъ людей — 120 девяти и десяти саженныхъ сосновыхъ брусевъ, и въ Коломнѣ, также у посадскихъ людей — 25 семисаженныхъ бревенъ, 20 трехсажен-

ныхъ, 2 двѣнадцатисаженныя и 152 восьми и девяти-саженныя, сосновыя доски. Часть этого количества, именно пріисканную въ Калугѣ, хозяева брались доставить до мѣста сами; требовалось только разрѣшенія: кѣмъ везти до Коломны лѣсъ, найденный въ Кикинской волости? Вмѣстѣ съ этимъ Буковенъ, представивъ вѣдомость о необходимомъ количествѣ пеньки (для дѣланія канатовъ и веревокъ), также смолы, дегтя, сѣры, котловъ и проч., испрашивалъ разрѣшенія братъ Свицкое или Шведское, т. е. лучшее желѣзо съ заводовъ Марселиса, а уголь въ Дѣдиновѣ, гдѣ предполагалъ также нанять кузнецовъ и плотниковъ ⁽²⁷¹⁾.

Упомянувъ здѣсь въ первый разъ о Марселисѣ, какъ о лицѣ, избранномъ для поставки желѣза на Дѣдиновскія постройки, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о его заводахъ.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій все требовавшееся для Россіи количество Свицкаго желѣза, ружейные стволы, чугуныя пушки, ядра и прочіе артиллерійскіе припасы, привозились почти исключительно изъ за границы Голландцами и чрезъ Архангельскъ доставлялись въ Москву. Высокія цѣны на эти предметы, неизбѣжныя при дальнемъ провозѣ, побудили Голландскаго купца Виніуса, съ товарищами, просить дозволенія на постройку близъ Тулы вододѣйствующаго завода, для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для дѣланія изъ чугуна, по иностранному способу, желѣза. Дозволеніе было дано въ 1652 году. Виніусу и компаніи разрѣшено было, между Серпуховымъ и Тулою, на рѣчкахъ Воронѣ, Вашанѣ и Скнигѣ, гдѣ признаютъ удобнымъ, построить «мельнишныя заводы», для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья изъ перваго пушекъ, ядеръ и котловъ, и дляковки изъ послѣдняго разныхъ досокъ и прутьевъ, «дабы впредь то желѣзное дѣло было государю прочно и государевой казнѣ прибыльно, а людей государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и *никакого ремесла отъ нихъ не скрывать*». Эти послѣднія слова напоминаютъ подобное же условіе, требуемое нашимъ Правительствомъ отъ Голштинцевъ, когда они просили дозволенія строить корабли въ Нижнемъ Новѣгородѣ. Даруя Виніусу привиллегію на десять лѣтъ, къ теченію которыхъ никто въ Россіи не могъ строить подобныхъ

заводовъ, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ отпускать ему изъ казны ежегодно денежную сумму, которую заводчикъ обязывался возвращать чугунными и желѣзными издѣліями. Такъ положено было первое основаніе нашимъ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ грамоты Виніусу, Коммисарь Датскаго Короля Гамбургскій уроженецъ Петръ Марселисъ (Marselis) и Голландскій гость Акема (Akema) испросили себѣ дозволеніе, съ двадцатилѣтнею привилегіею, построить новые желѣзные заводы въ отдаленныхъ отъ Тулы мѣстахъ, какъ то: на рѣкахъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ. Это повело къ большимъ несогласіямъ между Виніусомъ, съ одной, и Марселисомъ и Акемою съ другой стороны. Возникшіе споры и жалобы кончились тѣмъ, что у всѣхъ троихъ заводы были отняты и взяты въ казенное управленіе. Въ замѣнъ этого они и построили, всѣ трое вмѣстѣ, новый заводъ, собственно для отливанія чугунныхъ ядеръ, на Вагѣ, въ нынѣшней Вологодской губерніи, но въ 1648 году Марселисъ и Акема получили свои заводы обратно, въ двадцатилѣтнее безоброчное и беспошлинное владѣніе. Ободренные этимъ и сдѣланными имъ другими льготами, они учредили, въ 1652 году, еще новые заводы на рѣкѣ Скнигѣ, въ тогдашнемъ Каширскомъ, а нынѣ Алексинскомъ, уѣздѣ Тульской губерніи. Наконецъ, въ 1656 году, ими были выстроены еще два завода, въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Протвѣ и на впадающей въ нее рѣчкѣ Угодкѣ. Въ 1662 году одна половина всѣхъ заводовъ, принадлежавшихъ Марселису и Акемѣ, была отписана на Государя; въ 1664-мъ заводы на Протвѣ и Угодкѣ отданы Акемѣ, а находившіеся въ Тульскомъ (бывшіе Виніусовы) и Каширскомъ уѣздахъ взяты совсѣмъ въ казну, но въ 1667-мъ пожалованы Марселису «за многія его службы», именно за дѣятельное участіе въ заключеніи мира съ Польшею. При этомъ случаѣ они поступили въ вѣденіе Пушкарскаго приказа. Въ послѣдствіи времени они переходили, какъ наслѣдственное достояніе, къ сыну и внуку Марселиса, а потомъ, какъ выморочное имѣніе, были подарены Петромъ Великимъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе, его дядѣ, боярину Льву Кирилловичу Нарышкину (272).

Обратимся опять къ работамъ, предпринимавшимся въ Дѣдиновѣ.

Получивъ донесеніе Буковена и Яковлева, Царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ Коломенскому воеводѣ Кутузову отпустить на покупку лѣса и другіе первоначальные расходы, изъ Коломенскихъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ, тысячу рублей, а чтобы облегчить Буковена въ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами, опредѣлилъ «къ корабельному строенію» дворянина Полуехтова и Мытной избы подъячаго Петрова ⁽²⁷³⁾.

Двухъ-вѣковое Татарское владычество, вытѣснивъ своимъ вліяніемъ многія наслѣдственные Славянскія добродѣтели Русскаго народа, породило въ замѣнъ ихъ нѣкоторые вредные пороки, особенно страсть къ корыстолюбію и взяточничеству, наиболѣе вкравшуюся въ приказное сословіе. Это страшное зло безпощадно раззоряло казну и подрывало, даже вовсе уничтожало, самыя благія намѣренія Правительства. Оно, конечно, было причиною, что Царь Алексѣй Михайловичъ, назначая въ Дѣдиново Полуехтова и Петрова, включилъ въ указъ свой о томъ слѣдующія слова: «И будучи ему Якову (Полуехтову) и подъячему у того дѣла быть безотступно, и великаго государя дѣломъ радѣть неоплошно, и посуловъ и поминковъ ни у кого ничего не имати: а будетъ они Яковъ и подъячій Степанъ (Петровъ) радѣть не учнутъ, а учнутъ отъ того дѣла корыстовица, а послѣ про то сыщется, и имъ отъ великаго государя быти въ опалѣ» ⁽²⁷⁴⁾.

Отправляя, 9-го сентября, изъ Москвы въ Дѣдиново, Полуехтова, Петрова, Буковена, Старки, Гельта, трехъ его товарищей, вмѣстѣ съ нимъ прибывшихъ изъ Амстердама, и еще вновь нанятыхъ въ Москвѣ: Капитана фонъ-Гельманта, лекаря и поручика Шака, корабельнаго дозорщика и поручика Вемина и толмачей или переводчиковъ Шкремса и Кастера, Государь велѣлъ изготовить для нихъ подводы и судно съ гребцами ⁽²⁷⁵⁾. Въ этотъ самый день состоялись Царскіе указы: *Марселису*—о присылкѣ въ Дѣдиново мѣдныхъ векшъ (сложныхъ блоковъ), съ канатами, желѣзныхъ подъемныхъ машинъ, «самаго добраго желѣза» на разныя потребности, и котловъ и горшковъ для варки смолы ⁽²⁷⁶⁾; *Ордину-Нащокину*—о пріисканіи необходимаго чи-

сла плотниковъ и кузнецовъ между Дѣдиновскими «рыбными ловцами» и объ отводѣ въ Дѣдиновѣ дворовъ подѣ постой лицамъ, назначеннымъ къ корабельному дѣлу. «Буде кто охотниковъ въ плотники и въ кузнецы и лѣсу готовить будутъ», писано было Нащокину, «и имъ не запрещать, а въ неволю никого не нудить, для того, что по великаго государя указу, села Дѣдинова и иныхъ ловецкихъ сель рыбнымъ ловцомъ велѣно сдѣлать по дворцовому наряду, прежде памяти, что прислано изъ Посольскаго Приказу, шестьдесятъ паузковъ (*) и чтобъ нынѣшнимъ указомъ того дѣла не останавливать (277).»

По прїѣздѣ въ Дѣдиново, Буковень встрѣтилъ необходимость, независимо отъ прежде прїисканнаго лѣса, еще въ 120 сосновыхъ сухихъ брусахъ или бревнахъ, длиною въ 9 и 10 сажень, а толщиною въ 9 и 10 вершковъ. Посыланные за этимъ люди ѣздили въ Коломенскій и Рязанскій уѣзды, вверхъ по рѣкѣ Цнѣ, до Мещеры, внизъ по Окѣ до Солочи, а также въ другія лѣсистыя мѣста, но нигдѣ не нашли лѣса указаннаго качества и мѣры. По донесеніи объ этомъ правительству и по полученіи свѣденія, что желаемый лѣсъ растетъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Рязанскаго и Муромскаго Архіепископа Иларіона, послана была къ нему Царская грамота о безостановочномъ отпускѣ потребнаго количества лѣса (278).

Казалось бы, что послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, освященныхъ непосредственною волею и личнымъ участіемъ Царя, нельзя было бы ожидать затрудненій, но онѣ встрѣтились при первомъ шагѣ къ исполненію. Коломенской кабацкой голова Щуровъ, долженствовавшій внести изъ завѣдываемыхъ имъ сборовъ, пятьсотъ рублей, въ число тысячи, опредѣленныхъ на первоначальные расходы, объявилъ, что у него «денегъ нѣтъ и къ корабельному дѣлу дать нечего» (279). По отзыву Марселиса, что у него ни векшъ, ни подъемовъ, ни другихъ требуемыхъ вещей, ни мастеровъ для дѣланія ихъ, нѣтъ (280), обратились въ Пушкарской Приказъ, но и тотъ отозвался неимѣніемъ ничего въ готовности: «которые конаты и векши есть, и тѣ надобны къ подъему

(*) *Павозки*—небольшія рѣчные суда.

нового большого Успенского колокола; а подъемовъ нѣтъ, и послать къ корабельному дѣлу нечего ⁽²⁸¹⁾. По всей этой статьѣ одинъ Марселисъ прислалъ желѣза, да и то только 30 пудовъ ⁽²⁸²⁾. Старосты Дѣдинова и другихъ, сосѣднихъ дворцовыхъ ловецкихъ селъ объявили «по Христовѣ евангельской заповѣди, еже ей ей, въ правду, что къ государеву карабелному дѣлу охочихъ плотниковъ нѣтъ ⁽²⁸³⁾». Наконецъ, въ вотчинѣ Архіепископа Иларіона было сдѣлано затрудненіе въ отпускѣ лѣса ⁽²⁸⁴⁾. Вскорѣ за этимъ, 27-го октября, пришло новое донесеніе Полуехтова, что плотники охотою не нанимаются, подрядчиковъ нѣтъ, и корабельное дѣло остановилось ⁽²⁸⁵⁾. Въ добавокъ къ этому онъ извѣщалъ, что приданный ему, для письменныхъ дѣлъ, подъячій Петровъ «старъ, и мало видитъ, и писать не можетъ ⁽²⁸⁶⁾».

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ отписокъ и жалобъ, состоялись новыя повелѣнія: не имѣвшіеся въ Коломенскихъ кабацкихъ сборахъ 500 рублей отпустить изъ тамошнихъ же таможенныхъ доходовъ, безостановочно ⁽²⁸⁷⁾; векши, подъемы и прочія вещи, неказавшіяся ни у Марселиса, ни въ Пушкарскомъ Приказѣ, изготовить Марселису ⁽²⁸⁸⁾; плотниковъ, числомъ тридцать, съ платою каждому по четыре алтына въ день, нарядить Дѣдиновскому Приказному человѣку Головкову ⁽²⁸⁹⁾; неотпускаемый въ Архіерейской вотчинѣ лѣсъ рубить и вывозить безъ задержанія ⁽²⁹⁰⁾; подъячаго Петрова отправить въ Москву ⁽²⁹¹⁾.

Извѣщая Государя, что 14-го ноября заложенъ корабль, Полуехтовъ доносилъ, что онъ продолжаетъ давать плотникамъ и кузнецамъ, поденнаго жалованья, по четыре алтына, а между тѣмъ и «дни настали малые и холодные, и корабельное дѣло не споро», платы же безъ Царскаго указа уменьшить онъ не смѣетъ; разрѣшено было давать по два алтына, но смотрѣть, чтобы рабочіе не гуляли ⁽²⁹²⁾. Еще встрѣтилась остановка отъ неимѣнія въ Московской таможнѣ лучшей Дорогобужской и Смоленской пеньки, которой требовалъ Буковень: положено было замѣнить ее высшей доброты пенькою Трубчевскою ⁽²⁹³⁾.

Одни затрудненія были отстранены, немедленно явились другія.

Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ Дѣдиновѣ и почти трехмѣсячнаго производства работъ, 17-го февраля 1668 года,

Полуехтовъ доносилъ Царю: «мнѣ холопу твоему велѣно, государь, карабли дѣлать на спѣхъ, чтобъ къ веснѣ были готовы. И у меня холопа твоего *карабль и яхту* дѣлають, а у карабля, государь, дно и стороны основаны, и кривые деревья всѣ прибиты, и на верхъ на карабль брусья ростирають; а лѣсу у меня холопа твоего куплено и что отписано на тебя великаго государя, съ карабль и съ яхту будетъ, и смолы и дегтю и конопати, и сала у меня холопа твоего куплено жъ. Только, государь, полковникъ Карнилюсь фанъ-Буковинъ мнѣ холопу твоему сказалъ, что для поспѣшенія корабленого дѣла надобно въ прибавку къ тридцатма человѣкомъ плотникомъ еще двадцать человѣкъ плотниковъ; и я холопъ твой села Дѣдинова къ приказному человѣку къ Григорію Головкову послалъ, чтобъ онъ къ корабленому дѣлу далъ въ прибавку двадцать человѣкъ плотниковъ; и онъ Григорій Головковъ мнѣ холопу твоему въ тѣхъ плотникахъ въ двадцати человѣкахъ отказалъ. Да у меня жъ, холопа твоего, лѣсъ и тесъ и бойдачные доски отписаны на тебя великаго государя верстахъ въ пяти и въ десяти и болши, а возить мнѣ холопу твоему того лѣсу къ корабленому дѣлу въ село Дѣдиново не на чѣмъ: приказной человѣкъ села Дѣдинова Григорій Головковъ въ подводахъ мнѣ холопу твоему отказалъ; а у карабля, государь, и у яхты конаты и желѣзные снасти день и ночь безъ отъему, а стеречь у меня холопа твоего у того корабленого дѣла нѣкому ⁽²⁹⁴⁾.»

Непосредственно за этими жалобами слѣдовали другія. Полуехтовъ доносилъ: «канатныхъ и бичевныхъ мастеровъ Коломенскаго епископа села Городища крестьянъ безъ указа великаго государя взять не смѣють, а изъ воли тѣ мастера не подражаютца, и опричь тѣхъ мастеровъ на Коломнѣ нѣтъ; парусного мастера нѣтъ; надобно на карабль вырѣзать каруна (корону), и что де на той карунѣ вырѣзать и кому рѣзать? А Нѣмцы которые карабль дѣлають, рѣзать той каруны не умѣють; да надобно на карабль и на яхту съ семьсотъ векшей деревянныхъ, а мастеръ де тѣхъ векшей живетъ на Протвѣ; Марселись прислалъ желѣза только тридцать девять пудъ, а подъ то желѣзо подвѣдь не даѣтъ; а въ котлахъ, и въ горшкахъ, и въ векшахъ, и въ подъемахъ,

и въ якоряхъ отказалъ, посылать подъ то желѣзо не на чѣмъ и якорей ковать (въ Дѣдиновѣ) негдѣ: кузницы и горны малые; подъемы надобно скоро, а купить негдѣ; села Дѣдинова староста, со многими людьми приходя, полковника и полуполковника со двора ссылали, а велятъ стоять на дворахъ по очередно, а дворы отводятъ отъ карабленого дѣла далеко ⁽²⁹⁵⁾. Въ довершеніе всего и Трубчевской пеньки, долженствовавшей замѣнить Дорогобужскую и Смоленскую, въ Москвѣ не оказалось ⁽²⁹⁶⁾.

По мѣрѣ полученія отъ Полуехтова отписокъ, изъ Приказа Новгородской Четверти немедленно были отправляемы памяти и грамоты: въ Приказъ Большаго Дворца—о присылкѣ къ Буковену недоставшихъ двадцати плотниковъ, о назначеніи къ корабельному дѣлу сторожей изъ Дѣдиновскихъ крестьянъ и о запрещеніи тамошнему старостѣ отводить подъ постой дома, удаленные отъ мѣста судостроенія ⁽²⁹⁷⁾; къ Каширскому воеводѣ и въ Ямской Приказъ—о безотлагательномъ даваніи Полуехтову подводу ⁽²⁹⁸⁾; къ Коломенскому Епископу—объ отпускѣ требуемаго числа канатныхъ и бичевныхъ мастеровъ; къ Коломенскому воеводѣ—о безостановочномъ содѣйствіи судостроенію присылкою кузнецовъ, якорныхъ мастеровъ, парусныхъ швцовъ, и вообще всего, въ чемъ впредь можетъ встрѣтиться надобность; къ Переяславль-Рязанскому воеводѣ и въ Пушкарской Приказъ—о доставкѣ кузнецовъ; въ Оружейную Палату—о присылкѣ рѣзнаго мастера, живописца и токаря; къ заводчику Акемѣ—о присылкѣ векошнаго мастера; къ Марселису—о незадерживаніи желѣзомъ; въ Москву, къ иноземцамъ Бахру и Быхлину—о ссудѣ Полуехтова имѣвшимися у нихъ подъемами; въ Большой Приходъ—о покупкѣ въ Москвѣ и отсылкѣ въ Дѣдиново тысячи пудовъ отборной пеньки. Чтобы нисколько не задерживать работъ, находившимся при нихъ плотникамъ велѣно было производить и въ зимніе дни, вмѣсто двухъ, по четыре алтына ⁽²⁹⁹⁾.

Не смотря на всѣ требованія и подтвержденія и на непремѣнную волю Государя, «чтобы корабельное дѣло не стояло,» остановкамъ не было конца. Между прочимъ, Приказъ Большаго Дворца донесъ о невозможности дать плотниковъ и предлагалъ нанять «изъ охочихъ людей» ⁽³⁰⁰⁾; Пушкарскій Приказъ писалъ, что

единственный, имѣющійся у него, кузнецъ «на пушечномъ дворѣ дѣлаетъ къ большому Успенскому колоколу языкъ, а опричь его языка дѣлать нѣкому»⁽³⁰¹⁾. Оружейная Палата отказала и въ рѣзцѣ и въ живописцѣ и въ токарѣ⁽³⁰²⁾. Коломенской Епископъ изъ находившихся у него 52 мастеровъ канатнаго и бичевнаго дѣла, удѣлилъ только 8, но вскорѣ за тѣмъ жаловался, что Полуехтовъ «тѣхъ мастеровъ бьетъ и мучитъ и въ подклѣтъ сажаетъ и пеньки и кормовыхъ денегъ противъ указу имъ не-даетъ и моритъ ихъ голодною смертию»⁽³⁰³⁾.

Борясь съ непрерывными затрудненіями, и долгое время даже не имѣя при себѣ никого для письменныхъ дѣлъ,—Полуехтовъ донесъ, 26-го мая, что *карабль спущенъ и додѣлывается на водѣ, а яхта и шлюпка поспѣютъ въ скоромъ времени*⁽³⁰⁴⁾. Черезъ мѣсяцъ получено новое донесеніе: «корабли въ отдѣлкѣ, а живописца и рѣзца нѣтъ; стѣнъ разцвѣтитъ и коруны вырѣзать нѣкому, а щеглы (мачты) не поставлены потому, что поднять нечѣмъ.» Только въ исходѣ іюля прибыли рѣзецъ, иконописецъ и токаръ. Имъ велѣно было вырѣзать и вызолотить украшенія на кормѣ, а на носу, вмѣсто предполагавшихся орла и короны, сдѣлать изображеніе льва⁽³⁰⁵⁾. Въ концѣ августа Полуехтовъ писалъ: «карабль къ отпуску готовъ и щеглы всѣ поставлены, а къ окнамъ и къ дверемъ пробоины куютъ на спѣхъ, а на яхтѣ щеглы не поставлены, канатовъ нѣтъ, поставить нечѣмъ; да два шлюпа и ботъ сдѣланыжъ; а караблю и яхтѣ зимовать въ селѣ Дѣдиновѣ немочно некоторыми дѣлы; гдѣ стоятъ такихъ мѣстъ нѣтъ и стеречь нѣкому». Получивъ донесеніе, Царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ торопиться окончательною отдѣлкою, оставивъ при судахъ только пятерыхъ «знающихъ людей» изъ иноземцевъ, а остальнымъ, въ томъ числѣ Буковену и Старку, ѣхать въ Москву. «А что какихъ всякихъ припасовъ отъ карабельнаго дѣла останетца, переписать и положить въ амбаръ и запечатать, и обо всемъ великому государю отписать и прислать роспись». Во второй половинѣ сентября получена новая отписка отъ Полуехтова: «карабль, и яхта, да два шлюпа и ботъ сдѣланы совсѣмъ наготово, и щеглы на караблѣ и на яхтѣ конатами и векшами укрѣплены; а большихъ конатовъ, на чемъ

караблю и яхтѣ стоять, не сдѣланы; карабельныхъ мастеровъ только восемьъ человекъ, а въ прибавку конатныхъ мастеровъ Коломенскій епископъ не присылывалъ; да сдѣлано большихъ и малыхъ одиннадцать якорей.» Въ отвѣтъ на это Полуэхтову велѣно отпустить корабли изъ Дѣдинова въ октябрѣ мѣсяцѣ, съ Буковеномъ и съ карабельщиками, взявъ изъ Коломны и изъ Коломенскаго Яма потребное число кормщиковъ и гребцовъ, которые бы знали водяной ходъ на рѣкѣ Окѣ. Буковену, получившему десять Московскихъ стрѣльцовъ «для береженья караблей», приказано было, не теряя времени, вести всѣ суда въ Нижній Новгородъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды, уже тамъ додѣлать ихъ окончательно, а въ Нижній посланъ указъ: принять суда и «поставить для осенняго и вѣшняго льду въ заводахъ, гдѣ пригоже, и беречь на крѣпко ⁽³⁰⁶⁾.»

Затрудненія и ослушанія продолжались. Полуехтовъ, поссорясь съ Буковеномъ, сказался больнымъ и объявилъ, что изъ Дѣдинова ѣхать не можетъ; Коломенскій воевода прислалъ только 13 работниковъ и то «худыхъ людей», кормщиковъ же не прислалъ вовсе, а Коломенскіе ямщики отказались дать и кормщиковъ и гребцовъ. Пока посланы были по обѣимъ этимъ статьямъ подтвержденія, Полуехтовъ увѣдомилъ, 15 октября, что корабль и яхта не могутъ идти Окою, по причинѣ мелководія, Буковень же и прибывшій изъ Нижняго Новгорода подъячій Кишмутинъ, доносили: «въ Окѣ рѣкѣ воды прибыло мѣрою на поларшина, и съ прежнимъ на мелкихъ мѣстѣхъ только полтора аршина, а караблю грузъ два аршина съ четвертью, а въ мелкихъ мѣстахъ караблю пройти не мочно, а Яковъ Полуехтовъ государева указу ослушаетца во всемъ, и караблей проводить не хочетъ, и боленъ николи не бывалъ.» Полуехтовъ оправдывался, что онъ полковнику и подъячему говорилъ: «въ Окѣ рѣкѣ вода велика и корабли гнать мочно, и полковникъ и подъячій ему отказали.» Въ отвѣтъ на новое повелѣніе: итти изъ Дѣдинова въ Нижній, немедля и ничѣмъ не отговариваясь, — Буковень и Кишмутинъ писали: «въ Окѣ рѣкѣ вода мала, итти караблю не мочно, а кормщиковъ и гребцовъ прислано съ Коломны съ посаду и Коломенскихъ ямщиковъ сорокъ пять че-

ловѣкъ, а въ Окѣ ходу и мелей и каршѣ не знаютъ и кормщиковъ нѣтъ, и за кормщиками чинится мотчанье (остановка).» Полуехтовъ объявилъ, что «въ Окѣ рѣкѣ вода велика и караблямъ итти мочно, а подъячій съ полковникомъ пьетъ и бражничаеть, а о государевѣ дѣлѣ не радѣетъ, и чтобъ караблямъ въ селѣ Дѣдиновѣ зимовать.» На строжайшій указъ: вести суда безъ замедленія, подъ опасеніемъ Царской опалы и вычета всего жалованія, полученнаго со дня заложенія корабля,—Буковенъ и Кишмутинъ прислали донесеніе: «Ноября съ 1-го числа по 4 число въ Окѣ рѣкѣ воды прибыло и съ прежнимъ только восемь пядей, а караблю грузъ девять пядей слишкомъ; и Яковъ Полуехтовъ на карабль не пошелъ, а сѣлъ въ легкую лодку и покиня карабли поѣхалъ напередъ, невѣдомо куды, а въ прежнихъ своихъ отпискахъ писалъ на нихъ къ великому государю о всемъ ложно.» Вслѣдъ за этимъ получена новая записка: «Ноября 4 числа морозы учинились быть большіе и по Окѣ рѣкѣ ледъ учелъ плыть большой; и карабли отъ того осенняго ходу завели, чтобъ отъ осенняго льду порухи (поврежденія) какіебъ не учинилось, и карабли въ тое заводи замерзли.» Въ опроверженіе Буковена и Кишмутина Полуехтовъ донесъ, съ засвидѣтельствованіемъ мѣстныхъ старостъ, что «Ноября 2 числа по Окѣ рѣкѣ изъ села Дѣдинова карабельной ходъ былъ и итти было мочно.» Наконецъ послѣднее донесеніе полковника и подъячаго: «Ноября въ 8 день Яковъ Полуехтовъ покиня карабли, и якори, и всякіе карабленые припасы, и государевы всякіе остаточные казны, и не дождався государева указу изъ села Дѣдинова сѣхалъ невѣдомо куды, а цѣловальниковъ у караблей и у казны никого не оставилъ.»

По всѣмъ этимъ противорѣчивымъ показаніямъ Коломенскому воеводѣ велѣно было изслѣдовать на мѣстѣ истину, а между тѣмъ, 17 ноября, все карабельное строеніе перешло въ вѣденіе Посольскаго Приказа, состоявшаго также подъ управленіемъ Ордина-Нащокина. Поводомъ къ этому перечисленію вѣроятно было то, что карабль, яхта и прочія суда, по окончательной ихъ отстройкѣ въ Дѣдиновѣ, уже должныствовали начать предназначенный имъ кругъ дѣйствій по торговлѣ съ Персіею, ближе

принадлежавшей къ вѣденію Посольскаго Приказа, нежели Приказа Новгородской Четверти.

Можно предполагать, что Дѣдиновское судостроеніе шло бы несравненно успѣшнѣе и съ меньшими задержками, если бы во все это время, съ самаго начала работъ Ординъ-Нащокинъ не былъ отвлеченъ важными занятіями по дѣламъ Польши, послѣ отрѣченія Яна Казимира остававшейся безъ короля, а потомъ отъ весны 1668 года, не находился за границею, для заключенія торговыхъ договоровъ съ Швеціею и Пруссіею, и для присутствованія, въ Варшавѣ, на избирательномъ сеймѣ. Онъ возвратился уже въ 1670 году, и вскорѣ за тѣмъ принялъ иноческій чинъ въ монастырѣ Іоанна Богослова, называемомъ Крыпецкимъ, въ двадцати верстахъ отъ Пскова. Любопытно письмо его къ Царю Алексѣю Михайловичу, хотя и не относящееся прямо къ исторіи Русскаго флота, но отчасти поясняющее медленность, нерадивость и неповиновеніе, происходившія по сооруженію судовъ въ Дѣдиновѣ. «На Москвѣ, Государь,» писалъ доблій бояринъ, «не радятъ о государственныхъ дѣлахъ — ей дурно! Посольскій приказъ есть око великой Россіи. Чтобы умножить, расширить, возвести государство, надобенъ вѣрный, зоркій глазъ избранныхъ и безпристрастныхъ людей, а это дѣло, Государь, Посольскаго приказа. Честь для тѣхъ, кто свято хранитъ пользу отечества; униженіе тѣмъ, кто не рачитъ о важности и величій его. Царь! Думные дѣяки занимаются хитростями и *кружечными* дѣлами (*) ⁽³⁰⁷⁾.» Удивительно ли, послѣ этого, что и Дѣдиновское дѣло производилось такъ вяло, съ такими непростительными ослушаніями и ссорами? Видимъ рѣдкую снисходительность кроткаго Царя Алексѣя Михайловича, и постигаемъ вполне, что только съ твердою, желѣзною волею, Петра, съ Его кипучею дѣятельностію, возможно было осуществить исполинскія предпріятія, имъ совершенныя.

Построенныя въ Дѣдиновѣ суда едва поступили въ завѣдываніе Посольскаго Приказа, какъ явился туда, 20 ноября, Ботлеръ. Онъ только что пріѣхалъ изъ Амстердама, съ 15-ю ино-

(*) Т. е. крѣпкими напитками.

странцами, нанятыми имъ, по порученію фанъ-Сведена, около этого времени умершаго (³⁰⁸), и такимъ образомъ не дожившаго до конца дѣла, начатаго при усердномъ содѣйствіи и по его указаніямъ. Имя этого, во многихъ отношеніяхъ полезнаго для Россіи человѣка, нераздѣльно, какъ мы видѣли, съ исторіею кораблестроенія въ нашемъ отечествѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Ботлеръ и его товарищи всѣ объявили себя въ Польскомъ Приказѣ уроженцами Голландіи и были записаны подъ слѣдующими именами и званіями: *Давыдъ Бутлеръ* — корабельный капитанъ, который на кораблѣ надъ корабельщикомъ и надъ всѣми сарами вѣдаетъ; *Янъ Албертсъ* — корабельный кормщикъ и подъячій; *Петръ Бартельсонъ* — надъ корабельными сарами начальный человѣкъ и съ кормы до половины корабля надъ снастями дозорщикъ; *Мейндертъ Мейндертенъ* — начальному человѣку, что надъ сарами, и дозорщику надъ снастями товарищъ; *Вигертъ Попкерсъ* — спереди отъ половины корабля надъ снастями дозорщикъ; *Элисъ Петерсонъ* — товарищъ парусному мастеру; *Корниліусъ Корнильсенъ* — корабельный пушкарь; *Карстенъ Брантъ* — корабельнаго пушкаря товарищъ, который вѣдаетъ порохъ и пушечныя ядра; *Янъ Янсенъ Струйсъ* (Struys) — корабельнаго паруснаго дѣла мастеръ; *Виллисъ Виллисонъ* — корабельнаго деревья и щегольный и векшныхъ снастей мастеръ; *Корниліусъ Бракъ*, *Якобъ Трапенъ*, *Даніель Корнильсенъ*, *Петеръ Арентсенъ* — сары, корабельные работники. Они ѣхали чрезъ Ригу, на Псковъ, откуда о путешествіи ихъ было повѣщено въ Москву, что ѣдутъ «изъ-за моря карабелнаго строенія мастера и которые знаютъ небесное теченіе и морской путь (³⁰⁹)».

Пока всѣ эти лица, въ ожиданіи дальнѣйшихъ о нихъ распоряженій, жили въ столицѣ, въ Бѣломъ городѣ, Полуехтовъ и Буковенъ были вытребованы въ Москву, для отданія отчета въ израсходованныхъ ими деньгахъ, и для полученія новыхъ приказаній. Происходившіе между ними, во вредъ порученному имъ дѣлу, споры и ссоры, повидимому остались безъ послѣдствій (³¹⁰). Между тѣмъ Ботлеръ, подаль, 5-го декабря, въ Посольскій Приказъ проектъ свой о постройкѣ 36-ти весельнаго судна, на об-

разецъ Венеціанскихъ *каторгъ* или галеръ, и 20-ти весельнаго *баркантина*, или струга, о шести или семи однофунтовыхъ пушкахъ, для дѣйствій въ Каспійскомъ морѣ противъ разбойниковъ, полагая употребить въ гребцы закованныхъ въ кандалы плѣнныхъ. Мысль эту поддерживалъ переводчикъ Посольскаго Приказа Виніусъ, сынъ перваго основателя Тульскихъ желѣзныхъ заводовъ, но онъ не ограничивался одною каторгою и однимъ баркантиномъ, а предлагалъ построить нѣсколько каторгъ, считая ихъ гораздо удобнѣйшими для Каспійскаго моря, нежели корабли, т. е. парусныя суда. «То море глубокостію не какъ океанъ, и того ради во время бури валы ходятъ не таковы велики какъ въ Океанѣ, но часты, и тѣмъ кораблю чинится великая шкода (поврежденіе), а тою каторгою мочно угрести. Тѣ каторги гораздо лутче бусъ крѣпостію, обороною и поспѣшеніемъ въ ходу, и великими бури тѣхъ не будетъ разбивати, какъ бусъ разбиваетъ часто. А будетъ сыщется рѣками великими путь въ Индію и промыслъ торговый учинится, то самая великая прибыль великаго государя казнѣ и Московскому государству имать быти». Такъ разсуждалъ Виніусъ въ своемъ предложеніи. Оба проекта или не были приняты, или исполненіе ихъ было отложено на неопредѣленное время ⁽³¹¹⁾. Вскорѣ потомъ Ботлеръ представилъ въ Посольскій Приказъ карту Каспійскаго моря и статьи объ обязанностяхъ на кораблѣ капитана и подвѣдомственныхъ ему чиновъ ⁽³¹²⁾.

Въ началѣ марта 1669 года, Ботлеръ ѣздилъ въ Дѣдиново, для осмотра построенныхъ тамъ судовъ, и по возвращеніи донесъ, что «корабли и яхта на Хвалимскомъ морѣ въ ходу сдѣланы годны». Посланный съ нимъ Астраханскій житель и опытный мореходъ Савельевъ, далъ отзывъ, «что и бусы де на Хвалимскомъ морѣ ходятъ, дѣлаютъ ихъ на тотъ же образецъ ⁽³¹³⁾.»

Въ отсутствіе Полуехтова и Буковена изъ Дѣдинова, вокругъ судовъ постоянно окалывали ледъ, а съ наступленіемъ теплаго времени, въ исходѣ марта или въ началѣ апрѣля, приступили къ окончательной ихъ отдѣлкѣ, что было поручено надзору Полуехтова ⁽³¹⁴⁾. Ботлеру же и всѣмъ прибывшимъ съ нимъ изъ Голландіи, велѣно было готовиться къ отъѣзду въ Дѣдиново,

водою, на стругѣ. Въ самое это время произошелъ случай, весьма непріятный для Ботлера. Одинъ изъ его соотечественниковъ, уже прежде проживавшій въ Москвѣ, подалъ на него доносъ въ разныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ по найму людей, и утверждалъ, что онъ, Ботлеръ, «писалъ себя карабельнымъ капитаномъ, не имѣючи на тотъ чинъ у себя паса, и на карабляхъ нигдѣ не бывалъ и карабельное дѣло ему не за обычай.» Допрошенный въ Посольскомъ Приказѣ, Ботлеръ сознался въ обвиненіяхъ его по первой статьѣ, и объявилъ, что хотя не имѣетъ патента на капитанскій чинъ, но въ знаніи своемъ морскаго дѣла, и въ томъ, что ходилъ на корабляхъ «начальнымъ человѣкомъ», во Францію, Англію, Испанію и Восточную Индію, ссылаясь на многихъ изъ своихъ единоплеменниковъ. Ему замѣтили, что «такъ дѣлать не годилось, также и капитаномъ не имѣючи у себя пасу писатца было не довелось же», и переименовали изъ корабельныхъ капитановъ въ «корабельные дозорщики».

По окончаніи всѣхъ необходимыхъ распоряженій въ Москвѣ, 14-го апрѣля, на святой недѣлѣ, Ботлеръ являлся во дворецъ, былъ допущенъ къ Царской рукѣ и при этомъ случаѣ представилъ Государю челобитную, о которой въ дѣлахъ Посольскаго Приказа записано слѣдующее: «Служилъ де онъ въ Голанской землѣ на караблѣхъ, и былъ во Французской и въ Шпанской землѣхъ и въ иныхъ во многихъ опричныхъ государствахъ карабельнымъ дозорщикомъ; и въ прошломъ во 176 (1667) году, по указу его великаго государя, по письму Ивана фан-Сведена, служа ему великому государю, нанялъ за моремъ карабельныхъ людей и всякіе снасти, что къ тому караблю принастоитъ, испуилъ, и покиня де онъ въ Амстрадамѣ жену свою и дѣтей выѣхалъ къ нему великому государю къ Москвѣ, а быть мнѣ на Хвалимскомъ морѣ въ службѣ на караблѣ, и написали меня дозорщикомъ, а не капитаномъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ его Давыда, велѣлъ бы ему служить на караблѣ капитанскую службу, а онъ ему великому государю долженъ служить какъ Богу». Снисходя на прошеніе Ботлера, «государь пожаловалъ, велѣлъ его написать капитаномъ».

Получивъ по поданнымъ росписямъ, большую часть вещей, не-

достававшихъ до полного вооруженія и снаряженія въ путь корабля и яхты, и часть пушекъ, Ботлеръ представлялся, 23-го апрѣля, Государю вторично, на этотъ разъ со всѣми своими подчиненными, и вторично былъ допущенъ къ цѣлованію Царской руки (³¹⁵).

Желая передъ отѣздомъ своимъ въ Дѣдиново произвести пробу присланнымъ для корабля и яхты орудіямъ, Ботлеръ требовалъ на каждый выстрѣлъ пороха противъ вѣса ядра, и ссылаясь въ этомъ на правила, существовавшія въ Голландіи. Ему прислали, по заведенному въ Россіи обыкновенію, только половинное количество. Государь велѣлъ исполнить по требованію Ботлера; въ присутствіи его и всѣхъ прочихъ Голландцевъ, проба была сдѣлана: «пушки оказались всѣ цѣлыя и на корабль и на яхту годны». Опытъ происходилъ 24-го апрѣля, и въ тотъ же день послѣдовалъ Царскій указъ: «Караблю, которой въ селѣ Дѣдиновѣ сдѣланъ вновь празванье дать Орломъ и поставить на носу и на кормѣ по орлу, и на знаменахъ и на яловчикахъ нашивать орлы же (³¹⁶)».

Затрудненія, столько замедлявшія строеніе судовъ въ Дѣдиновѣ, въ 1667 и 68 годахъ, не замедлили повториться въ 1669 году. Такъ напримѣръ, Полуехтову отказывали въ присылкѣ плотниковъ и кузнецовъ, безъ которыхъ нельзя было окончить порученныхъ его наблюденію работъ; виновный въ этомъ Коломенскій воевода вмѣсто грамотнаго подъячаго, прислалъ «посадскаго малаго, который писать и честь не умѣетъ (³¹⁷)»; Тульскій воевода, обязанный получить отъ Марселиса и препроводить на суда недосланные пушки и ядра, обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ совершенное нерадѣніе (³¹⁸), присланный подъ разныя тяжести стругъ, оказался вѣтхимъ и негоднымъ (³¹⁹), словомъ во всемъ происходили задержки.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля Ботлеръ отправился, съ своими спутниками, на стругъ, въ Дѣдиново, получивъ передъ отѣздомъ наказную память: «какъ ему быть на караблѣ и ѣхать въ Астарахань, со всѣми карабелными людьми, а изъ Астарахани на Хвалимское море», и съ тѣмъ вмѣстѣ ему даны были, для ис-

полненія, «артикулныя статьи», имъ же самимъ, вскорѣ по приѣздѣ въ Москву, представленные въ Посольскій Приказъ ⁽³²⁰⁾.

Пока Ботлеръ былъ въ пути изъ Москвы въ Дѣдиново, Полуехтовъ доносилъ, отъ 2-го мая: «воды въ Окѣ рѣкѣ убываетъ, чтобъ караблю не застоятца». Въ отвѣтъ на это ему приказали, въ тотъ же день: «съ караблемъ и съ яхтою изъ села Дѣдинова въ Нижній итти не мѣшкавъ, не упуская нынѣшніе вешніе воды». Вскорѣ послѣ этого пришло въ Москву донесеніе Полуехтова, что онъ «собрался съ кормщиками и съ работными людьми, съ караблемъ и съ яхтою и со всѣми карабелными людьми пошелъ изъ села Дѣдинова къ Нижнему 7 мая», не дождавшись отъ Тульского воеводы пушекъ и ядеръ ⁽³²¹⁾.

Съ Ботлеромъ отправились изъ Дѣдинова, сверхъ приѣхавшихъ съ нимъ изъ Голландіи, еще слѣдующія лица: поручикъ *Шакъ*, корабельщикъ *Гельтъ*, кормщикъ *Вилимъ фан-ден-Стрекъ*, работный человѣкъ *Минстеръ*, толмачъ *Шкрамъ*,—всѣ принятые въ 1667 году, и нанятый въ самой Россіи работный человѣкъ *Дитрихъ Петерсонъ*. Всего подъ начальствомъ Ботлера состояло девятнадцать человѣкъ, къ которымъ въ послѣдствіи, едва ли уже не въ Астрахани, присоединился еще одинъ, также Голландецъ, лекаръ *Термундъ*. Самый большой окладъ жалованья, Ботлеру, составлялъ, по переводу на Русскія деньги, 20 рублей, Гельтъ получалъ 16, фанъ-ден-Стрекъ 13, Альбертсонъ и Вилимсенъ по 11 рублей 13 алтынъ и 2 деньги, Шакъ 8, работный человѣкъ Петерсонъ 7, Минстеръ 6, Шкрамъ 3, прочіе по 10 рублей въ мѣсяць ⁽³²²⁾. Остальные иноземцы, находившіеся у корабельнаго строенія, въ томъ числѣ Буковень и Стракъ, частью еще изъ Дѣдинова, а частью по прибытіи судовъ въ Нижній-Новгородъ, возвратились въ Москву.

Единственное свѣденіе о плаваніи этого небольшого флота, отъ Дѣдинова до самой Астрахани, сохранилось въ описаніи путешествій паруснаго мастера корабля «*Орелъ*», Стрейса. По его разсказу, суда пришли въ Нижній Новгородъ безъ приключеній и остановокъ, вѣроятно потому, что имѣли хорошихъ «проводящихъ» или лоцмановъ. Они оставили Нижній Новгородъ, еще

не бывъ всѣмъ снабжены, 13-го іюня, и приняли, для охраненія въ плаваніи къ Казани, тридцать пять Нижегородскихъ стрѣльцовъ. Здѣсь разстался съ ними Полуехтовъ, и флотъ поступилъ въ непосредственное управленіе Ботлера. Вмѣстѣ съ кораблемъ, яхтою, ботомъ и обѣими шлюпками, или *шняками*, какъ ихъ также называли,—пошелъ еще стругъ, съ пушками, снарядами и другими вещами, которыхъ, по мелководію во многихъ мѣстахъ, не помѣстили на кораблѣ и яхтѣ. Часть тяжестей должно было оставить въ Нижнемъ по причинѣ совершенной вѣтхости другаго струга, отпущеннаго Ботлеру, и въ этомъ же городѣ были заказаны всѣ требовшіяся для судовъ снасти (³²³).

Плаваніе отъ Нижняго-Новгорода было не такъ благополучно, какъ предшествовавшее. На пути отъ Васильгорода къ Козьмодемьянску, корабль, по причинѣ убыли воды, нѣсколько разъ садился на мель, и потерялъ три якоря. Миновавъ Чебоксары, гдѣ Нижегородскіе лопмана были смѣнены другими, также хорошо знавшими свое дѣло и искусно проводшими суда среди отмелей, Голландцы прошли съ попутнымъ вѣтромъ до Казани и бросили якорь въ рѣкѣ Казанкѣ. Появленіе на этихъ водахъ военныхъ судовъ иностранной постройки было ново для большей части жителей, потому что немногіе помнили корабль Голштинцевъ, и явленіе это было тѣмъ любопытнѣе, что тутъ впервые являлся корабль съ Русскимъ двуглавымъ орломъ на кормѣ, на носу, на флагѣ и на вымпелѣ. Воевода Князь Трубецкой, Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій Лаврентій, и многіе изъ жителей пріѣхали на суда; толпы народа стояли по берегамъ. Послѣ тринадцатидневнаго пребыванія въ Казани, запасшись большимъ количествомъ сухарей, суда продолжали плаваніе внизъ по Волгѣ. Не разъ борясь съ вѣтрами, даже съ бурями; не разъ садясь на мель, стоявъ, за непогодою, по нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, и потерявъ еще одинъ якорь, уже четвертый со времени отплыва отъ Нижняго Новгорода, корабль, въ сопровожденіи прочихъ судовъ, пришелъ, 31-го августа, на видъ Астрахани. Обрадованные окончаніемъ долгаго, скучнаго и опаснаго путешествія, Голландцы бросили якорь при залпѣ изъ всѣхъ бывшихъ у нихъ пушекъ. Плаваніе ихъ, со времени отбытія изъ

Дѣдинова, продолжалось слишкомъ три съ половиною мѣсяца. Черезъ недѣлю оно подошли подъ самый городъ ⁽³²⁴⁾.

Одиннадцать съ половиною Русскихъ сажень длины и три сажени ширины—по размѣру, назначенному Сведеномъ; съ небольшимъ девять пядей или четвертей аршина въ грузу—по донесенію Буковена; три мачты и бугшприть—по неясному рисунку, переданному Стрейсомъ на общемъ видѣ Астрахани, и 22 желѣзные пушки, отъ 2 до 6 фунтоваго калибра, по вѣдомости Пушкарскаго Приказа ⁽³²⁵⁾: вотъ всѣ данныя, какія дошли до насъ о кораблѣ «Орелъ», построенномъ по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича. О яхтѣ нѣтъ даже и этихъ скудныхъ свѣденій. Знаемъ только, что она была о 6-ти однофунтовыхъ желѣзныхъ пушкахъ ⁽³²⁶⁾. Все это слишкомъ недостаточно, чтобы составить ясное понятіе о сихъ двухъ судахъ ⁽³²⁷⁾.

По первоначальному назначенію, на корабль было повелѣно отпустить: 18 пушекъ шестифунтовыхъ и 4 трех-фунтова ⁽³²⁸⁾, но дѣйствительно были присланы: 5 шестифунтовыхъ, 1 пятифунтовая, 2 четырех-фунтова, 11 трех-фунтовыхъ и 3 двух-фунтова ⁽³²⁹⁾. Къ каждому орудію, на кораблѣ и на яхтѣ, полагалось по 200 ядеръ ⁽³³⁰⁾. Сверхъ этого Ботлеру было отпущено 5 пудовъ фитиля, $32\frac{1}{2}$ пуда свинцу и 90 пудовъ пушечнаго пороха ⁽³³¹⁾, и предполагалось снабдить экипажъ 200 ручными гранатами; но были ли послѣднія доставлены, неизвѣстно, потому что суда уже находились на пути отъ Дѣдинова къ Нижнему Новгороду, когда Пушкарскій Приказъ отозвался немѣнѣемъ такихъ гранатъ, также однофунтовыхъ пушекъ для яхты и мѣдныхъ ложекъ или шуфль для насыпанія въ картузы пороха ⁽³³²⁾. Здѣсь кстати замѣтить, что въ описываемую нами эпоху порохъ изготовлялся у насъ большею частію ручными мельницами, были и мельницы приводимыя въ движеніе водою; но въ весьма маломъ числѣ ⁽³³³⁾.

Корабль, яхта, боть и обѣ шлюпки, со всею ихъ принадлежностію и съ жалованьемъ, израсходованнымъ во время ихъ постройки, обошлись въ 9021 рубль съ копейками ⁽³³⁴⁾.

Всѣ эти суда оставались въ Астрахани, въ бездѣйствіи, цѣ-

лые десять мѣсяцевъ, сначала по неполученію всѣхъ недостававшихъ вещей и припасовъ, а потомъ по остановкѣ въ торговлѣ съ Персіею, произведенной страшными разбоями казаковъ, предводимыхъ Стенькою Разинымъ. Два года сряду неистовствуя на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, грабя купеческія суда съ товарами и не одинъ разъ разбивая посыланныя противъ него войска, онъ получилъ въ сентябрѣ 1669 года прощеніе и явился съ своими сообщниками въ устьяхъ Волги. Это произошло черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Астрахань Царскихъ судовъ. Ботлеръ и нѣкоторые изъ его подчиненныхъ, побуждаясь любопытствомъ, посѣщали Разина, видѣли его буйныя пиршества, и не ожидали ничего чрезвычайнаго, какъ вдругъ гроза разразилась надъ ними и надъ Астраханью.

Помилованный Царемъ, Разинъ счелъ эту милость за слабость правительства, отправился на Донъ и, набравъ новыя ватаги, вышелъ съ ними на Кубань и Куму, раззорилъ множество Татарскихъ и Калмыцкихъ улусовъ, взялъ приступомъ Царицынъ и Черный Яръ и въ первыхъ числахъ іюня 1670 года остановился при Жареномъ бугрѣ, въ восьми верстахъ отъ Астрахани. Городъ, окруженный каменною стѣною, имѣлъ для защиты своей до 12 т. войска, большею частію стрѣльцовъ, и состоялъ подъ управленіемъ опытнаго воеводы Князя Прозоровскаго. При такихъ обстоятельствахъ толпы Разина не были бы опасны для Астрахани; но явились малодушные и предатели. Тайно подговоренныя Разинымъ Царскія войска не только не отразили сдѣланнаго имъ, въ ночи на 22-е іюня, приступа, но еще способствовали ему. Нѣсколько часовъ Прозоровскій, съ небольшимъ числомъ пребывшихъ вѣрными долгу, оборонялся противъ несоразмѣрныхъ силъ нападающихъ, но наконецъ долженъ былъ уступить. Разбойники сбросили его, пробитаго насквозь копьемъ, съ вершины башни ⁽⁵⁵⁸⁾.

Всѣ эти происшествія не могли не отразиться на Ботлерѣ, на его подчиненныхъ и на самыхъ судахъ, ему ввѣренныхъ. Приведя корабль *Орелъ* въ совершенную готовность къ выходу въ море, Ботлеръ построилъ, по порученію Прозоровскаго, и въ апрѣлѣ

1670 года спустиль на воду, «военное судно», предназначавшееся, въ случаѣ надобности, для дѣйствій противъ казаковъ, о замыслахъ коихъ уже носились въ народѣ тревожные слухи ⁽³³⁶⁾. Вѣроятно они во время дошли до правительства, потому что еще въ мартѣ мѣсяцѣ въ Астрахань пришло повелѣніе: Ботлеру и всѣмъ прочимъ Голландцамъ, ѣхать въ Москву. Постройка судна задержала ихъ, до самаго того времени, когда явно-угрожавшая опасность заставила Прозоровскаго, для успѣшнѣйшей обороны Астрахани, удержать всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ въ этомъ городѣ. Въ началѣ іюня, когда духъ неудовольствія и мятежа началъ проявляться въ самой Астрахани, Князь Прозоровскій велѣлъ Ботлеру быть съ ввѣренными ему судами въ ежеминутной готовности къ бою. Приказаніе было исполнено, но когда, вслѣдъ за тѣмъ, при увеличивавшихся волненіяхъ между жителями, Ботлеръ сталъ совѣтоваться съ своими соотечественниками, они всѣ подали одинъ голосъ: при очевидной безнадежности къ отраженію Разина оставить суда на произволь судьбы, а самимъ, сѣвъ въ шлюпку, съ самыми необходимыми вещами, бѣжать въ Персію. Въ слѣдствіе этого Ботлеръ, съ лекаремъ Термундомъ, товарищемъ корабельнаго пушкаря Брантомъ и двумя матросами, отправился для разныхъ закупокъ въ городъ, а остальные Голландцы, между которыми были и двѣ матросскія жены,—пересѣли въ одну изъ шлюпокъ. Напрасно прождавъ Ботлера и его спутниковъ до полуночи, и полагая, что они: или избрали иной путь къ побѣгу, или задержаны въ городѣ, подчиненные его опасались оставаться долѣе подъ Астраханью и пустились на произволь судьбы въ море ⁽³³⁷⁾.

Промедливъ слишкомъ долго въ городѣ, Ботлеръ, Брантъ, Термундъ и оба матроса нашли ворота уже запертыми, и потому должны были переночевать на берегу. Отправившись по утру на корабль, они увидѣли его покинутымъ всѣмъ экипажемъ и невольно возвратясь въ Астрахань были свидѣтелями ужасовъ, произведенныхъ въ ней Разинымъ и его шайками. Ботлеръ, успѣвшій заслужить довѣріе Прозоровскаго, былъ имъ опредѣленъ, за полуполковника, въ одинъ изъ полковъ, находившихся въ Астрахани, а Брантъ поступилъ въ войска, защищавшія Вознесен-

скіе ворота. Ботлеръ и безотлучно находившійся съ нимъ Термундъ, были захвачены мятежниками при взятіи города, но успѣли бѣжать, и, подвергаясь разнымъ лишеніямъ, съ трудомъ пробрались въ Испагань столицу Персидскаго шаха. Прочіе Голландцы, отправившіеся изъ Астрахани на шлюпкѣ, послѣ бѣдственнаго плаванія вышли на берегъ недалеко отъ Дербента, гдѣ жители захватили ихъ въ неволю. По нѣскольку разъ перепродаваемые изъ рукъ въ руки, и испытавъ много несчастій, бывшіе спутники Ботлера достигли наконецъ, разными путями, своего отечества. Нѣкоторые, не перенеся страданій, умерли; двое, Термундъ и Брантъ, возвратились въ Россію ⁽³³⁸⁾.

Корабль Орель былъ сожженъ Разинымъ ⁽³³⁹⁾. Остальныя суда, исключая шлюпки, на которой бѣжали Голландцы, вѣроятно подверглись той же участи, если не сдѣлались добычею казаковъ, которые могли употребить ихъ въ свою пользу.

Таковъ былъ исходъ «*корабельнаго дѣла*», предпринятаго Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, по мысли Ордина-Нащокина.

Около того времени, когда происходили беспорядки на Волгѣ и по побережьямъ Каспійскаго моря, нѣкто *иноземецъ Веиронъ* вошелъ въ Посольскій Приказъ съ предложеніемъ строить въ Россіи корабли и другія морскія суда, не только для собственнаго употребленія, но и для продажи въ другія государства. «Есть подлинно», писалъ онъ, «что ни одинъ во всей вселенной есть, чтобъ такими малыми проторми, такое множество кораблей мочно велѣть дѣлать и содержать, какъ Его Величеству мочно, потому, что его земля обильна и слишкомъ имѣеть лѣсу, пеньку, желѣзо, смолу черную твердую и смолу жидкую судовую, и иные такіе товары, которые къ морскому дѣлу годны ⁽³⁴⁰⁾». Послѣдствія этого предложенія неизвѣстны.

Въ 1671 году Разинъ былъ разбитъ, схваченъ, привезенъ въ Москву и всенародно казненъ. Нарушенное имъ спокойствіе мало по малу было восстановлено, но строеніе военныхъ судовъ для Каспійскаго моря уже не возобновлялось. Такъ выгодно для Россіи заводившаяся торговля съ Персіею, пришла въ упадокъ; объ Индіи не было и помышленій; обширныя государственныя

виды Ордина-Нащокина, по удаленіи его, не нашли уже ревностнаго за себя предстателя; бояре, враждуя другъ съ другомъ, слабо радѣли о пользѣ общественной; дьяки, вершавшіе въ Приказахъ всѣ дѣла, занимались «кружечными дѣлами»; было не до флота и не до торговли, которой онъ долженствовалъ покровительствовать, а между тѣмъ, въ 1676 году, не стало и Царя Алексѣя Михайловича.

Почти двадцати годамъ суждено было пройти до того времени, когда нечаянный случай привелъ державнаго юношу къ возобновленію въ Россіи «корабельнаго дѣла».

УКАЗАНИЯ НА ИСТОЧНИКИ.

(¹) а) *У Нестора Полное Собрание Русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммисіею, Томъ I. С.-Петербургъ 1846*), на страницъ 8. Изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами по собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сама на ся. Рѣша сами въ себѣ: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Идоша за море къ Варягомъ къ Руси.»

б) *Въ первой Псковской лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. IV), стр. 173*: «и не даша имъ дани, и начаша сами себѣ владѣти и города ставити; и не бѣ въ нихъ правды, восташа, и бысть промежу ими брань межусобная. Послаша Словяне, Чюдь къ Варягомъ къ Руси за море.»

в) *Во второй Псковской лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. V), стр. I*: «и начаша владѣти сами себѣ и города ставити; и бысть межю ими рать, градъ на градъ, и не бѣше правды. И рекоша къ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы рядилъ по праву и владѣлъ нами.» И идоша за море къ Варягомъ.»

г) *Въ первой Софійской лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. V), стр. 88*: «начаша сами себѣ володѣти и города ставити; и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и бысть межи ими рать велика и усобица, и воевати начаша сами на ся. И рѣша сами къ себѣ: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами, и рядилъ ны и судилъ вправду..... послаша за море къ Варягомъ къ Руси.»

д) *Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ (Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Россійскую исторію отъ $\frac{6382}{852}$ до $\frac{7106}{1398}$ года. М. 1781) стр. 3*: «Пріидоша за море къ Варягомъ Словяни и проч.

(²) а) *Несторъ 8*: «И избѣрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣ-градѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборстѣ Труворѣ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля».

б) *Первая Псковская летопись*, 174: «и Рюрикъ сѣде въ Новѣгородѣ, а Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а Триворъ въ Словенскѣ. И отъ тѣхъ Варягъ находницъ прозвашася Русь, а оттолѣ слово ть Руская земля.»

в) *Первая Софійская летопись*, 88: «Рюрикъ сѣде въ Новѣгородѣ, а Синеусъ, братъ Рюриковъ, на Бѣлѣозерѣ, а Триворъ въ Изборьсцѣ..... А отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь, и отъ тѣхъ слово ть Русская земля.»

г) *Архан. лѣт.*, 4. «Отъ тѣхъ Варягъ находникъ прозвася Русь, и отъ тѣхъ словомъ Русская земля.»

(з) *Несторъ*, 13: «аще прїидуть Русь.» Тамъ же 19: «Русь же възвратишася къ дружинѣ своей»..... «Се идуть Русь безъ числа корабль» Тамъ же 29: «Бѣбо Руси 10 тысящъ только.» Тамъ же (въ договорѣ Олега съ Греками) 14: «Аще кто убїетъ крестьяна Русинъ, или христьянъ Русина.» Тамъ же (въ договорѣ Игоря съ Греками) 21: «аще сотворить Грьчинъ Русину.» — *Первая Софійская летопись*. Прибавленія (Въ правлѣ Русской), 57: «Аци ли будетъ Русинъ.» — Тамъ же (въ древнемъ сказаніи о Куликовской битвѣ) 95: «а инде видѣти Русинъ за Татаринѣмъ гонится.» — См. таже *Буткова, Оборона летописи Русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ*. С. П. Б. 1840, 124.

(4) Наприм. у Аравійскихъ писателей Массуди и Ибнъ-Хаукала Руссы, у Константина Багрянороднаго-Россы, у Льва Дьякона Колойскаго-Руссы, Скиѣи и Тавроскиѣи. См. *Буткова, Обор. Нест.* 11, 23, 71 и др. *Черткова, Описаніе войны Великаго Князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ, въ 967—971 годахъ*: М. 1843, стр. 19. 21—26. 39—42 и др.

(5) *Несторъ* 3: «Словѣни же сѣдоша около езера Плмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новѣгородъ.»

(6) *Несторъ* 5: «Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ.»

(7) *Несторъ* 5: «На Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь.»

(8) *Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго. Изданіе второе*, I, 35: «Чудь въ Эстоніи и на Востокъ къ Ладожскому озеру.»

(9) См. выше, пр. 2, б и в.

(10) *Несторъ* 9: «По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Триворъ, и прїа власть Рюрикъ.»

(11) Тамъ же: «и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескѣ, овому Ростовѣ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи; а перьвіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Муромы, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.» Слѣдовательно въ это

время Рюрику, сверхъ племенъ, призвавшихъ его, Синеуса и Трувора къ себѣ на княженіе, были подвластны еще Полотскіе Кривичи, или Полочане, съ городомъ Полотескомъ (нынѣшній Полоцкъ); Меря, съ гор. Ростовомъ, и Муромъ, съ гор. Муромомъ. Полоцкъ, (Витебск. губ.) находится при впаденіи рѣки Полоты въ Западную Двину; Ростовъ (Ярослав. губ.)—на берегу озера Неро или Ростовскаго; Муромъ (Владим. губ.) — на Окѣ. См. также Карамзина, I, прим. 280.

(¹²) *Несторъ 9*: «И бяста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и илuche мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упрашаста, рѣста: «чій се градокъ?» они же рѣша: «была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ. Асколдъ же и Диръ остаа въ градѣ семъ, и многи Варяги скуписта, и начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ.» См. также Карамзина, I, стр. 117 и прим. 282.

(¹³) Приводимъ извлеченія изъ Русскихъ и иностранныхъ источниковъ о походѣ Аскольда и Дира въ Грецію:

а) *Несторъ 9*. Въ лѣто 6374 (866), иде Асколдъ и Диръ на Греки, и придоша въ 14 лѣто Михаила царя. Царю же отшедшю на Огаряны. дошелшю же ему Черныя рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь на Царьгородъ идетъ; и вратися царь. Си же внутри Суду вшедше, много убійство крестьяномъ створиша; и въ двою сотъ корабль Царьградъ отступиша. Царь же едва въ градъ вниде; съ патрехомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святѣй Богородицѣ Влахернѣ всю ночь молитву створиша, таже божественную святы Богородица ризу съ пѣсньми изнесъше, въ рѣку омочиша. Тишинѣ сущи, морю укротившюся, абѣ буря вѣста съ вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вѣставшемъ засобѣ, безбожныхъ Руси корабль смяте, къ берегу приверже, и избия я, яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути въ свояси възвратишася.»

б) *Первая Псковская лѣтопись 174*: «Въ лѣто 6374 (866). Испросшеся бояре Рюриковы изъ Новгорода Асколдъ ко Царюграду, и пришедше на Днѣпру въ Полянѣхъ засѣдоша градъ Кіевъ, и потомъ ходиша воевати на Царьградъ во двою сту кораблей, и много зла сотвориша; а самѣхъ потопа море. и мало ихъ избысть»

в) *Первая Софійская лѣтопись, 88*: «Въ лѣто 6374 (866). Бысть въ Грецѣхъ царь, именемъ Михаилъ..... при семъ цари приходиша Русь на Царьградъ, и якоже пишется въ лѣтописаніи Гречьстѣмъ, въ 14 лѣто Михаила царя; прииде Асколдъ и Диръ на Греки ко Царюграду. Царю же отшедшю на Агаряны воевати и дошелшю

ему Черныя рѣки, вѣсть епархъ посла къ нему, яко Русь идешь на Царьградъ, и воротися Царь. Се же внутрь Суду вшедше, много убійство крестіаномъ створиша, и отступиша Царьградъ *во двою сту корабль*. Царь же едва вниде въ градъ; и съ патріархомъ Фотіемъ приде къ церкви Святей Богородици Влахерну, и всю ночь молитву створивъ, таже и святую ризу божественую святыя Богородица съ пѣснями изнесше съ плачемъ, и омочи въ рѣцѣ. Бѣ бо море укротилося и тихо бысть, и абіе вѣста буря съ вѣтромъ, и волнамъ велиимъ засобъ вѣставшимъ, и разби корабля, и смяте безбожныхъ Русь, и къ берегу приверже, и изби я; мало ихъ избы отъ таковыя бѣды избѣгнути, и въ свояси съ побѣженіемъ възвратишася. А Аскольдъ и Диръ вмалѣ придоша къ Кіеву.»

г) *Русская Лѣтопись по Никонову списку. Ч. I. С. II. Б. 1797 г.* стр. 16: «Влѣто 6374 (866). Иде Аскольдъ и Диръ на Греки, Царемже Михаилу и Василию отшедшимъ на Агаряны воевати, и дошедши имъ Черныя рѣки, посла къ нимъ Епархъ, глаголя: яки Русь идетъ на Царь градъ *вдвою сту и множае кораблей*. Они же възвратишася, и едва внидоша во градъ, и спатріархомъ Фотіемъ приходяще къ церкви святей Богородицы влахерну, изнесше ризу пречистые Богородицы сплачемъ и сослезамы многими, и крайся вморѣ омочиша; бѣ бо тогда море тихо велиемъ. И егда омочиша ризу, абіе возсташа буря зела, и разби множество кораблей, и потопа безбожную Русь. Влѣто 6375 (867). Возвратишася Аскольдъ и Диръ отъ Царя града вмалѣ дружине, и бысть въ Кіевѣ плачь велие.»

д) *Хронографъ Георгія Амартоло (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. прилож. I. стр. 242)*. «Царь же изыде воевати на Агаряны, оставь въ градѣ Орифа и парха, иже не у цареви ни от-ихже поучаваашесе и въ умѣ имѣаше твориму, безбожныхъ Русь възвести нашьствие, бывшу уже у Мавропотама; и царь убо и пришьствия пути удержасе и чесо дѣла сѣя остави, ничесоже царьско и мужьско съдѣла, Руси же приспѣвше вънутрь быти церкви, много съдѣлаше убійство христіаномъ и неповину кровь пролияше; *бѣху же корабли 200*, иже окрочише градъ и много страхъ вънутрь сущимъ сътвориши. Царь же увѣдавъ, едва възможе прѣйти, и съ патріархомъ Фотіемъ въ Влахерну приидоста, и ту Бога моляху; таже съ пѣснями святыи Богородице изнесше омофоръ, въ море краи омочише. И тишинѣ сущи, абіе вѣтромъ наитие, и мору възмутившусе. вълнамъ вѣстаніе често бысть; и безбожныхъ Русь корабли погрезоме, малѣмъ убѣгшемъ от-бѣды.»—*Тамъ же*: «Царь же на Агаряны изыде воевать, Орифаита въ Костянтинѣ градѣ оставивъ; дошедшу же ему Черныя рѣки глаголемы, и се абіе вѣсть ему епархъ посла, яко Русь на Костянтинѣ градъ идуть, Аскольдъ и Диръ, и тѣмъ царь

прочъ не иде. Русь же внутрь Суда вшедше, много убійство хрестіаномъ створиша; и пришли бо бяху въ двую стѹ людей, Костянтинь градъ оступиша. Царь же дошелъ, едва во градъ вниде, и съ патріархомъ Фотіемъ сущи церкви святыя Богородица въ Влахернѣхъ всенощную молбу створиша: и имя же се пріять мѣсто то, нѣкому князю, Скиѣянину родомъ, Влахерну нарицаему, ту ему убіену бывшу. Таче божественую святыя Богородица ризу съ пѣсньми изнесше, въ мори скуть омочивше. Тишинѣ же сущи и морю укротившюся, абіе буря съ вѣтромъ воста, и волнамъ велиемъ воздвигшимся засобѣ, безбожныхъ Руси лодья возмате; и къ берегу привержени избіени, яко мало отъ нихъ таковыя бѣды избѣгнуги, восвояси съ побѣжденіемъ возвратишася.»

е) *Левъ Грамматикъ (Leonis grammatici Chronographia) 368:* «Императоръ (Михаилъ) препоручилъ Византію Урифѣ и отправился на войну противъ Агарянъ. Михаилъ уже находился на Черной рѣкѣ, какъ вдругъ, неожиданно получилъ извѣстіе отъ Урифа, что Руссы идутъ на Византію. Они вошли въ Іеронъ, и проливали кровь хрестіанъ (тутъ жившихъ). Руссы явились предъ Византіею на двухъ ста лодьяхъ и, окруживъ ими городъ (съ моря), навели великій страхъ на жителей. Самъ Императоръ едва могъ пробраться въ свою столицу и пошелъ съ Патріархомъ Фотіемъ въ храмъ Влахернскій..... Поднялся великій вѣтръ, опрокинулъ и разбилъ корабли безбожныхъ Руссовъ: изъ нихъ весьма мало спаслось отъ гибели.»

ж) *Георгій Монахъ (Georgii monachi vitae recentiorum imperatorum. Imperium Michaelis, cum matre Theodora) 400—401.* «Императоръ (Михаилъ) отправился противъ Агарянъ, оставивъ въ Царьградѣ префектомъ Урифу. Михаилъ былъ уже у Мавропотамо, когда получилъ извѣстіе отъ Урифа, что безбожные Руссы идутъ на Византію. Тогда Императоръ рѣшился возвратиться въ свою столицу, а Руссы между тѣмъ вошли въ Іеронъ, убили множество хрестіанъ и пролили потоки крови. Руссы прибыли на двухъ стахъ лодьяхъ, которыми обложили городъ и навели страхъ на всѣхъ жителей. Михаилъ, возвратясь съ большою опасностію въ городъ, отправился съ патріархомъ въ храмъ... Вдругъ поднялась буря, лодьи Руссовъ были разсѣяны, разбиты и весьма мало ихъ спаслось отъ гибели.»

з) *Зонара (Ioannis Zonarae, annales) Т. II. lib. XVI. С. V:* «Руссы, народъ Скиѣскій, жители горы Тавра, вошли въ Понтъ Эвлесинскій и угрожали своими кораблями окрестностямъ Византіи; но заступленіемъ Божіемъ не были допущены до самой столицы.»

и) *Симеонъ Логофетъ (Symonis magistri ac logothetae annales) §§ XXXVII et XXVIII. р. 334:* «Императоръ (Михаилъ) въ девятое лѣто своего царствованія, предпринялъ походъ противъ Агарянъ и дошелъ до

Черной рѣки. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что Руссы, на двухъ стахъ лодьяхъ, идутъ на Византію. Услышавъ это Михаилъ возвратился въ свою столицу. Въ десятое лѣто (его царствованія) Руссы вошли въ Іеронъ, содѣлали множество убійствъ..... Какъ только Императоръ едва нашелъ возможность возвратиться въ Византію, то пошелъ, съ патріархомъ, въ церковь Влахернскую..... Вдругъ поднялось буря; корабли нечестивыхъ Рустовъ были разбиты и разсѣяны вѣтромъ; весьма малое число избѣжало гибели.»

i) *Продолжатель Константина Багрянороднаго (Constantini Porphyrogeneti Continuator) lib. IV p. 90. § XXXIII:* «Руссы, народъ Скиѣскій, попали на страны, принадлежащія Римлянамъ, опустошили берега Понта и окружили самую столицу, въ то время какъ Императоръ находился въ походѣ противъ Измаелитовъ.»

к) *Кедринъ (Georgii Cedreni Compendium historiarum) II. 433:* «Между тѣмъ Руссы, на своихъ лодьяхъ, опустошали берега Чернаго моря. Руссы суть народъ Скиѣскій, живущій у Сѣвернаго Тавра, свирѣпый и жестокий. Они угрожали великимъ бѣдствіемъ столицѣ, но испытавъ гнѣвъ Божій, возвратились домой; потомъ прислали пословъ въ Византію съ усиленною просьбою о принятіи ихъ въ христіанскую вѣру, и сподобились получить оную.»

См. еще: А. Черткова. *Описаніе войны Великаго Князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ, въ 967—971 годахъ. М. 1843. 127—131, 159, 166; и Карамзина. И. Г. Р. I. стр. 117—119 и прим. 282—284 и E. de Mural Eesai de chronologie. Byzantine S. P. B. 1855 p. 439—440.*

Въ большей части приведенныхъ здѣсь выписокъ говорится о чудѣ, произведенномъ погруженіемъ въ воды Чернаго моря ризы Влахернской Божіей Матери, но мы не помѣстили этого обстоятельства въ нашемъ разсказѣ, основываясь на томъ, что о немъ умалчиваетъ самъ Патріархъ Фотій, коему приписываютъ это погруженіе. См. Карамзина I. прим. 284.

(¹⁴) Вотъ какъ разсуждаетъ объ этихъ событіяхъ 867 года, Г. Бутковъ въ «Оборонѣ Нестора,» стр. 71—74: «Неимѣя ни малѣйшаго сомнѣнія, что Россовъ Аскольдовыхъ, нападавшихъ на окрестности Царградскія въ 866 году, Греки признавали за одинъ народъ съ Россами Игоревыми, предпринявшими подобное покушеніе съ 11-го Іюня 941 года, ибо оба эти дѣйствія Россовъ описываются одними и тѣми же шестью Византійцами, полагаемъ, что Аскольдъ и Диръ не успокоились послѣ перваго, на двухъ ста лодіяхъ, неудачнаго похода, но смѣло, по Нордмански, скоро опять пустились туда на новый поискъ. Такимъ образомъ они, при открытіи весны 866 года, въ

первую недѣлю великаго поста, раньше послѣдовавшаго, въ 26-й день Мая, назначенія Василия Македонянина въ соправители Михаила, поднялись на Грековъ, и продолжали военныя дѣйствія еще и въ то время, какъ Василій, умертвивъ Михаила, объявилъ себя Самодержцемъ 23 Апрѣля 867 года; а тогда прекратили съ Греками вражду мирнымъ договоромъ и обращеніемъ своимъ въ вѣру Христіанскую. Къ этому мнѣнію ведутъ насъ: во 1) повѣствованіе, помѣщенное въ Никоновской Лѣтописи и въ Степенной книгѣ, заимствованное у Византійцевъ, что Россы плѣновали Римскую страну, и что Императоръ *Василій* сотворилъ съ ними мирное устроеніе и предложилъ ихъ на Христіанство; во 2) сказаніе Временниковъ нашихъ, взятое также изъ Греческихъ Хроникъ, что Руссы, послѣ перваго похода на Царьградъ при *Михаилѣ* *начаша*—во время преемника его Василия—*плѣновати страну Римскую хотя же пойти на Константинь градъ, но возбрани имъ Вышній Промыслъ, паче же приключися имъ Божій мѣвъ тогда, и возвратишася тщи Князи ихъ Осколдъ и Диръ.. Василій же.... сотвори мирное устроеніе съ Руси и предложи ихъ на Христіанство.* Въ 3) слова Фотія Патріарха въ окружной грамотѣ его къ Архіепископамъ Восточнымъ, писанной до послѣдовавшаго въ 25-й день Сентября 867 года низведенія его съ паствы, что «Россы, покоривъ оружіемъ сосѣдственныя страны, возгордились и подняли оружіе на Римскую Державу, а теперь и сами предложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и неблазную Христіанскую вѣру, и, принявъ Епископа и Пастыря, ведутъ себя яко послушные сыны и друзья, не смотря, что не задолго предсимъ тревожили насъ своими разбоями и причинили великое злодѣяніе», состоявшее въ томъ, по словамъ Никиты Давида, бывшаго въ 878 году Епископомъ Пафлагонскимъ, что Россы, вступивъ изъ Евкеина въ Боспоръ Оракійскій для грабежа и убійствъ, опустошили всю ту страну съ ея монастырями; и въ 4) сказаніе Константина Багрянороднаго въ жизнеописаніи дѣда своего Василия Македонянина, что сей Императоръ не могши покорить Россовъ оружіемъ, одарилъ ихъ щедро золотомъ, серебромъ и шелковыми тканями; *склонилъ къ миру сей неукротимый, чуждый Бога и благочестія народъ, и, послѣ разныхъ переисвороезъ, заключилъ прочный миръ:* что Россы согласились даже принять Архіепископа, который, прибывъ въ столицу Россовъ, легко привлекъ къ себѣ ихъ сердца, что Государь Россовъ (Аскольдъ), собравъ въ совѣтъ подданныхъ простолюдиновъ, предсѣдательствовалъ съ сенаторами (Старѣйшинами) и Вельможами (Мужами, Боярами) своими, которые по долгой привычкѣ къ ложной вѣрѣ, были къ ней привязаніе прочихъ, и что когда Архіепископъ показалъ имъ чудо несгараемаго Евангелія, вар-

вары начали креститься. — Здѣсь видимъ, что Греки съ Россами Аскольда и Дира, лѣтомъ 867 года, заключили мирное постановленіе, безъ сомнѣнія письменное, ибо Византійскіе Императоры, какъ свидѣтельствуется Багрянородный, вели посредствомъ грамотъ сношенія свои съ Россійскими владѣтельными Князьями. Содержаніе Аскольдова договора не извѣстно; но сей договоръ, покоившій Имперію Восточную со стороны Руссовъ цѣлыя 40 лѣтъ, не связывалъ рукъ Олега, какъ и Олеговъ не обуздывалъ самодержавнаго Игоря.

Ссылки Г. Буткова помѣщены въ томъ же сочиненіи, въ примѣчаніяхъ 166—171. См. также Карамзина I. 119—120.

(¹⁵) См. ниже. пр. 16.

(¹⁶) *Несторъ 3*: «Поляномъ же..... бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмеръ озеро великое, изъ него же озера потечетъ Волховъ и вѣтечетъ въ озеро великое Нево; того озера внидетъ устье въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю къ Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понтъ море, въ не же втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковскаго лѣса, и потечетъ на полъдне: а Двина изъ того же лѣса потечетъ, а идетъ на полунощье, и внидетъ въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и вѣтечетъ семьюдесять жерелъ въ море Хвалисьское. Тѣмже и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисье, на вѣстокъ дойти въ жребіи Симовъ; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ въ Понетское море жереломъ, еже море словеть Русское, по нему же училъ святой Онѣдрѣй братъ Петровъ.»

(¹⁷) См. выше, пр. 16. Въ Лаврентьевской рукописи—Оковскій лѣсъ, въ Ипатіевской, Хльбникова и Троицкой—Воковскій, въ Радзивилловской—Волковскій. Именуя его Волоковскимъ, мы слѣдуемъ Карамзину (I прим. 515), полагая достовѣрнымъ, что это названіе произошло отъ слова волокъ.

(¹⁸) Книга Большому Чертежу или древняя карта Россійскаго Государства, поновленная въ разрядъ и списанная въ книгу 1627 года. Изданіе второе. С. П. Б. 1838. стр. 177: «А городъ Выборъ (Выборгъ) стоитъ на Котлинъ озеръ».

(¹⁹) См. выше. пр. 16 и Кн. Бол. черт. 177: «А Корельско озеро пало въ озеро въ Нево, а Ладожское озеро тожъ». — Тамъ же 178: «А изъ Ладожскаго озера противъ города Орѣшка, вытекла рѣка Нева».

(²⁰) См. выше, пр. 16 Кн. Бол. черт. 54: «А съ Нагайской стороны отъ Азова, до усть рѣки Волги, до Хвалинскаго (Хвалимскаго) моря, подемъ верстъ съ 600». Тамъ же 66: «А (отъ) устьярѣки Вол-

ги отъ Астарахани, Хвалимскимъ моремъ, на востокъ, до устья рѣки Яика, 500 (400) верстъ».

(²¹) Устрялосъ, I. 37.

(²²) Несторъ 10: «Въ лѣто 6390 (882). Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюль, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свой. Придоста къ горамъ къ Кіевъскимъ, и увидѣ Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, похорони вои въ лодяхъ, а другія назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Дириви, глаголя: «яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да прилета къ намъ къ родомъ своимъ.» Асколдъ и Диръ придоста; выскакавъ же всѣ прочіи изъ лодья, и рече Олегъ Аскольду и Дирови: «вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа.» И убиша Асколда и Дира..... Сѣле Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати градомъ Рускимъ». Бѣгша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью».

(²³) Карамзинъ I. 132.

(²⁴) Чертковъ 142. «Кстати о щитѣ, прибитомъ или повѣшенномъ Олегомъ на Византійскихъ воротахъ: этому разсказу нашихъ лѣтописей мы никакъ не хотимъ вѣрить, потому что не рѣшаемся и до сихъ поръ изучить нравы и обычаи Скандинавовъ во всей ихъ подробности. Занявшись симъ предметомъ поприлежиѣ, мы бы открыли, что подлѣтѣе, прибитіе, или вывѣска щита надъ городскими воротами былъ у Норманновъ обыкновенный знакъ примиренія. Олегъ прибилъ свой щитъ къ Византійскимъ воротамъ, именно послѣ заключенія мира». *Depping. Histoire des expéditions des Normans I. 250.*

(²⁵) а) Несторъ 12: «Въ лѣто 6415 (907). Иде Олегъ на Греки Игоря оставивъ Кіевѣ; пояже множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мери, и Поляны, и Сѣверо, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци..... си вся звахуться Великая Скуоѣ. И съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конехъ и въ кораблехъ и бѣ числомъ кораблѣй 2000. И приде къ Царюграду, и Греци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вылезе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изъволочити корабли на берегъ, и повоева около города, и много убійство створи Грекомъ, и полаты многы разбиша, а церкви пожгоша; а ихъ же имяху полоняники, овѣхъ посѣхяху, другыя же мучаху, иныя же разстрѣляху, а другыя въ море вметаша, и ина много зла творяху Русь Грекомъ, елико же ратніи творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и въставити корабли на колеса; и бывшую покосну вѣтру, успяша прѣ съ поля, и

идяше къ городу. Видевше же Грець убояшася и ркоша, выславше ко Олгови: «не погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хочеша». И стави Олегъ вои, и вынесоша ему брашна и вино, и не пріа его; бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грець и ркоша: «нѣсть се Олегъ, но святыи Дмитрій, посланъ на ны отъ Бога». И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблѣй, по 12 гривнѣ на челоуѣка, а въ корабли по 40 мужъ; няшася Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецькой земли. Олегъ же мало отступивъ отъ города, нача миръ творити съ царема Грецькими, съ Леономъ и съ Александромъ, посла къ нима въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «имѣте ми ся по дань». И ркоша Грець: «чего хотите и дамы ти». И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблей, по двѣнадцать гривнѣ на ключъ, и потомъ даяти уклады на Рускіе города: первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Польтескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая города; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья полъ Ольгомъ суще..... Царь же Леонъ съ Александромъ миръ створиша съ Ольгомъ, имѣшася по дань и ротѣ заходивше межи собою, цѣловавше сами крестъ, а Ольга водиша и мужей его на роту; по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотымъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «испійте прѣ паволочиты Руси, а Словѣномъ кропійныя», и бысть тако; и повѣсиша щиты своя въ вратѣхъ, показующе побѣду, и поиде отъ Царяграда. И въспяша Русь прѣ паволочитые, а Словѣне кропійныя, и раздра я вѣтръ, и ркоша Словѣнѣ: «имемъся своимъ тольстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ кропійныя». И приде Олегъ къ Кіеву, неся золото, и паволокы, и овощи, и вина и всяко узорочье; и празваша Ольга вѣщій: «бяху бо людіе погани и невѣголови». Почти эти же словами описанъ Олеговъ походъ въ *Первой Софійской лѣтописи*, стр. 95, и въ *лѣтописи Никоновской*, I стр. 29.—См. также *Карамзина* I стр. 150 и слѣд. *Устрялова*, *Русская Исторія*, изданіе четвертое. С. П. Б. 1849. I. 38—39 и *Арцыбашева* I, 21.—О щитѣ, повѣшенномъ Олегомъ на воротахъ Константинополя, см. выше, пр. 24.

(²⁶) Содержаніе этого договора помѣщено у *Нестора*, стр. 13—16.

(²⁷) *Несторъ* 18: «Въ лѣто 6421 (913). Поча княжичи Игорь по Ользѣ».

(²⁸) *Frähn jbn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit*. S. P. B. 60—62. 244—247. Въ журналъ *Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1855. Ч. V, стр. 229—287, статья Г. Григорьева о древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ.—*Карамзинъ* I прим. 364.—*Бутковъ* 22.

(²⁹) Карамзинъ. I, 147.

(³⁰) а) *Несторъ* 18: «Въ лѣто 6449 (941). Иде Игорь на Греки; яко послаше Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ скедій 10 тысящъ. Иже поидоша и приплуша, и почаша воевати Визаньскія страны, и воеваху по Понту до Ираклія и до Фафлагоньски земли, и всю страну Никомидійскую поплѣнивше, и Судъ весь пожгоша. Ихъ же емше, овѣхъ растинаху, другія аки страны поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть ихъ; много же святыхъ церквій огневи предаша; монастырѣ и села пожгаша, и имѣнья не мало обою страна взяша. Потомъ же пришедъшемъ воємъ отъ востока, Намѣфиръ деместикъ съ 40-ми тысящъ. Фока же патрекій съ Макидоны, Оедоръ же стратилать съ Ораки, съ ними же и сановници боярьстии обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въружившеся на Греки, и брани межю ими бывши зъли, одва одолѣша Гръци; Русь же възратишася къ дружинѣ своей къ вечеру, на ночь влѣзоша въ лодыю и отбѣгоша. Оеофанъ же устрѣте я въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огонь на лоды Рускія, и бысть видѣти страшно чудо. Русь же видящи пламянь, вметахуся въ воду морьскую, хотяще убрести, и тако прочіи възвратишася въ свояси. Тѣмъ же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и о ляднѣмъ огни: «якоже молонья», рече, «иже на небесѣхъ, Гръци имутъ у собе, и сію пущающе жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ». Игорь же пришедъ нача совкупляти воѣ многи, и посла по Варяги многи за море, вабя е на Греки, паки хотѣ поити на ня. Тоже и въ *Первой Софійской летописи*, стр. 97, но вмѣсто скедій 10 тысящъ, сказано: *лодей 10 тысящъ*.

б) *Георгій Амартоло* (см. выше, пр. 13. д.) 245—246: «Юния же мѣсяца 11 низьплуше Руси на Константинь градъ съ корабли 10 тысящъ. Посланже бысть на нихъ съ всѣми корабльми, елико прилучишеся въ Цариградѣ, патрикие Оеофанъ, и корабли наредивъ и уготовавъ, и постомъ и слъзами себе оградивъ яко паче, на Руси поиде братисе съ ними въ кораблехъ. И понеже они придоше и близъ Фара быше, съ къ Евксинскому Понту въ устии лову, въ Іеро глаголемое, вънезаяпу нападе на не, и убо своимъ пръвѣ кораблемъ прилувъ, от-Рускаго плѣка множаншихъ порази, и устроенѣмъ огнѣмъ множаншее корабли пожеже; прочіи же корабли побѣгоше. Имже послѣдующее, и прочіи корабли велициі потекше, съврѣшену сътворише побѣду, и многы убо корабли потопише съ самѣми мужии, многы же низложише, другихъ-же живыхъ еше; эти же бывшей убо вѣсточную страну, въ Згоры глаголемые, прѣ-

ведени быше. Послан же бысть тогда и Варда Фока по суху на конехъ бръзнихъ прѣтещи ихъ; и убо сихъ плъку мнозѣхъ пославшу къ Виѣинисцѣи странѣ, яко пищу себѣ и ину потрѣбу купити, и обрѣтъ плъкъ ихъ реченный Варда, злѣ сихъ порази, побѣдивъ и поклавъ ихъ. Съниде же тогда и Іоанъ магистръ съ всѣми вѣсточными вои, и многы от-сихъ искази. Многа же и велика зла сии сътворише, прѣжде даже не сниде Гръчскаго воиска: ибо Стенонъ глаголемый весь пожегоше, и ихже поемаху плѣнники, овѣхъ убо распинааху, овѣх-же по земли протезааху, овѣх-же якоже бѣлѣгы поставляюще, стрѣлами състрѣляаху, елико же от-священникъ поемааху, наопеть руцѣ свезающе, гвозды желѣзны на средѣ главы имъ прибывааху, многыи же святыи церкви огневи прѣдаше. Зимѣ же уже настающе и пищу не имуще, тогда нашѣ воиска боещесе убо; и въ корабле же свое вышѣдше, хотѣаху въ своя отити и утаитесе кораблеи тыщещесе. Септемврѣа мѣсяца, 15 ендикто, отплути устрѣмившемсе въ Оракиискую страну от-реченнаго Теофана патрикия стрѣтени быше, ибо не могоше утаитесе бѣдрливне оны и добрые душе; абіе убо въторую брань съвѣкупи и многы кораблеи потопи, и многы от-нихъ поби реченный мужъ; маломже от-кораблеи спасшемсе, въ нощи наставши побѣгоше. Теофан-же патрикие съ побѣдою свѣтлою възвращѣсе, и чѣстнѣ и великолѣпнѣ приетъ бысть, и паракимоменскимъ саномъ почтень бысть.— Тамъ же: «Іюня же мѣсяца 18 день, 14 индикта, приплу Русь на Костянтинь градъ лодіями тысящъ 10, иже и скеди глаголемъ, отъ рода Варяжска сущимъ: Посланъ же на ны въ трырѣхъ, рекше оляди дромоны, елико бяху въ Костянтини градѣ, патрикій Теофанъ... воя же лодійныя преже урядивъ и уготовивъ, постомъ же и слезами себе паче утвердивъ. Руси же ожидаше въ лодіяхъ, на ны хотя ити, искръ столпа, глаголемаго Форо стражница, въ ней же и огонь, влагаемъ на просвѣщеніе въ нощи шествующимъ. Се на утрѣ Евксина Понта, сирѣчь добродна Понта, стражу дѣя (съ преложеніемъ имя наречено, злородный бо, зане частое ту разбойничѣство, на страшныя нагнаніе, ихже изби Ираклій, якоже глаголѣтъ, и тишину получивше путницы, сего добродна Понта нарекоша), въ Еро, рекше въ Святое глаголемо, напрасно носимъ возложи (его же ради другое имя пріять, зане скоро лодіями ту приходящимъ, ту созда церковь); таче въ своей дромоніи приплувъ, полкы Рускимъ лодіямъ раздружи и устроенномъ огнемъ много сожеже, прочіи же лодіи обратихася на бѣгъ. Яко луѣже, рекше по слѣдуяй, и прочіи дромоніи оляди погнавше, свершеную створиша побѣду: многы же лодіа погрязоша съ мужи, многы же уязвиша, многы же живыя яша. Оставшии же убо на восточную страну, въ

Аюра глаголемая, приплуша. Посланъ же тогда и Варда Фока берегомъ, се снузники лучшая, сихъ послѣдовати; и се Русь хусы послаша въ Винійскыя, яко да пищу имъ и прочее принесутъ; приключися се и хусь, Варда Фока злѣ сія преложи, побѣдивъ исечѣя. Сниде же Іоаннъ магистръ и domestikъ схоломъ, Коркуя глаголемый, со всѣми восточными вой, многихъ погуби, разшедшемся сѣмо и овамо изимая, яко убоявшимся имъ страха его нападанія, пребывати вкупѣ у своихъ лодій, никакоже оттекивати дръзающимъ. Много же и велія зла створиша Русь, прежде даже Греческимъ воємъ не пріити: тогда убо узменъ, глаголѣмый Судъ, всѣ пожгоша, а ихже емше плѣнники, овѣхъ растинаху, иныя же къ земли присѣкиваху, другыя же яко стража поставляюще стрѣлами стрѣлаху; елико ратному чину изымаху, опако руцѣ связавше, гвозды желѣзны посредѣ главы вбиваху имъ; много же святыхъ церкви огневи предаша. Зимѣ же наставающе и брашна не имуще, пришедшихъ же вой боящися, паче же воємъ лодиннымъ, сущимъ во оляди совѣщашася во своя снити, и се утаитися лодійнѣй силѣ тѣхася. Септеврѣа мѣсяца, индикта 15, нощю, устремившеся преидоша на Оракійскыя страны, преждереченымъ патрикіемъ Теофаномъ устрѣтены быша, никакоже бо можаху утаитися ихъ бодрюю его и люблюю его душою. Паки же 2 лодіинны свои съчетася, и многы лодія погрузи, многи же отъ нихъ изби прежденареченный сѣи мужъ; мало же ихъ въ лодіяхъ избыша, и къ рѣцѣ тлаголѣмѣй Кули приринушася; нощи же наставши бѣжаша. Теофанъ же патрикій съ побѣдою свѣтлою и великимъ одолѣніемъ возвратися, честно и велѣбно пріять и паракимумень царемъ».

См. также Карамзина I, 147—149 и Арцыбашева, I. 24—26.

Изъ приведенныхъ здѣсь выписокъ видно, что Игорь, по разбитіи его въ Виѣиніи, удалился къ Воспору Оракійскому или Константинопольскому проливу, но другіе источники называютъ Воспоръ Киммерійскій, т. е. проливъ Керченскій (*Бутковъ*, 20) и послѣднее намъ кажется правдоподобнѣе. Бросаясь къ сторонѣ Константинополя, Русскій флотъ подвергался гораздо большимъ опасностямъ отъ непріятелей нежели въ Киммерійскомъ Воспорѣ, гдѣ только рѣшимости и смѣлости Протевитіарія Теофана, обязаны были Греки за окончательное пораженіе Игорева морскаго ополченія.

(⁵¹) См. выше, пр. 30 а и б и Черткова 164—166.

(⁵²) *Несторъ* 19: «Въ лѣто 6432 (944). Игорь же совокупивъ вой многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги, и тали у нихъ поя; поиде на Греки въ лодяхъ и на конихъ, хотя мьстити себе. Се слышавше Корсунцеи, послаша къ Роману глаголюще: «се идуть Русь безъ числа корабль, покрыли

суть море корабли». Также и Болгаре послаша вѣсть, глаголюще: «идуть Русь и наяди суть къ собѣ Печенѣги.» Се слышавъ Царь, посла послы къ Игорю лучіѣ боляре, моля и глаголя: «не ходи, но возьми дань юже ималъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани.» Также и къ Печенѣгамъ посла паволоки и злато много. Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь Цареву. Рѣша же дружина Игорева: «да аще сиче глаголетъ царь, то что хотимъ болѣ того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? егда кто вѣсть кто одолѣетъ, мыли, онѣли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ.» Послуша ихъ Игорь, и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгорьску землю; а самъ возьмъ у Грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възвратися вспять, и придѣ къ Кіеву въ свояси.» Тоже въ *Первой Софійской лѣтописи* 99.—См. *Карамзина*, I, 149, и *Арцыбашева*, I, 26.

(³³) *Несторъ*, 19—23, *Карамзинъ*, I, 150—153.

(³⁴) *Карамзинъ*, I, 158. *Frahn*, 59. пр. 17.

(³⁵) *Бутковъ*. 270 (его сомнѣніе) и *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1835. Ч. V. 250—287.

(³⁶) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1835. Ч. V. 271—272. *Frahn*. и слѣд. и *Карамзинъ*. I. 241—243.

(³⁷) *Карамзинъ*. I, прим. 90 и 387 и V. прим. 133. *Бутковъ*, 285—286.

(³⁸) *Несторъ* 27. «Въ лѣто 6472 (964). Князю Святославу възрастѣю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, войны много творяще..... Посылаша къ странамъ глаголя: «хочю на вы ити.» И иде на Оку рѣку и на Волгу..... Въ лѣто 6473 (965). Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася бити; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя. Ясы побѣди и Касочы. Въ лѣто 6474 (966). Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.»—*Карамзинъ* I. 171—173. *Арцыбашевъ* I. 33—34. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1835. Ч. V. 275—276. *Frahn*. 64—67. *Бутковъ*. 287—296.

(³⁹) *Карамзинъ*. I. 170. Тамъ же прим. 364: «Когда, въ 946 году, представляли пословъ Эмира Тарсійскаго Императорамъ, тогда многіе Крестившіеся Россіяне, вооруженные мечами, были во дворцѣ и держали въ рукахъ знамена.»

(⁴⁰) *Чертковъ* 155, пр. 50. *Карамзинъ* I. 170 и прим. 364.

(⁴¹) Тамъ же.

(⁴²) *Чертковъ*. 135 пр. 50.

(⁴³) *Карамзинъ* I. 170 и прим. 364.

(⁴⁴) Тамъ же. 129, и Чертковъ. 152 пр. 39.

(⁴⁵) Известно, что Дунай, предъ впаденіемъ своимъ въ Черное море раздѣляется на три главные рукава или гирла. Верхній, или сѣверный называютъ *Килійскимъ*, средній—*Сулинскимъ*, а нижній или южный—*Георгиевскимъ*. Отъ него отдѣляется еще небольшой, четвертый рукавъ: *Дунайъ* или *Портлокое устье*. Сулинскій рукавъ, болѣе удобный для судоходства нежели прочіе въ настоящее время, по всей вѣроятности, былъ такимъ и въ первые вѣки существованія Россіи. Въ эпоху Святославовыхъ походовъ и не позже, онъ встрѣчается у писателей подъ именемъ рѣки или рѣчки *Семеты*. См. между прочимъ у Карамзина I. 242 и у Буткова, 181—182.

(⁴⁶) Карамзинъ I. 173. Арцыбашевъ. I. 34—35.—Чертковъ 19 и слѣд. Несторъ говоритъ очень кратко о походѣ Святослава въ Болгарію въ 967 году (стр. 27): «Въ лѣто 6475 (967). Идя Святославъ на Дунай на Болгары. Бившемся обоимъ, одолѣ Святославъ Болгаромъ и взя городъ 80 по Дунаеви; сѣдѣ княже ту въ Переяславца, имѣя дань на Грьцѣхъ.»

(⁴⁷) Чертковъ. 189, пр. 60: «Изъ сочиненій Анны Комнены видно, что въ Болгаріи были двѣ Преславы, большая и малая (Stritter. II. 628). Первая находилась близъ Дуная и была лучшій городъ въ той странѣ: Греки ее называли Megalopolis (Gebhardi. allgem. Geschichte T. 56, p. 22). Вторая или малая известна, въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ именемъ Переяславца, для отличія, можетъ быть, отъ великой Преславы; нашъ Переяславецъ назывался у Грековъ Марціанополемъ и находился близъ Емскихъ (т. е. Балканскихъ) горъ, и далеко отъ Дуная; Врана, протекающая у этого города, впадаетъ въ Черное море въ четырехъ миляхъ оттуда. Болгары и теперь это мѣстечко называютъ Преславою, а Турки Если-Станебуломъ. Переславецъ при Римскомъ правленіи былъ главнымъ городомъ нижней Мисіи; укрѣпленный Траяномъ, онъ былъ названъ *Марціанополемъ*, въ честь его сестры Марціаны. — Въ Болгаріи и Оракіи, при описаніи позднѣйшихъ происшествій, встрѣчаются имена городовъ и урочищъ, напоминающія пятилѣтнее занятіе этихъ странъ Русами. Напримѣръ: Россокастръ, Rhusium; на нѣкоторыхъ картахъ мы находимъ близъ Варны: Rossico, у Дуная: Rossig, Oroschik, нынѣшній Руцукъ и проч. У Раича: Русіиградъ.» Тамъ же 224: «Переяславецъ былъ городокъ, находившійся при выходѣ изъ дефилей со стороны Болгаріи, родъ крѣпостцы, защищавшій входъ въ клизуры (горныя тѣснины и дефилей въ Балканахъ) съ сѣвера. Это мѣстечко было столь невелико, что называлось предпочтительно малымъ Переяславцемъ, въ отличіе отъ другаго города, известнаго у Византійцевъ подъ именемъ: Megalopolis, большаго города, Ве-

ликаго Переяславля. «При устьяхъ Дуная, именно на правой сторонѣ Георгіевскаго рукава, къ юго-востоку отъ Тулчи, существуетъ еще и нынѣ селеніе *Приславъ*, нѣкоторыми ошибочно почитаемый за Преславу или Переяславецъ Святослава. Чрезъ послѣдній, т. е. чрезъ нынѣшній Ески-Стамбуль Турокъ, еще и теперь пролегаетъ прямое сообщеніе Константинополя съ Шумлою. Для сравненія. См. ниже, въ пр. 49, выписки изъ Г. Буткова.

(⁴⁸) Карамзинъ. I. 174—176.—Арцыбашевъ. I. 35—36.—Несторъ. 27—28.

(⁴⁹) Несторъ. 28: «Рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ: «вѣлюбо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ *Переяславци на Дунаѣ*, яко то есть середѣ въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъъ злато, паволоки, вино, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръъ сребро и комони, изъ Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь.» Несторъ ошибается, говоря, что Святославовъ Переяславецъ былъ на Дунаѣ. См. выше. пр. 47.—Бутковъ. 97: «Намъ часто случалось слышать въ Руцукѣ, отъ Булгаръ и Румыновъ, что первые называютъ сей городъ (Руцукъ) *Руси*, а послѣдніе *Руцуклуй*, давая и народу нашему имя *Руси*; но наименованіе Руцукѣ съ большимъ правдоподобіемъ можетъ быть относимо прямо къ обладанію Булгаріею нашего Святослава, и замѣнять Переяславецъ Несторовъ, такъ названный уменшительно для отличія отъ Великаго Переяслава, *Переяславы Византійцевъ*, стоявшаго подъ Балканомъ.» Тамъ же 159: «Константинъ Великій, въ 523—525 году, побѣдивъ Сарматъ, заложилъ въ нижней Мизіи, въ предѣлахъ померанской Булгаріи, города *Переяславу* (Переяславъ), *Дистру* (Силистру), *Плискуку* и, на мѣстѣ *Томе*, *Овидіевой ссылки*, *Констанцію*, называемую Турками *Кюстенжи*.—» Изъ предыдущей выписки видно, что Г. Бутковъ даетъ мѣсто Преславѣ Дунайской въ нынѣшнемъ Руцукѣ.

(⁵⁰) Карамзинъ I. 179.—Арцыбашевъ, I. 37. Несторъ. 29.

(⁵¹) См. выше, въ пр. 49, выписка изъ Нестора.

(⁵²) Карамзинъ. I. 180. Арцыбашевъ. I. 37—38. Чертковъ. 33—34, 37, 42—43.

(⁵³) Карамзинъ. I. 180—182.—Арцыбашевъ. I, 38.—Чертковъ. 39, 43, 193 пр, 68, 213.—У Карамзина, у Арцыбашева, а также у Зоноры и Кедрина, упоминаемыхъ выше, въ пр. 13, подъ лит. з и к, въ числѣ Святославова войска, сверхъ Русскихъ, Булгаръ и Венгровъ показаны еще Печенѣги, но Г. Чертковъ основательно отвергаетъ ихъ, говоря (стр. 195 пр. 72): «О Печенѣгахъ, подъ Адрианополемъ, въ числѣ Святославова войска, нѣтъ и помину у Льва Діакона. Кедринъ и Зонара прибавили ихъ, вѣроятно для увеличенія количества

непріятеля, и для составленія полнаго числа 300 т., которое они назначили у Руссовъ, въ этомъ сраженіи.

(⁸⁴) Чертковъ 47—52, 56—58, 61, 216—222, 228.

(⁸⁵) Карамзинъ. I. 185—Арцыбашевъ. I. 39.—Чертковъ. 60—68, 70—71, 76, 223, 227.

(⁸⁶) Карамзинъ. I. 185—186.—Арцыбашевъ. I. 39—40.—Чертковъ. 68—70, 74—76, 229—232.

(⁸⁷) Карамзинъ. I. 186—188.—Арцыбашевъ. I. 40—41.—Чертковъ. 81—87, 93—98, 232—239.—Полную рѣчь Святослава Несторъ (стр. 30) приводитъ слѣдующими словами: «уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не пострашимъ землѣ Русскіѣ, но ляжемъ костями, мертвыи бо срама не имамъ, аще ни побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станимъ крѣпко; азъ же предъ воина поиду, аще глава моя ляжетъ, то промыслите собою.»—Карамзинъ (I. 181, 182 и пр. 408) относитъ эту рѣчь къ тому времени, когда Святославъ дѣйствовалъ противъ Грековъ за Балканами, и даже опредѣляетъ, что она была сказана подъ Адрианополемъ. Гораздо достовѣрнѣе, что это было въ Даростанѣ, передъ послѣднею отчаянною битвою съ Греками, битвою на «быть или не быть», какъ находимъ у Арцыбашева (I. 41 и примѣч. 170) и у Устрялова (I. 46.) У Нестора, по случаю большаго пропуска въ описаніи событій 970—971 годовъ время произнесенія этой рѣчи опредѣлено весьма неясно, о чемъ см. у Чертова стр. 76—77, 103. Тамъ же на стр. 205, приведенъ переводъ Святославовой рѣчи изъ повѣствованія Льва Діакона, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ, то лишимся славы, всегда сопровождавшей наше оружіе, которое до сихъ поръ легко побѣждало всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ и покоряло Русской власти, безъ кровопролитія, обширныя страны. Вотъ почему, намъ, представителямъ обычной храбрости нашихъ предковъ должно еще разъ отчаянно вступить въ бой за нашу жизнь, съ тою мыслію, что Руссы до сихъ поръ всегда были непобѣдимы. Мы не привыкли спасаться бѣгствомъ въ отечество, но возвращаться побѣдителями, или умереть со славою, совершивъ подвиги достойные храбрыхъ людей.»

(⁸⁸) Несторъ I. 30—31.—Карамзинъ. I. 188—192.—Арцыбашевъ. I. 41—44.—Чертковъ. 88—92, 96—102, 239—242. Въ послѣднемъ изъ сихъ соглашеній (стр. 91) приведенъ слѣдующій рассказъ очевидца, Льва Діакона: «Когда миръ былъ заключенъ, то Святославъ желалъ имѣть свиданіе и говорить съ Императоромъ. Іоаннъ на это согласился, и въ вызолоченныхъ доспѣхахъ, возсѣвъ на коня, прибылъ къ берегу Истра: за нимъ слѣдовалъ многочисленной отрядъ вооруженныхъ всадниковъ въ блестящихъ, золотомъ покрытыхъ, одеждахъ.

Тогда увидѣли Святослава, плывшаго по Истру, въ Скиѣской лодѣ, и дѣйствовашаго весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста и его нельзя было назвать ни очень высокимъ, ни слишкомъ малымъ. Онъ имѣлъ плоскій носъ, глаза голубые съ густыми бровями, мало волосъ на бородѣ и длинные косматые усы. Всѣ волосы на его головѣ были выстрижены, кромѣ одного локона, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ: это означало знатность его рода. Шея его была плотная, грудь широкая, и всѣ прочіе члены весьма стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирѣпое. Въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная карбункуломъ и по обѣимъ сторонамъ, двумя жемчужинами. Бѣлая его одежда ничѣмъ другимъ не отличалась отъ прочихъ Скиѣовъ, кромѣ чистоты ея. Не вставая съ лавки своей ладьи, Святославъ говорилъ недолго съ Императоромъ о мирѣ и отправился назадъ.»

(⁵⁹) *Бутковъ. 290:* «Печенѣги занимали кочевьемъ своимъ все пространство степей отъ рѣкъ Сулы и Рси на Востокъ до Дона, на западъ до Дуная, на югъ до Азовскаго моря, горъ Таврическихъ, береговъ Черноморскихъ, а на Сѣверъ до Донца.»—*Чертковъ. 192—193:* «Печенѣги пришли въ Европейскую часть Россіи въ исходѣ IX вѣка и весь X сильно господствовали въ нашихъ южныхъ степяхъ. Во время Константина Порфиророднаго и по его словамъ (слѣдовательно въ описываемую эпоху), Печенѣги занимали обширную область, которая начиналась, на востокѣ, отъ праваго берега Дона и Саркела, Хазарской крѣпости, и простиралась до впаденія Прута въ Дунай. Съ южной стороны, земли Печенѣговъ доходили до Чернаго моря, Херсони, принадлежавшей Грекамъ, и Воспора Пантикапейскаго; съ сѣвера они граничили съ Русью. Эту послѣднюю границу можно провести отъ вершинъ Прута и Днѣстра, мимо Роса (впадающаго въ Днѣпръ, въ 50 верстахъ, ниже Витичева), вверхъ по Сулѣ и черезъ источники Остра, вдоль по Семи (на югъ отъ Курска, который построенъ въ 1032 году), и потомъ отъ народа Вятичей до Дона Печенѣги дѣлились на восемь ордъ или областей и каждая изъ послѣднихъ еще на сорокъ частей, или улусовъ. Четыре орды кочевали по западную и другія четыре по восточную сторону Днѣпра. Слѣдовательно все теченіе этой рѣки, начиная отъ Витичева, или впаденія Роса, до Чернаго моря, находилось во владѣніи Печенѣговъ.

(⁶⁰) *Несторъ. 31.* «Стваривъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отецъ Свѣидель: и поиди, княже, на конихъ около, стоятъ бо Печенѣги въ порозѣхъ.» И не послуша его, поиде въ лодяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгамъ, глаголюще: «се идетъ вы Святославъ въ Русь, возьмѣ имѣнье у Грекъ и полонъ безчисленъ, съ малыми дружины.»

Слышавше же се Печенѣзи, заступиша пороги и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лѣзѣ проити порогъ; и ста зимовати въ Бѣлобережьи, не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча и зимова и Святославъ ту. Веснѣ же при-сѣвъши. Въ лѣто 6480 (972), поиде Святославъ въ пороги, и нападе на нь Куря князь Печенѣжскій, и убиша Святослава. Взяша главу его и во лѣбъ его сѣдѣлаша чашю, оковавше лѣбъ его, и пяху по немъ, Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку.—*«Чертковъ. 92 (по Лѣву Діакону): «Святославъ, оставя Доростоль и возвратя, по условію, плѣнныхъ, посадилъ своихъ воиновъ въ лодьи и поплылъ, Истромъ (Дунаемъ), въ свое отечество. Но Печенѣги, многочисленный, впеядный и кочевый народъ, живущій въ кибиткахъ, ожидали въ засадахъ Руссовъ, плывшихъ мимо ихъ степень, убили Святослава и большую часть его сподвижниковъ, такъ что весьма мало ихъ возвратилось домой.—Тамъ же 102 и 103 (по Кедрину и Зоноръ): «Послѣ заключенія мира Святославъ желалъ имѣть свиданіе съ Императоромъ, который на это согласился, и они сѣхались для бесѣды; потомъ Святославъ возвратился къ войску. Императоръ, по егоже просьбѣ, послалъ къ Печенѣгамъ съ предложеніемъ быть имъ въ союзѣ съ Римлянами, не переходить черезъ Истръ, не разорять Болгаріи и позволить Руссамъ проити черезъ ихъ землю въ свое отечество. Теофилъ Архіепископъ Эвхаитскій, былъ отправленъ съ этими предложеніями къ Печенѣгамъ. Они согласились на всѣ условія Іоанновы, кромѣ только пропуска Руссовъ черезъ ихъ землю. Когда Руссы отправились въ отечество, на своихъ лодьяхъ, тогда Императоръ приказалъ укрѣпить города и пр..... Что касается до Святослава, то Печенѣги, когда онъ проходилъ чрезъ ихъ землю, сѣдѣлали засаду, напали на него и предали смерти, какъ самого Святослава, такъ и всѣхъ съ нимъ бывшихъ воиновъ. Печенѣги ожесточены были на Руссовъ за то, что они заключили миръ съ Римлянами.—Мы держались разсказа Нестора, полагая, что обстоятельства возврата Святослава въ отечество и бѣдственной его кончины, ближе были извѣстны Нестору, нежели чужеземцамъ. См. также Карамзина. I. 192—194.—Арцыбашева. I. 43—44 и Черткова. 243—245.*

Изъ приведенныхъ здѣсь словъ Нестора видно, что Святославъ, съ своимъ флотомъ, зимовалъ въ *Бѣлобережьи*. Писатели до сихъ поръ не изслѣдовали съ точностію, гдѣ оно находилось. Въ договорѣ Игоря съ Греками (Несторъ, 22), между прочимъ говорится: «Да неимѣють власти Русы зимовати въ *вустии Днѣпра, Бѣлзбережи*, и у святаго Ельферья (нынѣ островъ Березань, близъ Очакова): но егда придетъ осень да идутъ въ домы своя въ Русь.» По смыс-

ду этихъ словъ Карамзинъ опредѣляетъ мѣсто Бѣлобережью въ устьѣ Днѣпра. Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ (стр. 21) сказано: «и прииде Святославъ къ порогомъ, и видѣвъ нелзѣ протити; а битися съ Печенѣги нехѣмъ, и возвратися вспять до устья Днепрскаго, и ста зимовати въ лузѣ морѣ, на Белѣ берегу.» Вотъ что говоритъ г. Чертковъ (стр. 209 прим. 99): «Мы въ скоромъ времени представимъ, въ особомъ разсужденіи, наше мнѣніе о мѣстѣ, гдѣ, должно искать «Бѣлобережье» Несторово; ибо все, что до сихъ поръ было писано о семъ предметѣ, ни мало не удовлетворяетъ нашего любопытства и несходно съ другими обстоятельствами, при которыхъ упоминается Бѣлобережье въ нашихъ лѣтописяхъ.»—Тамъ же въ прим. 100, сочинитель говоритъ: «Лѣтъ тридцать тому назадъ, писалъ ко мнѣ покойный А. Н. Оленинъ, «попался въ рыбацѣй неводѣ, въ Днѣпровскихъ порогахъ, серебряный сосудъ съ Греческою надписью; въ немъ найдены были монеты Византійскихъ Императоровъ: Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія и мѣдный стланный ключъ.» Все это предполагалось изобразить въ «древностяхъ Россійскаго Государства,» которыя приготавлилъ къ изданію покойный президентъ Академіи Художествъ, и можетъ служить новымъ и живымъ доказательствомъ, что Святославъ, съ войсками своими, погибъ въ Днѣпровскихъ порогахъ: иначе какимъ образомъ могли бы попасть въ эти путины именно монеты Никифора и Цимисхія, двухъ Цареградскихъ владыкъ, воевавшихъ съ нашимъ великимъ княземъ? Также и серебряный сосудъ есть конечно одна изъ добычъ нашихъ Руссовъ, отправившихся обратно во свояси «вземъ имѣніе много у Грекъ и полонъ безчисленъ», какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ.

(⁶¹) Чертковъ. 246—247—250.

(⁶²) Тамъ же.

(⁶³) Тамъ же. 156—171—178.

(⁶⁴) См. выше пр. 25.

(⁶⁵) Тамъ же.

(⁶⁶) Чертковъ. 172. Его ссылка на: *Toussain-Richebourg. Essai sur l'histoire de la Neustrie ou Normandie I. 36—37* и *Depping, Histoire des expéditions des Normands. I 127—131.*

(⁶⁷) Чертковъ. 172. Его ссылка на: *Depping I. 127—131.*

(⁶⁸) Чертковъ. 173—174. Его ссылка на *Toussain-Richebourg I. 49* и *Depping I. 138—139.*

(⁶⁹) Чертковъ. 175. Его ссылка на: *Des Michels, Histoire du moyen âge. II. 457* и *Depping I. 164—167.*

(⁷⁰) Чертковъ. 175. Его ссылка на: *Depping I. 196—197.*

(⁷¹) Чертковъ. 176. Его ссылка на *Depping I. 179.*

(⁷²) Чертковъ 177: Его ссылка на *Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre I. 135—136.*

(⁷³) Чертковъ 177. Его ссылка на *Thierry I. 136—137.*

(⁷⁴) Чертковъ. 170, въ примѣчаніи: «*Depping* говоритъ, что на судахъ Норманскихъ помѣщалось не болѣе 20, а иногда только 8 человекъ, См. *Histoire des expéditions des Normands I. 198 и. 11. 20.—Remi de Tescamp donna au duc de Normandie pour son expedition en Angleterre, un vaisseau et 20 hommes.*» *Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre, I. 285.*—Малыя суда имѣли одного кормчаго, 12 человекъ гребцовъ; во время продолжительнаго плаванія эти суда вытаскивали всякой вечеръ на берегъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ располагались на ночлегъ. Большія лодки, называемыя *Snekka* (земля), имѣли до 20 гребцовъ и употреблялись предпочтительно для морскихъ сраженій, но и на этихъ весьма мало помѣщалось сѣстныхъ припасовъ; по сей причинѣ должно было выходить на берегъ и добывать мечемъ сѣстные припасы. Обыкновеніе продовольствовать себя такимъ образомъ, на счетъ несчастныхъ прибрежныхъ жителей, вошло скорѣ въ обычай на всемъ сѣверѣ, и его можно сравнить съ нынѣшнею обязанностію кормить даромъ солдатъ, проходящихъ черезъ селенія, во время войны. У Норманновъ это называлось *Strandhug*. *Depping I. 71.*—Въ 1806 году найдена была Норманская лодка подъ пескомъ, покрывающимъ дно Сены. Эта лодка была отрубкомъ выдолбленнаго дерева, безъ желѣза, и могла помѣстить 8 человекъ съ ихъ сѣстными припасами (*Mongez. Sur la manière de naviguer des Normands et sur un bateau déterré à Paris. Mémoires de l'académie Royale des inscrip. et bel. lettres. T. V. 1821.*)

(⁷⁵) Чертковъ, 174. «Во второй половинѣ IX вѣка, Норманны, на 50 судахъ, вошли въ Сену: съ этихъ лодокъ два отряда, составлявшіе всего 700 человекъ, отправились на берегъ грабить жителей. Полагая 700 человекъ на 50 судовъ, приходится на каждое по 14 человекъ, но конечно всѣ Норманны, плывшіе по Сенѣ, не могли покинуть своихъ лодокъ безъ прикрытія; а потому можно, кажется, допустить, что на каждомъ суднѣ было по 20 человекъ. Если при каждой лодкѣ осталось для охраненія по 3 человека, то всего было на 50 судахъ 850 человекъ.

(⁷⁶) *Несторъ 46—54.—Карамзинъ. I. 213—219.—Арцыбашевъ, I. 49—51.*

(⁷⁷) *Устряловъ. I. 53.*

(⁷⁸) Первый походъ Аскольда и Дира къ Константинополю былъ въ 866 году; походъ Владиміра къ Корсуни въ 988.

(⁷⁹) *Карамзинъ. II. 29 и 30.—Лимнъ есть нынѣшній Лемсонъ.*

(⁸⁰) Тамъ же. прим. 37: Фунтъ Византійскій состоялъ изъ 72 золотниковъ.

(⁸¹) Триремы, какъ называли ихъ Греки. См. ниже прим. 83 лист. 6.

(⁸²) Карамзинъ. II. 30—33.

(⁸³) Для сравненія приводимъ двѣ слѣдующія выписки:

а) *Несторъ*. 66—67: «Въ лѣто 6551 (1043). Посла Ярославъ сына своего Володимира на Грькы. и вла ему вой многъ, а воеводство поручи Вышатъ, отцю Яневу. И поиде Володимеръ въ лодяхъ, и придоша въ Дунай поидоша ко Царюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси, и князь корабль разби вѣтръ, и взя князя въ корабль Иванъ Творимиричъ, воевода Ярославль. Прочіи же вой Володимири ввержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотяче поити въ Русь, и не иде съ ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: «азъ поиду съ ними и высѣде изъ корабля къ нимъ рекъ: аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною, «и поидоша хотяче въ Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избиле море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ по Руси олядій (лодей) 14; Володимеръ же видѣвъ съ дружиною, яко идутъ по нихъ въспятивъся изби оляди Гречьскыя, и взвратися въ Русь, ссѣдѣвъшея въ кораблѣ своѣ. Вышату же яша съ изверженными на брегъ, и приведоша я Царюграду, и слѣпиша Руси много; по трехъ же лѣтъхъ миру бывшую, пущень бысть Вышата въ Русь къ Ярославу».

(б) *Muralt. Essai de Chronologie Byzantine S. P. B. 1855. 627*: «1043 Juin. Vladimir, accompagné de 100,000 hommes recrutés en partie dans les îles de l'océan arctique et portés sur des monoxyles, arrive pour venger la mort d'un noble Scythe, qui avait été tué dans une querelle survenue après de longues années d'un commerce pacifique et où se trouvaient engagés des marchands Scythes.—Les envoyés de l'Empereur ayant été traités ignominieusement, bien que chargés d'offrir toutes les réparations possibles, Constantin fait incarcérer les marchands et les soldats Scythes, qui se trouvent à Constantinople et au Phare. — L'Empereur part avec des trières et des vaisseaux de transport pour attaquer la flotte ennemie, tandis qu'une cavalerie nombreuse prenait la route de terre. Les Russes exigent pourtant trois pièces d'or pour chacun d'eux, bien qu'ils n'osent pas sortir du port. Vers le soir Basile Théodorocane envoyé contre eux avec trois trirèmes, brule sept de leurs canots, en coule à fond trois et en prend un. Le reste de la flotte, à l'approche des vaisseaux de l'Empereur, se disperse et se jette au milieu des ecueils; ceux qui parviennent à gagner la terre, sont tués par les soldats, et l'on compta plus tard 15000 cadavres». Jd. 688: «Juillet. L'Empereur retourna trois jours après à Constantinople, laissant pour garder les côtes les deux légions et les alliés sous le commandement de Nicolas et de Théodoro-

cane; 24 vaisseaux qui poursuivaient les ennemis, sont pris ou détruits par eux.—Varna. Le reste de l'armée Russe, qui s'en retournait par terre et par mer, est battu par Catacalou Vestas, dit Ambustus, gouverneur du bas Danube, qui envoie 800 prisonniers à Constantinople. Le même les avait attaqués déjà lors de leur arrivée et forcés à regagner leurs navires.»

См. также *Арцыбашева*. II. 20—21.—Въ этомъ же сочиненіи (II. 64) говорится о неудачныхъ дѣйствіяхъ Русскихъ на берегахъ Дуная въ 1116 году при Великомъ князѣ Владимірѣ Мономахѣ: «Князь Великій Володиміръ посла Іоанна Войтишича и посажа Посадники по Дунаю..... Тогожъ лѣта ходи Вячеславъ (сынъ Владиміра) на Дунай съ Оомою Ратиборичемъ и пришелъ къ Дерстру и не успѣвъше ничтоже воротишася.» Не имѣя достаточныхъ свѣденій объ этомъ обстоятельстве, тѣмъ болѣе, что главнѣйшія наши лѣтописи не говорятъ о немъ, мы также не включали его въ нашъ текстъ.

(⁸⁴) *Мопохула*—какъ сказано у Константина Багрянороднаго. См. *Карамзина*. I. 242.—*Арцыбашева*. I. 65, прим. CXV и II. 10 пр. 103.

(⁸⁵) *Энциклопедическій Лексиконъ*. X. 464: «Витичевъ, нѣкогда городъ Кіевскаго Княжества, нынѣ мѣстечко, въ 50 верстахъ ниже Кіева, на правой сторонѣ Днѣпра. *Stuckenberg. Hydrographie des Russischen Reichs*.

(⁸⁶) Смотри ниже пр. 91 о порогахъ.

(⁸⁷) *Чертковъ*. 180.

(⁸⁸) Тамъ же и *Арцыбашевъ* I. 66, прим. CXXI.

(⁸⁹) Тамъ же 181—182.

(⁹⁰) *Несторъ* 3: «А Днѣпръ втечетъ въ Понетское море жереломъ, еже море словеть Руское.» *Бутаковъ*. 94—*Färhn*. 27—29, 193, 235, 236.

(⁹¹) О плаваніи Русскихъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ см. *Карамзина*, I. 241—243.—*Черткова*, 178—182.—*Буткова*, 152. *Muralt* 522. *Арцыбашева*, I. 14—15, прим. 54 стр. 65—67 и, въ особенности *Лерберга*, *Исслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи*. С. П. Б. 1819. стр. 265—320. Кромѣ этихъ пяти сочиненій, о Днѣпровскихъ порогахъ можно еще читать: въ «*Книгѣ большаго чертежа*,» 100—101; въ «*Description d'Ukraine par le S. de Beauplan. Paris. 1661*» р. 19—22; въ *Hydrographie des Russischen Reichs. von J. Ch-Stuckenberg*.—(см. выше, пр. 85). III. 229—231, 232, 254, 253—258; въ «*Горномъ журналѣ*. 1843 Ч. I. № 1. стр. 119; въ «*Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*. 1847. Ч. XVII. 305—312; въ «*Приказъ Главноуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями*, отъ 30-го Сентября 1846 года, № 186, и въ друг.

(⁹²) *Несторъ*, 13: «И рече Олегъ: «сшійте пре паволочиты Руси, а Словеномъ кропійныя.

(⁹³) *Несторъ*, 66: «И поиде Володимеръ въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай, поидоша ко Царюграду, и бысть буря велика и разби корабли Руси.»

(⁹⁴) *Карамзинъ*, I. прим. 508.

(⁹⁵) *Несторъ*, 18: «Иде Игорь на Греки; яко послаше Болгаре вѣсть ко Царю, яко идуть Русь на Царьградъ скарѣи 10 тысящъ.» О словѣ скарѣи или скарѣи, см. *Сынъ Отечества*. 1814. № 2. стр. 49—61.

(⁹⁶) *Бутковъ*, 94.

(⁹⁷) *Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи*. Томъ I. С. П. Б. 1836. *Путешествіе въ Тану Исафата Барбаро*, стр. 57.

(⁹⁸) По расчету, что на 500 судахъ было 50 т. чел.

(⁹⁹) *Продолженіе первой Софійской лѣтописи*. Прибавленія стр. 65: «Аще лодію украдетъ, то 60 кунъ продажи, а лодію лицемъ воротити; а не будетъ ли лицемъ, то за заморскую лодію 3 гривны, а за набойную лодію 2 гривны, а за стругъ гривна, а за челнъ 8 кунъ.»

(¹⁰⁰) *Несторъ*, 142—143: «Изяславу же блюдущую и недадущую вбрати въ Днѣпръ, бяхуться межи собою, вѣдаяче въ лодьяхъ; не могли же имъ что успѣти противу Кыеву бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодѣ дивно: бѣша бо въ нихъ гребци гребуть невидимо, токмо весла видѣти, а человекъ бѣше не видѣти, бяхуть бо лодѣ покрыты досками, бяхуть же борцы стояще горѣ во броняхъ и стреляюще, а кормника 2 бѣста, одинъ на кормѣ, другой на носѣ, и аможе хотяхуть тамо поидяхуть, необращающа лодьями.»

(¹⁰¹) *Арцыбашевъ* II. 73.

(¹⁰²) *Карамзинъ*, II. 198.—*Арцыбашевъ*, II. 85.—*Первая Новгородская лѣтопись*. 9.

(¹⁰³) *Карамзинъ*, III. 207.

(¹⁰⁴) *Тамъ же*. 207.—*Бутковъ*, 154. — *Лербергъ*, *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1839. Ч. XXII. Отд. II. 4.

(¹⁰⁵) *Карамзинъ*, III. 208 и прим. 244.

(¹⁰⁶) *Тамъ же*. 208. — *Бутковъ*, 152 и 386 пр. 343 (его ссылки). — *Bullettin Scientifique, publié par l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersbourg*. IX. 1842 p. 301—332.

(¹⁰⁷) *Карамзинъ*, III. 208—209. — *Лербергъ*. 111. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1839. XX. Отд. II. 4 и сл.—См. также *Арцыбашева*, II. 368—369 и прим. CXLVII, CLI и III. 232—233.

(¹⁰⁸) *Карамзинъ*, I. 37—38.

(¹⁰⁹) *Тамъ же*. II. 43—45.—О дани, платимой Новгородцамъ Печерскимъ краемъ. см. у *Нестора*, ниже, въ пр. 111, а о Югории или Югрии у *Лерберга*. 3—82.

(¹¹⁰) *Несторъ*. 107: «Се же хощю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя

сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедши отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядію на полунощныхъ странахъ.»

(¹¹¹) Карамзинъ, II. прим. 61.—Лербергъ 175—177, 180—184.

(¹¹²) Карамзинъ, II. 44 и прим. 64.—Двинскій лѣтописецъ (Древняя Россійская Вивлювика. М. 1791. XVIII) 1 и слѣд.

(¹¹³) Тамъ же.

(¹¹⁴) Карамзинъ, III. 33—35.—Арцыбашевъ II. 225—227.

(¹¹⁵) Карамзинъ, IV. 94. Пермь и Вологда въ первый разъ упоминаются въ приведенной на этой стран. грамотѣ.

(¹¹⁶) Бутковъ, 181.—Frähn. 173, 227 и сл.

(¹¹⁷) Арцыбашевъ, I. 14, прим. 50 и III. 3, пр. 21.

(¹¹⁸) Карамзинъ, II. 44.

(¹¹⁹) Карамзинъ II. прим. 62.—Литке. Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый Океанъ. С. П. Б. 1828. I. 65.—Акты Археографической Коммисіи. С. П. Б. 1836. I. 384: «Съ Москвы въ Поморье на Мурманское море, до усть Колы.»

(¹²⁰) Арханг. Лѣтоп. 172—173: «Въ лѣто 7004 (1496) а ходиши съ Двины моремъ Акіаномъ, да черезъ Мурманскій носъ.»—Тамъ же 173: «Въ лѣто 7005..... пришли на Двину около Свѣйскаго королевства, и около Мурманскаго носу моремъ Акіаномъ, мимо Соловецкой монастырь на Двину.»

(¹²¹) Stuckenberg. Hydr. II. 130.—Литке, I. 142.

(¹²²) Stuckenberg, II. 17.—Мурмонскимъ всегда называютъ Лапландской берегъ Поморцы, т. е. жители деревень между Онегою и Кемью (см. Записки Гидрографическаго Депо. V. С. П. Б. 1837, стр. 112 прим. внизу, и стр. 114).

(¹²³) Карамзинъ III. 210.

(¹²⁴) Тамъ же, IV. прим. 160.—Акты Археогр. Комм. I. 365.

(¹²⁵) Чулкова, Историческое описаніе Россійской Коммерціи. С. П. Б. 1781. Т. I. Кн. I. 107—108. На послѣдней изъ сихъ страницъ, въ послѣдней ея строкѣ, надъ примѣчаніемъ, вмѣсто рѣки Камы должно читать Немъ, какъ объясняетъ Stuckenberg. Hydr. II. 2. 190. 191. V. 569.

(¹²⁶) Чулковъ, Т. I. Кн. I. 104—105. Здѣсь, на стр. 108 и 109, приведенъ слѣдующій любопытный рассказъ: «Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ рѣкъ, составляющихъ сообщеніе между рѣками Камою и Печорою, самыя затруднительныя суть Еловка и Вогулка. Осенью и лѣтомъ бывають онѣ столь мелки, что едва въ ненагруженной лодкѣ по нихъ проплыть возможно; но собственная корысть научила пловцовъ преодолевать сіи препятствія. Они, плывучи съ су-

дами, полнымъ грузомъ нагруженными, употребляли въ такомъ случаѣ, что и нынѣ дѣлають, нижеслѣдующій способъ. Приплывъ ко онымъ источникамъ въ сухое лѣто, вколачивали по обоимъ берегамъ толстыя деревянныя сваи, къ коимъ привязывали парусы съ своихъ судовъ, прицѣпляя къ нижней части оныхъ камня, дабы они могли погрузиться ко дну источниковъ. А чтобъ способнѣе удержать стремленіе сихъ водъ, то бросали на дно довольное число дерну и хворосту. Сей способъ составлялъ нѣкое подобіе плотины; ибо чрезъ нѣсколько времени вода, не находя себѣ протоковъ и будучи ограждена утвержденными парусами, скопившись въ одномѣсто, умножала рѣчную глубину.—Когда пловцы усмотрягъ, что прудъ наполненъ довольномъ числомъ воды, тогда снявъ ко дну утвержденные парусы, ее спускали, и вмѣстѣ съ стремленіемъ спущенныхъ водъ плыли ихъ суда до тѣхъ поръ, пока рѣчка не оскудѣетъ опять водою.—Такого затруднительнаго пути плывущіе находили по рѣкѣ Еловкѣ шесть, да по Вогулкѣ пятнадцать верстъ; а потому обыкновенно соединялись нѣсколько судовъ вмѣстѣ, дабы случающіяся препятствія отвращать общими силами. Суда употреблялись тамо, какъ и нынѣ употребляются, коюки или какючки и брусеники.—Таковое средство поднимать въ рѣкахъ воду употреблено было и Ермакомъ, при начальныхъ предпріятіяхъ его къ завоеванію Сибири, когда онъ возвращался изъ рѣки, называемой Межевою Уткою, въ рѣку Серебрянку. А. г. Профессоръ Фишеръ подтверждаетъ, что оное средство и не очень давно употреблено было (*Сибир. Истор. стр. 119*) съ добрымъ успѣхомъ.

(¹²⁷) *Stuckenberg, Hydr. II. 268—278.—Литке, I. 43.*

(¹²⁸) *Литке, I. 13—14.*

(¹²⁹) *Тамъ же, 19, 32, 33, 43 и 59.*

(¹³⁰) *Записки Гидрогр. Дено. V. 124—125:* Коляне и Поморцы (см. выше пр. 123), и почти всѣ прибрежные жители Архангельской губерніи, привычны къ морю, бойки и смѣлы въ матроскомъ дѣлѣ. Въ торговыхъ оборотахъ смѣтливы и честны; разумѣется не безъ исключенія, которое однакожъ очень не велико. Плаваніе ихъ простирается большею частію около береговъ, не рѣдко въ Норвегію до Бергена. Жители городовъ Архангельска, Мезени и нѣкоторыхъ селеній Поморья, предпринимають путешествія на Шпицбергенъ (по тамошнему *Груманъ*), и, съ нынѣшняго (1833) года, возобновили плаванія свои къ Новой землѣ, за промысломъ моржей. Коляне въ этихъ походахъ не участвуютъ. На промышленничьихъ нашихъ судахъ хотя и нѣтъ строгой дисциплины, однако управленіе принадлежитъ одному кормщику, который, какъ полный хозяинъ, отвѣчаетъ за безопасность судна. Между кормщиками есть отважные

моряки, но ни одного знающаго науку мореплаванія. Путеводитель ихъ память и наглядность вида береговъ; въ открытомъ морѣ компасъ самаго плохаго устройства, показываетъ имъ путь на переваль къ берегу. Нельзя однако не удивляться необыкновенной памяти и соображенію этихъ людей; мнѣ случалось видѣть Поморцевъ, незнающихъ читать, которые при первомъ взглядѣ на морскую карту, тотчасъ показывали на ней каждое становище, въ которомъ случалось имъ бывать. Наизусть помнятъ они румбъ и разстояніе между примѣтными мѣстами. Многие имѣютъ рукописныя лоціи и карты, самими ими, или опытнѣйшими кормщиками, составленныя изъ памяти. На Груманъ лады переваливаются отъ Семи острововъ или отъ Вардэгуза; на Новую землю, также отъ Семи острововъ, или отъ мыса Орлова, идутъ мимо мыса Канина. Въ этихъ дальнихъ плаваніяхъ, встрѣчая противный вѣтеръ, лоды теряютъ счисленіе, и не въ силахъ будучи бороться съ бурей, спускаются на угадъ къ берегу; но это не всегда проходитъ счастливо. Наука мореплаванія и лучшая постройка и вооруженіе судовъ, могли бы отвратить многія крушенія этихъ отважныхъ аргонавтовъ. Съ недавняго времени начали они привыкать къ употребленію морскихъ картъ, и охотно слушаютъ о кораблевожденіи и вооруженіи судовъ».

(¹³¹) Литке. I. 76—77.—Чулковъ, Т. I. Кн. I. 97—99.

(¹³²) Карамзинъ. III, 85 и прим. 85.—Лербергъ, 109. Трое сутокъ въ Новгородъ. С. Пб. 1842 ст. 21.

(¹³³) Карамзинъ. III. пр. 85.—Лербергъ 110.

(¹³⁴) Арцыбашевъ. II. 267.—Лербергъ, 110—111.

(¹³⁵) Карамзинъ. III. 236—237 и 239.—Арцыбашевъ, II. 317 и 319.—*Ипатьевская лѣтопись* (Полибе Собрание Русскихъ лѣтописей, Т. II.) 164: «Галичкыя придоша по Днѣпру и воидоша въ море; бѣ бо лодій тысяща, и воидоша во Днѣпръ и взведоша пороги и сташа у рѣки Харътицѣ на броду у Протолчи». *Первая Софійская лѣт.* 172 — 173: «Тогда же Князь Мстиславъ Галичскій.... за Днѣпръ на множествѣ лодей,.... а выгонцѣ Галичскыя прѣхаша въ лодьяхъ по Днѣстру, и выидоша въ море». *Никон. лѣт.* II. 551: «и Галичане влодіяхъ по Днѣпру (должно быть Днѣстру) въ море: бѣ бо ихъ вѣще двою тысящъ людей, пакижъ изъ моря выидоша въ Днѣпръ, и возставиша пороги, и проидоша крѣкѣ Хортице на бродъ на Протолчивое». Здѣсь несогласно съ другими лѣтописями, показано 2 т. людей, и самое событіе вмѣсто 1224, отнесено къ 1225 году. Протолочій бродъ или бродъ у Протолчи, по мнѣнію Карамзина (II. пр. 200) было ничто иное какъ протоки Днѣпра, обтекающіе островъ Хортицу. См. также Арцыбашева. II. 58. прим. 347.

(¹³⁶) Карамзинъ. IV. 162—164. Арцыбашевъ, III. 69. Лербергъ, 147—148.—Первая Софійская лѣт. 203: «Въ лѣто 6808 (1300).... придоша изъ заморія Нѣмци Свѣйскыя въ силѣ велицѣ въ рѣку въ Неву, и приведоша съ собою мастера хитрыя, изъ великаго Рима и отъ папы мастера приведоша нарочиты, и поставиша городъ надъ Неввою на усть Охтѣ рѣкы, и утвердиша его твердостію несказанною и поставиша въ немъ пороки и похвалившесе окаяніи нарѣкоша его *Вънецъ Земли*; бѣ бо съ ними намѣстникъ королевъ, именемъ Ламаскалка, и посадиша въ немъ мужа нарочитыя съ воеводою ихъ Стенемъ, а сами отъидоша въ свою землю, князю же великому Андрѣю Александровичу не сущу тогда въ Новѣгородѣ. Въ лѣто 6809 (1301). Прииде великій князь Андрѣй Александровичъ въ Новѣгородъ со всею силою своею, и иде съ Новогородци къ городу тому, и приступиша къ нему мѣсяца Маія въ 18 день, на память святаго Патрикѣя, и начаша битися крѣпко; помощію же Божіею, и святыя Софіи и святою мученику Бориса и Глѣба, твердость та бысть ни вочтоже за высокоуміе ихъ, зане всеу трудишася безъ Божія повелѣнія; градъ ихъ взять бысть, овыхъ избиша, а иныхъ изсѣкоша, а иныхъ связавше ведоша изъ града, а градъ запалиша огнемъ, а гору раскопаша».—Почти тоже въ *Первой Новгородской лѣт.* 67—68.

(¹³⁷) Карамзинъ. IV. 173 и прим. 214.—Арцыбашевъ, III. 72.—Лербергъ. 148—151.—Первая Софійская лѣт. 205: Въ лѣто 6819 (1311)», Ходи князь Дмитрей Романовичъ съ Новогородци на Нѣмецкую землю, за море, на Емъ: и переѣхавше море первое взяша Купецкую рѣку, и села пожгоша и въ полонъ поимаша многихъ, и скоты посѣкоша; и потомъ взяша Черную рѣку и вси села по Черной рѣцѣ повоеваша, и придоша къ городу Ванаю, и городъ взяша и пожгоша; а Нѣмци вбѣгоша въ дѣтинець: бѣ градъ той крѣпокъ велми, на камени висоцѣ, не имѣя приступа никуды же; и прислаша Нѣмци съ поклономъ къ Новгородцемъ, просячи мира у нихъ, Новогородци же миру имъ не даша, и стояша у града того 3 дни и 3 нощи, волости ихъ воююще, и села великая ихъ пожгоша, и обиліе все потравиша, а скота не оставиша ничтоже; и потомъ взяша, идущи назадъ, рѣку Кавгелу и Черну рѣку, и выидоша на море, и придоша въ Новгородъ вси поздорову.—«*Первая Новгородская лѣт.* 69—70: Въ лѣто 6819 (1311) ходиша Новогородци воиною на Нѣмецкую землю, за море, на Емъ, съ княземъ Дмитріемъ Романовичемъ, и переѣхавше море взяша первое Купецкую рѣку, села пожгоша и головы поимаша, а скотъ изсѣкоша и ту убіенъ бысть Костянтинъ Ильинъ сынъ Станиславовича, въ загонѣ, потомъ взяша Черную рѣку всю и тако по Черной придоша къ городу Ванаю, и взяша

городъ и пожгоша, а Нѣмци възбѣгоша на дѣтинець, бѣше бо мѣсто велми сильно твердо, на камени висоцѣ, не имѣя приступа ни откуда же и сослаша съ поклономъ просяще мира, Новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великая пожгоша, обиліе все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ идуче, взяша Кавгалу рѣку и Перну рѣку. и выидоша на море, и придоша здорови вси въ Новгородъ». — Карамзинъ (IV. пр. 214) принимаетъ городъ Ванай за нынѣшій Біернеборгъ, Лербергъ (стр. 150), — за мѣстечко Ванё или Ваанё, по Фински Ваная. Замокъ (дѣтинець), упоминаемый въ приведенныхъ здѣсь двухъ выпискахъ изъ лѣтописей, по мнѣнію Лерберга есть замокъ Тавастбургъ, называемый также Кроноборгъ.

(¹³⁸) О рѣкѣ Кавгалѣ см. Арцыбашевъ, III. 72. прим. 533 и Лерберга, 150—156.

(¹³⁹) Арцыбашевъ. III. 75.—Лербергъ, 158—185. Первая Софійская лѣт. 207: Въ лѣто 6826 (1318). Ходиша Новгородци войною за море въ Полную рѣку, и много воеваша, и взяша городъ Людергвъ Сумьскаго мастера и бискупль, и придоша всеъ здорови.»—Первая Новгородская лѣт. 72: «Въ лѣто 6826 (1318) Ходиша Новгородци войною за море въ Полную рѣку, и много воеваша, и взяша Людеревъ, городъ Сумьскаго князя, и пискупль, и придоша въ Новгородъ вси здорови». — Лербергъ доказываетъ, что Полная рѣка есть переводъ Финскаго названія Аураіюки,—а Людеревымъ названъ Або.

(¹⁴⁰) Карамзинъ. IV. 199.—Арцыбашевъ. III. 81.—Лербергъ, 186.—Первая Софійская лѣт. 216: Въ лѣто 6831 (1323). Ходиша Новгородци съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ въ Неву, и поставиша городъ на усть Невы, на Орѣховомъ островѣ». «Первая Новгородская лѣт. «Въ лѣто 6831 (1323) Ходиша Новгородци, съ княземъ Юрьемъ: и поставиша городъ на усть Невы на ореховомъ островѣ». —Здѣсь подъ словомъ усть Невы, должно разумѣть истокъ Невы, гдѣ, какъ извѣстно, лежитъ Орѣховый островъ, на которомъ построень нынѣшній Шлиссельбургъ.

(¹⁴¹) Карамзинъ. IV. 199 и прим. 255.—Арцыбашевъ, III. 81.—Лербергъ, 188—190.—Первая Софійская лѣт. 216.—Первая Новгородская лѣт. 73.

(¹⁴²) Энциклоп. Лексик. XII. 116 и 115, статья Воты. Если, какъ тамъ приведено, составлявшая часть Новгородскихъ владѣній Вотская Пяттина, заключала въ себѣ, по южному берегу Финскаго залива, всю Ингерманландію, отдѣлявшуюся отъ Эстляндіи Наровою, то эта послѣдняя рѣка была пограничною.—Въ подтвержденіе этому вспомнимъ, что воздвигнутая въ исходѣ XV столѣтія, противъ

Нарвы, русская крѣпость Ивангородъ, была построена, на правомъ, Россіи принадлежавшемъ берегу Наровы.

(¹⁴³) Лербергъ. 93.

(¹⁴⁴) Тамъ же 124.

(¹⁴⁵) Тамъ же 132—135. 191.

(¹⁴⁶) Карамзинъ. IV. 264—263 прим. 262.—Арцыбашевъ, III. 100—101.—Первая Новгородская лѣт. 83—84.—Первая Софійская лѣт. 225—227.—Тамъ же, на стр. 227, помѣщено «рукописаніе Магнуша короля Свѣйскаго», вымышленная сказка о походѣ его въ Неву и въ Ладожское озеро. Въ этомъ «рукописаніи», между прочимъ, говорится, что Магнусъ, побуждаемый раскаяніемъ, постригся въ Спасопреображенскомъ монастырѣ, на островѣ Валаамѣ, чего никогда не было. Замѣчательно, что еще и понынѣ, близъ этой обители, въ роцѣ, показываютъ могилу Магнуса, между тѣмъ какъ извѣстно по исторіи, что онъ утонулъ въ Готландіи, у Бломмесгольма. См. Карамзина. IV. прим. 348.

(¹⁴⁷) Карамзинъ. 265—266.—Арцыбашевъ, III. 104. Первая Софійская лѣт. 226.

(¹⁴⁸) Карамзинъ III. прим. 248.—Энциклоп. Лексиконъ. IV. 204.

(¹⁴⁹) Двинскій лѣт. (Др. Росс. Вивл. XVIII), 6: «Въ лѣто 6920 (1412) году, Заволочане ходили войною на Мурманы по новгородскому велѣнью, Воеводою Яковъ Степановичъ, и повоеваша Мурманъ».—Тамъ же 7: «Въ лѣто 6927 (1419) года пришедше Мурманы войною 500 человекъ, съ моря въ бусахъ и въ шнякахъ, и повоеваша, въ Варгузѣ погостъ Корельскій и въ земли Заволоческыя погостъ въ Неноксѣ и Корельской монастырь святаго Николы и Онежской погостъ, Яковлю Курью, Андреяновской берегъ, Кегъ островъ, Княжь островъ, Архистратига Михаила монастырь, Цигломино, Хечемино, три церкви сожгли, а христіанъ и чернцовъ всѣхъ посѣкли. И Завологанѣ двѣ шняки Мурманъ избиша, а иніи убѣгоша на море». Объ этомъ нападеніи Норвежцевъ упоминается также: у Арцыбашева, III. 172, и въ первой Новгородской лѣт. 108—109.

(¹⁵⁰) Троицк. лѣт. (Карамзинъ. V. прим. 8): «Проидоша Волгой изъ Новгорода изъ Великаго 150 ушкуевъ Ноугородци разбойници ушкуйници, избиша Татаръ множество, Бесермень и Ормень въ Новѣгородѣ Нижнемъ, женъ и дѣтей, товаръ ихъ пограбиша, а съсуды ихъ, кербати и лоды и учаны и пабусы и струги, то все посѣкоша».—Никон. лѣт. IV. 12: «и суды ихъ вся изсекоша, и паузски и кербасы и лоды и учаны и мошаны и баѣты и струги».—Арханг. лѣт. $\frac{3}{166}$: «а Устюжане и Двиняни и Важане и Каргополяцы и Бѣлозерцы а Вологжане и Вычегжане и Вымичи и Сысоличы шли въ судьхъ».—Тамъ же $\frac{1}{123}$: «Вятчанежъ здумавше и кинувся скоро,

князя Александра и со княгиною поймавшие, и вмѣталися во княжіе суды». Тамъ же, 143: а царь Абреимъ скопиль много силы на Волзѣ въ судьхъ.... а Татаровѣ Волгу суды застали а великаго князя силы мало; и начашася битися на Волзѣ въ судьхъ... и билъ ихъ скачючи по судомъ ослопомъ, и многихъ Татаръ топили и съ суды, занеже Татаровѣ пойдуци на бой суды вязалися».—Въ жалованной грамотѣ Вел. Кн. Тверскаго Михаила Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю, около 1465 года (см. Акты Арх. лѣт. I. 57): что коли съ ихъ солью ходотъ повозокъ съ подъвозками, сквозѣ мою отчину Великое Княженіе, по Волзѣ, и выбѣ мои мытника.... съ тѣхъ судовъ, по сей моей грамотѣ Великаго князя, мыта и всѣхъ пошлинь и некоторыхъ не имали».—Въ царской жалованной грамотѣ тому же монастырю, отъ 25 Марта 1588 (см. Акты Арх. лѣт. I. 405): велѣно имъ и сылатъ въ Астрахань, по соль и по рыбу, для монастырскаго обоходу, въ дву судьхъ болшихъ а нашихъ пошлинь съ тѣхъ судовъ и съ соли ни въ которомъ городѣ имати не велѣно».

⁽¹⁵¹⁾ О путешествіяхъ Виллоби и Ченслера можно читать въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Hakluyt's, Collection of the early Voyages. Travels and Discoveries of the English Nation. London. 1809—1812. I. 259; Sammlung Russischer Geschichte, v. G. F. Müller. S. Petersb. 1732—1764 VII. 432 ff; Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden. v. J. K. Forster. Frankfurt an d. O. 1784 p. 315; S. Petesburger Journal.

Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый Океанъ, О. П. Литке. С. П. Б. I. 14—17; Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, XVIII. 230—234; Древн. Росс. Вивлювика. XVIII. 11—12; Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и др.

⁽¹⁵²⁾ О плаваніи Бурро см. Hakluyt. I. 507—512 и Литке I. 17—20.

⁽¹⁵³⁾ Карамзинъ, (X. 70) говоритъ, что Архангельскій городъ основанъ близъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь сего имени и дворъ купцовъ Англійскихъ,» и ссылается на Двинскій Лѣтописецъ (Древ. Росс. Вивл. XVIII), но тамъ на стран. 15, сказано: «Въ лѣто 7092 (1584) присланы съ Москвы на Двину Воеводы Петръ Афонасьевичъ Нащокинъ да Залѣшанинъ Никифоровъ сынъ Волоховъ. Оные Воеводы отъ морскаго устья за 30 верстъ, надъ Двиною рѣкою на Пуръ на Волокъ кругъ Архангельскаго монастыря, Архангельской городъ деревянной однимъ годомъ поставили.»—Царская грамота по этому предмету, отъ 4 Марта 1583 года, помѣщена въ Актахъ Археогр. Коммисіи I. 380. — Покойный Исторіографъ самъ противорѣчитъ своему показанію, приводя, въ прим. 53 того же тома, выписку изъ грамоты Б. О. Годунова отъ 1-го Генваря 7095 (1587) года, гдѣ читаемъ: «Также есмь ихъ (Англичанъ) пожаловали, двора

ихъ съ морскава пристанища, съ Пудожерскова устья, къ новому Архангельскому, городу, къ морскому пристанищу, переносити не велѣли, а приставати имъ по прежнему съ своими товары на тотъ свой дворъ.» Слѣловательно у Архангельскаго монастыря, ни въ то время, когда состоялась эта грамота, ни прежде, Англичане не имѣли своего торговаго двора. Считаемо необходимымъ пояснить еще одно обстоятельство. Въ текстѣ нашемъ, въ описаніи прибытія Ченслера въ Сѣверную Двину, сказано, что Англичане построили для себя торговый домъ близъ монастыря Св. Николая, въ Корельскомъ устьи, а въ грамотѣ Годунова говорится, что онъ существовалъ въ устьи Пудожерскомъ, — т. е. Пудожемскомъ. Тутъ не будетъ противорѣчія, если мы знаемъ, что первое изъ сихъ устей почти у самаго моря, только въ четырехъ верстахъ отдѣляется отъ втораго, и составляетъ какъ бы часть его.—Въ *краткой исторіи о городѣ Архангельскомъ, сочиненной В. Крестининымъ, С. П. Б. 1792,* и состоящей изъ вопросовъ и отвѣтовъ, на стр. 1 — 4, читаемо: *Вопр.* Гдѣ стоитъ городъ Архангельскъ? *Отв.* При рѣкѣ Двинѣ, по правой сторонѣ, въ 42 верстахъ отъ Бѣлаго моря. *Вопр.* Мѣсто, на которомъ стоитъ городъ Архангельскъ, какъ называлось въ старину прежде сего города? *Отв.* Пуръ Наволокъ. Разумѣется же подъ симъ собственнымъ именемъ мыслъ Двинскаго берега, примѣчанія достойный потому, что Двина рѣка при ономъ раздѣляется на разные устья, въ море протекающіе между островами. *Вопр.* Какое было на семъ мѣстѣ селеніе прежде города? *Отв.* Монастырь Архангельскій, древностію всѣ Московскіе монастыри превосходящая обитель, построенная во второмъ на десять столѣтіи въ землѣ Заволочкой, названной послѣ по имени рѣки Двиною (должно читать: Двинскою). *Вопр.* Когда и кто открылъ путь изъ Европы моремъ къ Двинскимъ берегамъ для торговли? *Отв.* Англичане, пришедшіе въ 1553 году по морю на кораблѣ къ Николаевскому или Корельскому Двинскому устью и монастырю, при которомъ прежде города иностранные торги тридцать лѣтъ продолжались. *Вопр.* Когда и чьимъ повелѣніемъ, городъ Архангельскій построенъ? *Отв.* Заложень злѣсь 1584 года, повелѣніемъ Государя Царя Іоанна Васильевича втораго, или Грознаго. *Вопр.* Какъ проименованъ сей городъ въ началѣ? *Отв.* Новохолмогорскимъ городомъ, потомъ прозванъ Архангельскимъ, по монастырю сегожѣ имяни. *Вопр.* Когда переведены съ Корельскаго устья иностранные торги въ сей новый городъ? *Отв.* Въ 1587 году.» Последнее справедливо, какъ видно выше, изъ грамоты Годунова. Объ Архангельскѣ см. также *Литке. I. 136—146*, гдѣ приложена и подробная карта Сѣверной Двины, отъ Архангельска до выхода въ Бѣлое море; *Энциклоп. Лекс. III. 243 Stuckenberg, II. 57—64* и др.

(⁴³⁴) Слѣдующее извѣстіе, если не ошибаемся, въ первый разъ появившееся въ печати въ *Adelung's Geschichte der Schiffahrten. Halle, 1768 p. 57*, заимствуемъ мы изъ сокращеннаго перевода письма нѣкоего Іоанна Баллаха (см. *Литке, I. 122*), къ знаменитому Географу Меркатору, писаннаго въ Аренсбургѣ, въ 1581 году: «Помня сколь охотно читывалъ ты древнихъ землеописателей, радуюсь я, что встрѣтился съ подателемъ сего письма. Рекомендую тебѣ его, какъ человѣка, который можетъ быть тебѣ полезенъ въ такомъ дѣлѣ, о коемъ ты давно съ великимъ трудомъ старался собирать извѣстія, и въ разсужденіи котораго новѣйшіе наши географы не соглашаются; я говорю тебѣ объ открытіи мыса Табина и славнаго и богатаго царства Китайскаго. Человѣкъ сей родомъ изъ Фландріи, званіемъ солдатъ, былъ нѣсколько лѣтъ плѣннымъ въ Россіи и состоялъ въ службѣ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ Якова и Аникія (*Iacovius et Unekius*), которые посылали его въ Антверпенъ, для нанятія тамъ, за хорошую цѣну, нѣсколько искусныхъ и опытныхъ мореходцевъ, и когда онъ ему таковыхъ доставилъ, построили они для преднамѣреннаго путешествія, на рѣкѣ Двинѣ, два корабля, съ помощію нѣкотораго морскаго Нѣмецкаго художника.» Неоспоримо, что упоминаемые въ письмѣ Баллаха, Яковъ и Аникій, были никто иные какъ Аникій и старшій его сынъ Яковъ, *Строгоновы*, пріобрѣтшіе громкую извѣстность со времени государствованія Іоанна Грознаго. Зная, изъ царской грамоты отъ 6-го августа 7074, или по Р. Х. 1566 года (см. *Устрялова. Именитые люди Строгоновы. С. П. Б. 1842 стр. 9. прим. 4*), что первый изъ нихъ былъ живъ въ это время, и соображая, что Баллахъ писалъ къ Меркатору въ 1581 году, а плаваніе Бурро, для открытія Сѣверовосточнаго пути, давшее поводъ къ предпріятію Строгоновыхъ, происходило въ 1556 году,—послѣднее могло имѣть мѣсто въ промежуткѣ между симъ годомъ и 1581-мъ. Иностранцы приписываютъ Аникію Строгонову, впрочемъ не называя его по фамиліи, а какъ и Баллахъ, только по имени, *Алика*,—открытіе торговаго пути въ рѣку Обь (см. *Wilsen Noord en Oost Tartarye. Amsterdam. 1705 p. 512*), но это ошибочно. Не приняли ли они, по дошедшимъ до нихъ неяснымъ рассказамъ, снаряженія судовъ къ Новой Землѣ, съ плаваніемъ по Оби? На сѣверѣ Россіи постоянно живетъ, искаженное временемъ, преданіе, что находящаяся на Новой Землѣ *Строгонова губа*, получила свое названіе отъ обитавшихъ тамъ нѣкогда Новгородскихъ переселенцевъ *Строгоновыхъ*. *О. П. Литке*, упоминающій объ этомъ событіи, относитъ его (II. 85—86), основываясь на соображеніяхъ, къ XVI вѣку, т. е. къ тому времени, около котораго писалъ Баллахъ. Мы, кромѣ вышеприведенной выписки изъ письма къ Меркатору, слѣча существующее преданіе

съ временемъ и обстоятельствами, основываемъ наше предположеніе еще на томъ, что посѣтившій, въ 1594 году, Новую Землю Голландскій мореходецъ Баренцъ видѣлъ по близости Строгоновой губы дома и другіе предметы, заставившіе его предполагать, что тутъ жили люди, скрывшіеся отъ прибывшихъ гостей. «Баренцъ», читаемъ у *Литке* (II. 86), «въ 1594 году нашелъ въ губѣ, названной имъ губою Св. Лаврентія, которая точно соотвѣтствуетъ нашей Строгоновской, — селеніе, состоявшее изъ трехъ избъ, коего обитатели, какъ онъ полагалъ, съ намѣреніемъ отъ него скрылись.» — *Тамъ же*. I. 26—27:» 8 августа (1594). «Въ трехъ миляхъ отъ Чернаго островка нашли они (Голландцы) низменный мысъ съ крестомъ, названный по сей причинѣ *Крестовымъ*; 4 мили далѣе другой низменный же мысъ, названный *Пятымъ* или мысомъ Св. Лаврентія, за которымъ находился большой заливъ. Еще 4 мили далѣе открыли мысъ *Gchashoeck*, къ которому вплоть лежитъ низменный Черный камень и на немъ крестъ. Тутъ съѣзжали они на берегъ, и нашли зарытые 6-ть кулей ржаной муки, и кучу камней, и заключили, что въ семъ мѣстѣ долженствовали быть люди, отъ нихъ убѣжавшіе. На фалконетный выстрѣлъ оттуда стоялъ другой крестъ; а возлѣ него три деревянные дома, построенные по образцу сѣверныхъ жителей, въ которыхъ лежало множество разобранныхъ бочекъ, изъ чего они заключили, что тутъ должна производиться ловля семги. Тутъ же стояли на землѣ 5 или 6 гробовъ, возлѣ могилъ, наполненныхъ камнями, и обломки Русскаго судна, 44 фута по килю; находящейся въ семъ мѣстѣ, безопасной при всѣхъ вѣтрахъ, гавани, дали они названіе *Мучной* (*Meelhaven*), по причинѣ найденной муки.» Нѣтъ невозможнаго, чтобы это разбитое судно небыло однимъ изъ двухъ Строгоновскихъ судовъ, построенныхъ Антверпенскими мореходцами, и что люди, которыхъ Баренцъ полагалъ скрывшимися отъ него, уже не первый годъ жили на Новой Землѣ, послѣ терпѣннаго ими крушенія. Время, когда оно могло произойти, близко совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, въ которое Строгоновы могли снарядить свои суда въ Ледовитое море. Примемъ въ соображеніе еще и то, что мѣсто, описываемое Баренцомъ, находится по близости губы, получившей названіе *Строгоновой*.

(¹⁵⁵) *Карамзинъ*. VIII, 294—295.—*Арцыбашевъ*, IV. 276—277.

(¹⁵⁶) *Карамзинъ*. VIII. 295.—*Арцыбашевъ*. IV. 280.

(¹⁵⁷) *Карамзинъ*. VIII. 295—296.—*Арцыбашевъ*. IV. 280—281. — Въ *Арх. мѣтописи* (см. *Карамзина*. I. XXXI. прим. 561), 337 на оборотѣ: «и какъ пришли подъ Очаковъ и тутъ взяли корабль, и Турчанъ и Татаръ побии, а иныхъ поимали съ вожи, и пришли на Чулу островъ на море, и тутъ на протокахъ взяли другой ко-

раблѣ..... и пришли на Крымскіе Улусы, на Ярлашъ островъ, и тутъ многіе верблюжьи стада поимали..... и пришли на сидячихъ людей, на Кременчикъ, да на Коршалы, да на Когольникъ, отъ Перекопа за 15 верстѣ..... и повоевали и отошли на Озибекъ островъ.» Тамъ же. 348, на об.: «Коли Данило съ моря приходилъ на Улысы, тогда у нихъ страхъ былъ великій. «Тамъ же. 338 на об.» «пошли вверхъ Днѣпромъ..... и далъ Богъ и перевозы и пороги прошли.» — Сказанія князя Курбскаго, изд. Н. Устрялова: С. П. Б. 1842 стр. 64: а подругое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими стратилаты со осмь тысящей, такоже водою, послалъ; они же выплыша Днѣпромъ на море, и надъ надежду Татарскую, немалую торгу учиниша въ ордѣ: яко самихъ побыша, такожъ жонъ и дѣтей ихъ не мало плѣниша, и христіанскихъ людей отъ работы свободили немало, и возвратишася восвояси здорово.»—Остается опредѣлить гдѣ находятся мѣста, приведенныя выше, подъ названіями: Чулу, Ярлашъ, Кременчикъ, Коршалы, Когольникъ и Озибекъ. Соображая слова лѣтописи съ направлениемъ, по которому могъ плыть Адашевъ изъ Днѣпра, къ берегамъ Крыма, полагаемъ не ошибиться, принявъ Чулу-островъ за островъ, находящійся къ югу отъ Кинбурнской косы и названный въ Россійскомъ Атласѣ 1792 года, на картѣ Таврической губерніи—«Чиле», а въ Атласахъ Чернаго моря Будищева (1807 г.) и Манганари (1836)—Долій. Подъ протоками, гдѣ былъ взятъ второй корабль, должно разумѣть проливъ между этою косою и островомъ Чюле; Ярлашъ островъ, гдѣ Татары пасли верблюдовъ, есть ничто иное какъ показанный на гравированной картѣ 1736 года (*Карта предпріятыхъ въ 1736 году отъ Армен Ея Императорскаго Величества, противъ Турокъ и Татаръ побѣдоносныхъ военныхъ дѣйствій между Дономъ и Днѣпромъ и при оныхъ рѣкахъ*) островъ Эрлашъ, а по позднѣйшимъ картамъ коса Джариллачъ, въ сѣверной части Перекопскаго залива. Коршалы по всей вѣроятности есть нынѣшній полуостровъ Хоралы (у Манганари — Хорлы), въ той же части залива; Кременчикъ и Когольникъ должны были быть ближайшія къ нему селенія, въ настоящее время, какъ кажется, несуществующія. Наконецъ, Озибекъ (правильнѣе Осибекъ) островъ, долженъ быть нынѣшній островъ Березань, лежащій близъ Очакова, почти передъ входомъ въ Днѣпровскій Лиманъ изъ Чернаго моря. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Оси-суи есть Турецкое названіе Днѣпра и что Очаковъ назывался у Турокъ *Калабли*, т. е. крѣпость при Днѣпрѣ, или Днѣпровская.

(¹⁵⁸) Schmidt Phis. Materialien zu der Russischen Geschichte seit den Tode Kaisers Peter den Grossen. 1777. I. 431.

(¹⁵⁹) Scheltema. Rusland en de Nederlanden. Amsterdam. 1817. I. 22—23.

- (¹⁶⁰) Тамъ же. 24.—Карамзинъ. VIII. 257 и прим. 479.
- (¹⁶¹) Scheltens I. 23—25.
- (¹⁶²) Никон. лѣт. VII. 283: «Тогожъ году (1557) Апрѣля послалъ царь и Великій князь околничаго князя Дмитрея Семеновича Шастунова да Петра Петровича Головина до Ивана Выролка на Иванъ городъ, а велѣлъ на Нерове ниже Ивана города на устьѣ на морскомъ городъ поставить для корабельнаго пристанища, а положить велѣлъ заповѣдь въ Новѣ городе и во Псковѣ і на Иванѣ городѣ, чтобы никто въ Немцы не ѣздилъ ни какимъ товаромъ, а пріѣдутъ Немцы, і въ царя и великого князя вотчину, и с ними велѣвъ Государь в своей землѣ торговати опричь заповѣднаго товару, а зацепки Немцамъ не велѣлъ дѣлати никакие.»—Тамъ же 288: «Тогожъ году (1557) Июля поставленъ градъ отъ Немецъ усть Неворы рѣки на розене у моря для пристанища морскаго корабельнаго, а ставилъ его Петръ Петровъ (Головинъ) да Иванъ Выродковъ.»
- (¹⁶³) Карамзинъ. VIII. 274 —Арцыбашевъ. IV. 264—266.
- (¹⁶⁴) Карамзинъ. VIII. 275.—Арцыбашевъ. IV. 267—269.
- (¹⁶⁵) Карамзинъ. VIII, 279—283.—Арцыбашевъ. IV. 271—272.
- (¹⁶⁶) Storh. IV. 226—228.
- (¹⁶⁷) Тамъ же 227—232.—Карамзинъ. IX. 544.—Арцыбашевъ. IV. 366.
- (¹⁶⁸) Карамзинъ. IX. 414—415.—Арцыбашевъ. IV. 377.
- (¹⁶⁹) Карамзинъ. IX. 346—348.—Арцыбашевъ. IV. 370.
- (¹⁷⁰) Müller Samml. Russ. Gesel. VIII. 35.
- (¹⁷¹) Storh. IV. 251.—Müller VII. 449.—Hakluyt I. 373.
- (¹⁷²) Карамзинъ. X. 50—51.
- (¹⁷³) Тамъ же. 109—112.
- (¹⁷⁴) Тамъ же 26—32 и прим. 54.
- (¹⁷⁵) Тамъ же XI. 40—42.
- (¹⁷⁶) Тамъ же. 32—33.
- (¹⁷⁷) Hakluyt. I. 573—574.
- (¹⁷⁸) Карамзинъ. X. 255: «Довольные выгодною мѣною съ Европейскими народами въ своихъ сѣверныхъ пристаняхъ, купцы наши не мыслили ѣздить моремъ въ инныя земли, но любопытно знать, что мы въ сіе время уже имѣли корабли собственные. Борисовъ Посланникъ въ 1599 году возвратился изъ Германіи на двухъ большихъ морскихъ судахъ, купленныхъ и снаряженныхъ имъ въ Любекъ, съ кормщикомъ и матросами Нѣмецкими, тамъ нанятыми.» — Тамъ же прим. 427 (ссылка на дѣла Австрійскія въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, 1599 г. о Посольствѣ Власьева): «Посланникъ нашъ Ооонасей Власьевъ, на своихъ на купленныхъ на дву кораблехъ, а корабельщики и дѣловыя люди на тѣхъ его кораблехъ были наемныя изъ Любка.» Подъ словами: корабельщики

и дѣловые люди должно разумѣть *матросовъ и мастеровъ*. Весьма вѣроятно, что между ними былъ,—какъ упоминаетъ Карамзинъ,— и штурманъ, по Русскому простонародному выраженію *кормщикъ*.

(¹⁷⁹) *Древн. Росс. Вивл. III. 114—115*: «Тогожъ года (1600), по Государеву Указу посланы изъ Тобольска въ Мангазею письмянной голова, князь Миронъ Михайловичъ Шаховской, да Даніило Хрипуновъ, да цѣловальникъ торговый человекъ, Семень Новоселовъ, и служивыхъ людей сто человекъ; а велѣно имъ въ Мангазеѣ острогъ поставить, и ясакъ собирать, и Тунгусовъ и Самоядцовъ и Остяковъ, привести къ вѣрѣ, къ шерти, и быть тамо до Указу. И они первой Мангазейской острогъ поставили.» *Щекатова Словарь Географическій Россійскаго Государства М. 1805. IV. 175*: «По устроении города Березова (уѣздн. гор. Тобольской губ.) посылались отъ онаго разнаго званія люди, для пріискиванія и склоненія къ платежу ясака дикихъ ордъ, которыми во первыхъ найдены Тазовскіе Самоѣды, и, по многомъ съ ними переговоровъ, обнадежили ихъ, что они отъ Государя будутъ жалованы, толькобъ въ вѣрное вступили подданничество, и въ знакъ къ нимъ Государской милости на рѣкѣ Тазу, близъ ихъ кочевья, построень *магазинъ*, и доставленъ въ оной изъ города Березова провіантъ, которой былъ, для пріохочиванія тѣхъ дикихъ ордъ изъ казны даванъ Самоѣдамъ, безъ положенія цѣны. Они, видя къ себѣ доброхотство, по своей волѣ давали промысла своего звѣрей..... и какъ взяли привычку къ хлѣбу, то не только тѣ найденные приходили, но еще незнающихъ о томъ мѣстѣ приводили такія же орды..... А какъ тѣхъ ордъ умножилось въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ построень *магазинъ*, то застроенъ городъ, которой поименованъ, по причинѣ начальнаго построенія *магазина, Мангазея*. Оной городъ Мангазея, отъ нынѣшняго города *Мангазеи*, верстъ сотъ на пять въ лѣвую руку, совсѣмъ всторонѣ отъ всѣхъ большихъ рѣкъ, можно считать между Енисейскимъ и Обскимъ устьями, но недалекъ онъ и къ Сѣверному океану.» *Книга Большому Чертежу* опредѣляетъ мѣсто города Мангазеи такъ: (стр. 195): «За рѣкою за Обью Тазъ рѣка, а въ Тазъ рѣку пала рѣка Пуръ. А на рѣкѣ на Тазу и на Пуру *Мангазея*.—Стр. 211: «А за рѣкою за Обью 200 верстъ пала въ море рѣка Тазъ. А въ Тазъ рѣку пала рѣка Пуръ. Протоку Тазъ рѣки 890 верстъ, а рѣки Пура протоку 460 верстъ. А по рѣкѣ по Тазу *Мангазея, Самоядъ Пяки*.» Въ запискѣ о Царскомъ дворѣ, церковномъ чинопочитаніи, придворныхъ чинахъ, приказахъ войскъ, городахъ, и проч., относящіяся къ 1610 — 1613 годамъ, и помѣщенной въ *Актахъ Историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографическою Коммиссіею. С. П. Б., 1841. II. 425*, сказано:

«Сибирская земля, а въ ней городовъ: Тюмень, Тобольской, Верхотурье, Целымъ, да на Оби четыре города: за Обью въ *Мангазеи* городъ, въ Югрѣ, въ Калмакахъ, въ Чятѣ.» Эта первоначальная Мангазея находилась на правомъ берегу рѣки Таза, впадающей въ Тазовскую губу, изъ которой, чрезъ Обскую губу, суда выходили прямо въ море. Положеніе Мангазеи показано на картѣ Югорской земли, приложенной къ сочиненію *Лерберга: Исслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи*. Объ упраздненіи первой и объ основаніи второй Мангазеи, у Щекатова (VI. 498) сказано: «на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣшней Туруханскъ построенъ, было съ 1609 года Ясаиное зимовье, которое съ году на годъ стало быть важнѣе, и какъ онымъ путемъ разные народы по Енисеѣ и по впадающимъ рѣкамъ во оный, Мангазейскими служивыми людьми въ Ясакъ приведены были, то наконецъ Туруханское Зимовье стало центромъ Мангазейскаго уѣзда, гдѣ иногда и Мангазейскіе воеводы жительствоваали. Въ 1672 году, Указомъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всѣ жители изъ города *старой Мангазеи* туда переведены были, и вмѣсто зимовья построенъ городъ, что и было началомъ новой Мангазеи или города Туруханска.» — *Чулковъ (Ист. опис. Росс. Коммерціи. Т. III. Кн. I. стр. 32)* говоритъ, что плаваніе судовъ изъ Архангельска въ Мангазенію для торговли прекратилось въ 1620 году.

(¹⁸⁰) Въ *Актахъ Истор. Арх. Комм. II. 411, № 345*, помѣщена слѣдующая Царская грамота Верхотурскому Воеводѣ Князю Львову и Головѣ Новосильцову, отъ 15-го Ноября 1602 года: «Отъ Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всея Русіи, на Верхотурье, князю Матвѣю Даниловичю Львову да головѣ Угриму Васильевичю Новосильцову. По нашему указу, послано изъ Ерославля да съ Вологды, на Верхотурье, съ Васильемъ съ Хомутовымъ, для Мангазейскаго ходу судовые снасти, на пятнадцать судовъ морянокъ, пятнадцать шеемъ, по сороку сажень, толстыхъ пеньковыхъ варовыхъ, пятнадцать веревокъ кубасныхъ по пятидесять сажень, пятнадцать завозень по осмидесять сажень, тридцать дрогъ по двѣнадцати сажень, сто пятьдесятъ веревокъ на ношки по семи сажень, тридцать пайнъ, по осми сажень, тридцать поясовъ по тридцати сажень, пятнадцать возжей по двадцати сажень, тридцать skutъ, по пяти сажень, пятнадцать веревокъ, кругъ парусовъ обшивати, по двадцати по пяти сажень, три тысячи аршинъ холстовъ на парусы; да для Мангазейскаго ходу велѣно сдѣлати двадцать якорей двоерогихъ, да на Сибирскіе расходы сорокъ пудъ желѣза. А какова судовая снасть и якори велѣно въ Ерославлѣ и на Вологдѣ взять, и для того посланъ съ нимъ Мангазейской толмачъ Шумко Васильевъ. И такъ къ вамъ ся наша грамота придетъ,

и Василий Хомутовъ судовую снасть и якоря и желѣзо на Верхотурье привезетъ, и выбѣ у него тое судовую снасть, и якоря, и желѣзо взяли въ нашу казну; а какъ у него судовую снасть и якоря и желѣзо возмете, и выбѣ о томъ отписали съ нимъ къ намъ, къ Москвѣ.

(¹⁸¹) Устряловъ. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. С. П. Б. 1831. I. 69: «Въ 30 верстахъ отъ Москвы есть обитель Вяземская: Царь велѣлъ обвести ее ледяною крѣпостью и прибылъ туда съ нѣмецкою гвардіею, двумя отрядами польской конницы, также со всѣми боярами, въ намѣреніи показать имъ искусство осаждать крѣпости.... Царь первый ворвался въ крѣпость; за нимъ вся гвардія. Торжествуя побѣду, онъ говорилъ коменданту ледяной крѣпости: «Дай Боже! взять современемъ такимъ же образомъ и Азовъ». См. этоже въ Сказаніяхъ иностранныхъ писателей о Россіи, изданныхъ Археографическою Коммиссіею С. П. Б. 1831. I. (лѣтпис. К. Буссова) 41. Тамъ сказано: «Der Kayser selbst überwältigte den geschätzten Woywoden, band ihm und sagte: Gott gebe und fuge es, dass ich einmahl Assow in Tartareyen als möge einkriegen, und den Tartarischen Zaren als gefangen bekomme, als ich itzund habe».

(¹⁸²) Карамзинъ. XII. 153. Акты Истор. Арх. Комм. II. 327. № 272 и сл.

(¹⁸³) Карамзинъ. XII. 268. 314—325. Никон. Лѣт. VIII. 168—170, 174.

(¹⁸⁴) Устряловъ. Русск. Ист. изд. IV. I. 287. Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. С. П. Б. III. №.

(¹⁸⁵) Врангель. Путешествіе по Сѣвернымъ берегамъ и по Ледовитому морю, совершенное въ 1820—24 годахъ, С. П. Б. 1841. I. 5.

(¹⁸⁶) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. С. П. Б. 1848. IV. 17.

(¹⁸⁷) Тамъ же. 16.

(¹⁸⁸) Въ указанномъ выше, въ пр. 185, сочиненіи Ф. П. Врангеля, въ началѣ I тома, помѣщено краткое, но вполне удовлетворительное «Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 года».

(¹⁸⁹) Stuckenberg. II. 762—764. VI. 176.

(¹⁹⁰) Для примѣра, приводимъ извлеченіе изъ отписки Якутскому воеводѣ Францбекову служилаго человека Уварова (Дополн. къ Акт. Истор. III. 355—356), посланнаго, въ 1651 году на Амуръ для развѣдыванія о Хабаровѣ. Выписку начинаемъ отъ того времени, когда Уваровъ и его товарищи, не найдя нигдѣ Хабарова,

пришли къ устью Амура.... и поплыли мы холопи государевы по Амуру рѣкѣ и выплыли, не знаючи устья Амура рѣки, въ Амурскую губу. И мы холопи государевы, плывучи по Амуру рѣкѣ, приказнаго человѣка Ерофея Павловича не нашли и признакъ ни гдѣ не видали. И какъ.... холопей государевыхъ вверхъ итти по Амуру не пустятъ, берегомъ бичивою итти не можно, Гиляцкіе мужики не пропустятъ, и у насъ холопей твоихъ судовыхъ снастей нѣтъ, парусовъ и дроговъ нѣтъ, и мы холопи государевы стали по нужѣ для морскаго ходу къ судамъ пашвы нашивать въ Амурской губѣ на берегу съ великою обережью за караулы; и на насъ на той стоянкѣ тѣ Гиляцкіе мужики напустились боемъ во многихъ стругахъ, и намъ пособилъ Богъ стругъ одинъ пробить и въ стругу мужиковъ побить человѣкъ съ сорокъ; и оттуда мы холопи государевы пошли по морю на гребяхъ, и выгребли изъ губы на море, и понесло насъ холопей государевыхъ во льду на море, и носило насъ во льду 10 дней, и принесло на берегъ на пустое мѣсто, и тутъ насъ холопей государевыхъ къ берегу льдомъ..... раздавило судно и судно потонуло, и мы холопи государевы на берегъ помѣтались душею да тѣломъ, хлѣбъ, и свинецъ и порохъ потонулъ, и платье все потонуло и стали безъ всего. И оттуда мы холопи государевы пошли пѣши подлѣ моря, и шли мы холопи государевы пѣшою ногою подлѣ моря пять дней, а питались мы ягодами и травою и находили на берегу по край лоса битаго, звѣря морскаго нерпу да моржа, и тѣмъ мы душу свою осквернили, нужи ради питались; и дошли мы холопи государевы до рѣчки, и тутъ мы стали суднишко дѣлать, и намъ Богъ пособилъ, суднишко сдѣлали, и пошли по морю, и дошли до рѣчки, и на усть рѣчки Тунгускіе юрты и изъ тѣхъ юртъ Тунгускіе мужики подсмотрели, и изъ юртъ побѣжали и помѣтали свой рыбной кормъ, и мы холопи государевы тотъ запасъ побрали, и шли мы холопи государевы до той рѣчки съ усть Амура рѣки восемь недѣль и три дни, а питались травою, да водою, да морскимъ звѣремъ нерпою, и на той рѣчкѣ мы холопи государевы осеновали; и съ той рѣчки поднялися мы на нартахъ чрезъ хребетъ на Ленскіе покоти, и шли мы на нартахъ четыре недѣли со днемъ, и нашли Тунгускую аргушницу, а аргушницею шли четыре дни и нашли Тунгускіе чюмы на третей день Рождества Христова, и изымали двухъ Тунгускихъ мужиковъ, и тѣхъ Тунгусовъ пасадилъ въ аманаты, и подъ нихъ взяли ясаку великому государю 78 соболей, и запасу взяли мы холопи государевы на тѣхъ Тунгускихъ чюмахъ на полгода, и нонѣче мы холопи государевы питаемся тѣмъ запасомъ Іюня въ 30 день..... а здѣся я Ивашко съ товарищи на Тугирѣ рѣкѣ наги и босы, и голодни и холодни, се

всякіе нужи въ конецъ погибаемъ и холодною нужною смертію озябаемъ, потому что у насъ топоровъ нѣтъ; и провѣдывали мы Тунгускими мужиками Рускихъ промышленныхъ людей далеко. А по старой государевой наказной памяти служилого человѣка Ивана Нагибы насъ служивыхъ и новоприборныхъ жалованныхъ людей послано было съ нимъ Иваномъ изъ Банбулаева городка 26 человѣкъ и нонѣче насъ здѣсь всѣхъ осталось двалцать человѣкъ, а писать было государю челобитная о нужѣ и о бѣдности, чтобы государь пожаловалъ, да не стало въ войскѣ бумаги, писать не на чемъ, и подарковъ у насъ государевыхъ нѣтъ чѣмъ Тунгусовъ дарить, олова и одекую.

(¹⁹¹) Скальковскій. *Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго*. Одесса. 1846. I. 17—34.

(¹⁹²) Броневскій. *Исторія Донскаго войска*. С. П. Б. 1834. I. 30—55.

(¹⁹³) Тамъ же. 57—58.

(¹⁹⁴) Тамъ же. 61.

(¹⁹⁵) Тамъ же. 62—63.

(¹⁹⁶) Тамъ же. 62.

(¹⁹⁷) Тамъ же. 61, 63—76.

(¹⁹⁸) Маркевичъ. *Исторія Малороссіи*. 1842. М. I. 54.

(¹⁹⁹) Тамъ же. 59.

(²⁰⁰) Тамъ же. 71.

(²⁰¹) Тамъ же. 102.—Бантышъ-Каменскій. *Исторія Малой Россіи*. М. 1830. I. 182.

(²⁰²) Маркевичъ. I. 103.—Бантышъ-Каменскій. I. 183.

(²⁰³) Маркевичъ. I. 104.—Бантышъ-Каменскій. I. 183.

(²⁰⁴) Маркевичъ I. 104.—Бантышъ-Каменскій. I. 184.

(²⁰⁵) Тургеневъ. *Акты Историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ*. С. П. Б. 1842. II. 412—430.

(²⁰⁶) Бантышъ-Каменскій. I. 200.

(²⁰⁷) Тамъ же. 204.—Бопланъ. *Описаніе Украйны*. Пер. съ Французскаго, О. Устрялова. С. П. Б. 1832. стр. 138. Французъ Бопланъ, служившій, въ качествѣ инженера Польскимъ Королямъ Сигизмунду III и Владиславу IV, прожилъ около семнадцати лѣтъ въ Украинѣ, осмотрѣлъ Днѣпръ отъ Вислы до самаго устья, видѣлъ суда Запорожцевъ и слышалъ на мѣстѣ рассказы о подвигахъ ка-

заковъ. Онъ написалъ и посвятилъ Королю Яну Казиміру, весьма любопытное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Description d'Ukraine qui sont plusieurs Prouinces du Royaume de Pologne. Contenvës depvis les Confins de la Moscouie, iusques aux limites de la Transilvanie, ensemble levres moevres, façons de viures, et de faire la guerre. Par le sieur de Beavplan. A Roüen, chez Jacques Caillouë dans la cour dupalas M D C L X I. Русскій переводчикъ, въ предисловіи (стр. VIII) говоритъ, что первое изданіе этой книги было напечатано въ 1650 году. Мы не имѣли случая его видѣть, а имѣемъ самое изданіе 1661 года, напечатанное въ Парижѣ. Въ экземплярѣ этого же изданія, принадлежащемъ II отдѣленію Библіотеки С. П. Б. Академіи Наукъ, передъ заглавнымъ листомъ, рукою извѣстнаго Бакмейстера, написано: «Il ne faut pas tout croire ce que l'editeur dit dans l'avertissement: il n'y a qu'une seule édition de cette description, imprimée à Rouen 1660 chez Jacques Caillouë et qui se trouve à la bibliotheque de l'Ermitage. Celle ci est la même, l'Editeur n'a fait que changer le titre, sans y ajouter le moindre mot. Une traduction anglaise s'en trouve dans le premier tome de Voyage p. Churchile.—1776».—По чрезвычайной рѣдкости Бопланова сочиненія, на Французкомъ языкѣ, мы дѣлаемъ указанія на Русскій переводъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ есть примѣчанія и поясненія, которыхъ въ подлинникѣ не находится.

(²⁰⁸) Въ «листѣ, писанномъ до Хана Крымскаго отъ Атамана Кошового Ивано Сирка, и отъ всего Коша Казацкаго» (Маркевичъ. III 123—128), между прочимъ сказано: «ежели отважныя, мужественныя кавалеры преишлія войска Запорожскаго вожди, предки, Антецессори наши, здавна на Крымъ и на Царство Турецкое, моремъ и землею воевали, яко то Самусь Кушка, Атаманъ и Гетманъ Кошовой воевалъ по Черному морю, а по немъ 1575 года Богданко съ козаками Крымъ воевалъ и плюдровалъ, потомъ року 1609, Петръ Конашевичъ, Сагайдачній, прежде Гетманства своего с-Запорожцами запливши челнами въ Ставрики ваши взялъ въ ней знаменитые и крѣпкіе мѣста, Кеору съ многими користми щастливе до сѣчи повернувся. Потомъ, року 1621, такожь предъ Гетманствомъ, Богданъ Хмѣльницкій, на морѣ Черномъ воюючи въ своихъ моноксилахъ, многіе корабли и которги Турецкія опановалъ и благополучно до сѣчи повернувся. Потомъ року 1629, братія наша, Запорожцы съ певнымъ вождомъ своимъ воюючи въ чолнахъ по Экспонту, коснулися мужественно и самихъ стѣнъ Константинопольскихъ, и тіе довольно окуривши димомъ мушкетнымъ превеликіи Султановѣ и всѣмъ мѣшканцамъ Цареградскимъ сотворили страхъ и стяжаніе, и нѣкоторые, отлеглые Константинопольскіе селенія запаливши тожь щастливе, изъ многими добычами до коша своего повернулися. А

въ року Божомъ 1633. Сулима Гетманъ войска низоваго Запорожскаго, въ *монаксилахъ*, отъ сѣчи, по Днѣпру, на Черномъ морѣ, черезъ островъ Кимирійскій въ Меотицкое запливши озеро, досталъ былъ прекрѣпкаго Турецкаго града вазій Азова; а что наихвалебнѣйше и наиславнѣйше, что тѣмъ славно именитѣи вожди наши Козацкіе и скафославянскіе нетокмо Цари граду, но и всему Царству Греческому первѣйшимъ отъ иныхъ сосѣднихъ народовъ были страхомъ, гдѣ кромѣ Константинополя, за тысячу миль и вяще, Евксинопонтъ въ *лодкахъ* переплывши, въ славные грады Азіатійскіе Еникопъ и Трапизонъ вистинали, иные замки по берегу тамошнемъ спеподровали, не токмо мощному Бѣлограду не разъ крыла осмалили, але Варну, Смаиловъ и иные фортеціи под Дунайскіе повидирали и виѣвецъ обратили, тому ежели Ваша Ханская мощь не повѣритъ, то изволь въ своихъ Крымскихъ и Константинопольскихъ лѣтописцахъ писарямъ своимъ приказати поискати, певнѣ знайдешъ». — Здѣсь встрѣчаются три названія судовъ: *чолны*, *моноксилы* и *лодки*. Подъ первымъ мы разумѣемъ собственно *Запорожскія лодки* (см. ниже пр. 219), подобно тому какъ Донскіе казаки называли челнами свои лодки; моноксилы или одnodеревки суть *дубы*, а лодки или лодіи есть общее названіе тѣхъ и другихъ, соотвѣтствующее древнему — *лодіи*.

Неизлишнимъ считаемъ привести здѣсь нѣсколько выписокъ изъ депешей Французскаго посланника въ Константинополь, Сези (de Cesy), къ Королю Людовику XIII, съ 1620 по 1637 годъ, о дѣйствіяхъ Запорожцевъ противъ Турокъ:

а) отъ 13 Марта 1620 — «Les Polonais ont fait quelque espèce d'accomodement avec les Tartars par l'entremise de Gaspar Gratiani, maintenant Prince de Moldavie. Je ne sais encore à quelle condition sinon de faire cesser les courses des Cosaques lesquels ordinairement descendent par le Boristhène dans la mer Noire et viennent à la guerre fort près d'ici; pour à quoi remedier à l'advenir le Grand Seig-r a envoyé depuis deux jours un Bacha pour bastir deux forts à l'embouchure de ce fleuve et tenir par ce moyen le passage en subiettion.

б) Отъ 9 Августа 1620. — «Les Cosaques sont à toute heure près d'ici sur la mer Noire, où ils font des prises incroyables veu leur foiblesse, et sont en telle réputation, qu'il faut des coups de baston pour faire resoudre les soldats turcs à aller à la guerre contre eux sur quelques galères que le Grand-Seig-r y envoie avec grande peine.

в) Отъ 25 августа 1620. Les Cosaques avec 150 barques ravagent toute la mer Noire ayant pillé et eintièrement bruslé Varne où il n'y avait pas moins de quinze ou seize mille âmes.

г) Отъ 17 июня 1621. — L'effroi a esté si grand en cette ville qu'il ne

ise peut dire. Seize barques de Cosaques estant venues ces jours passez usqu' à la colonne de Pompée proche de l'embouchure du canal de la mer noire prendre des Caramussals, brusler et saccager des villages dont l'espouvante fut telle que force personnes de Pera et Cassombacha vers l'arsenal sauvoient de là leurs meubles en C. P-le, sur quoi le Caimacan et le Bostangi Bassi se trouverent bien empechez, le Grand Seig-r et son conseil ayant laissé si peu d'ordre pour la garde de cette ville, que sans trois galères qui estoient icy il n'y avoit pas de quoi pouvoir enuoier deffendre l'embouchure du dit canal, bien que iour et nuit le Caimacan et Bostangi fissent toute diligence pour armer quelques frégates, prenant des hommes par les rues qui n'avoient iamais creu aller à la guerre, et quant aux armes elles se prenoient des vaisseaux chrestiens qui étaient dans le port, ces gens cy n'ayant pas un mousquet de reserve. Enfin après deux jours de confusion ces trois galères et quarante que barques et fregates sortirent pour chercher les Cosaques hors l'embouchure, où les ayant trouvez qu'ils pilloient un village, ils n'osèrent jamais approcher ni combattre les seize barques, dont la moitié des hommes estoient encore à terre; et à la faueur de la nuit les trois galères et le reste de la recreue rentrèrent bien avant dans l'embouchure sous les châteaux que l'on appelle icy les Tours de la mer noire, à la honte du Bacha qui en avoit la charge. Le Caimacan et le Bostangi ont escrit au Grand seig-r cette lascheté pour le faire chastier.

д) Отъ 18 Абрѣта 1621.—Nous apprenons aussi que le Bascha de la mer ayant enuoïé quelques vingt galeres en cours sur la mer noire qu'elles ont pris quelques 16 ou 17 barques de Kosaques, qui se sont tellement deffendus que les Turcs y ont autant perdu que gagné. Ceux qui restèrent du combat furent présentez par le Bascha de la mer au Grand Seig-r qui les fit tous mourir et vouloit lui mesmes leur couper la teste si le Hodgia ne l'en eust detourné; mais il ne l'empecha pas d'en tirer quelques uns à coups de flèches de sa main, les autres furent écrasez sous les éléfans, autres tirez par quatre galières et le reste enterrez tous vifs; qui fait juger que ce Seig-r n'épargnera pas les chrestiens qui tomberont entre ses mains.

е) Отъ 1 Маа 1622.—Le grand Visir a esté plus occupé qu'il ne désirait, les Roux et Cosaques estant venus près d'ici dans la mer noire prendre quelques vaisseaux dont le Grand Seig-r entra en telle colère qu'il le menacea de lui trancher la teste et au Grand Tresorier qu'ils appellent Teftedar, si le lendemain ils ne faisoient partir les galères pour aller à la mer noire.

ж) Отъ 12 Іюля 1622.—Les Cosaques sont venus à quinze lieues d'ici avec trente barques prendre une ville nommée Caudria à cinq lieues

de la mer noire dans la Natolie; ils ont laissé de leurs marques et emmenés plus de mille prisonniers dans les Caramussals qu'ils ont pris.

в) Отъ 18 Сентября 1622.—L'ostage de la Pologne qui est ici n'apprend rien de l'acheminement de l'Ambassadeur qui est toujours vers les frontières et les Turcs y ont fait envoyer un courrier pour en scavoir la verité et pour assurer le dit Ambassadeur que sa venue est grandement désirée à cette Porte, car le bruit de quatre barques de Cosaques dans la mer noire les trouble plus ici que ne ferait la peste de la Morée ou de la Barbarie, tant ils craignent ce costé de deça.

и) Отъ 19 Марта 1623.—On continue à preparer sur le Danube et le lang des costes de la mer noire force fregates pour opposer aux Cosaques que ces gens ci croient debvoir venir cette année à la guerre nonobstant la paix avec les Polonais.

і) Отъ 12 Марта 1624.—Cosaques avec 80 barques sont descendus par le Borysthène et on mis pied à terre assez près du Caffa dans la peninsule et ont saccagé la ville de Crime ou ils ont tué beaucoup de Tartares.

к) Отъ 21 Іюля 1624.— Le jour de la Pasque des Turcs qui estait hier, les Kosaques sont venus avec cent barques saccager un gros bourg nommé Neocoris qui touche aux tours de la mer Noire à la veue du Serrail du Gr. Seig-r et plus proche d'ici qui plusieurs maisons de plaisir ou il va quelquefois passer le temps. Et après avoir demeuré plus de six heures en terre brulants et ravageants quantité de belles maisons sur le bord du Canal, ils se sont retirez sans perdre un homme; car n'y ayant point ici des galères dans le port ils ont esté si longtemps à armer des barques que les Kosaques ont eu tout loisir de charger et emmener leur butin. Cette entreprise est si hardie qu'elle merite d'estre *estimée*, car pour l'executer il faut qu'ils ayent resolu de combattre trente galeres qui sont à la mer noire lesquelles y ont esté enuoiées aussi tost pour chercher les Cosaques que pour le subiet du Roy de Tartarie. Pendant cette allarme le Grand Seig-r estait à cheval sur le bord de la mer deuant son Serrail qui faisait pointer quelques pieces de canons et pressoit le partement des barques temoignant autant de resolution que ces gens ci d'estonnement et de frayeur.

л) Отъ 4 Августа 1624.— Aussitost que les Cosaques eurent saccagé Neocoris et autres lieux à la veue du Serrail, les Turcs estaient tellement irritez qu'il fut prorosé et mis en délibération si on deuaient tuer tous les Chretiens Francs, mais Dieu destourna ce cruel dessein et fut seulement resolu qu'ils seraient desarmez et qu'on visiteroit toutes les maisons, ce qu'on attend d'heure à autre avec action de grace d'en être quitte a si bon marché, car deux iours durant les pauvres chretiens n'osoient sortir de leurs maisons.

м) Отъ 18 Августа 1624.—Les forces de mer sont extraordinairement foibles et quand il y auroit des galeres il n'ya plus ici des gens pour les commander ni pour les armer Ces iours passés on en avait envoié trois ici près à l'embouchure de la mer Noire avec quelques fregats pour faire garde et empescher que les Cosaques ne reveinssent; mais après quelles eurent esté deux iours dans un port se trouvant sans biscuits, sans poudre ni autres munitions, tous ceux qui étoient dessus les quittèrent et reveinrent ici, laissant les galeres à l'abandon.

н) Отъ 23 Марта 1625.—La plus grande partie des galeres du Grand Seig-r sera employée à garder que les Cosaques ne soient maistres de la mer Noire et ne viennent visiter les faux fauxbourgs de Constantinople, comme l'année passée.

о) Отъ 5 Июня 1625. — Les Cosaques ont saccagé Trébisonde avec deux cent cinquante bourgs; le chasteau s'est sibien deffendu qu' ils en ont abandonné l'entreprise.

п) Ces iours passés les Cosaques avaient pris quelques barques Turquesques descendues par le Danube pour fortifier les galères du Grand Seig-r mais la joye a esté courte pour esx, ayant ecté rencontré par le Bacha de la mer avec 40 galères qui les a defaits bien qu'ils fussent presque trois cents barques.

р) Отъ 5 Октября 1625.—Le Bacha de la mer est reuenu avec 50 galères de la mer Noire, où il n'a pas eu tant d'avantage sur les Cosaques que l'on avait publié à cette Porte; car si une tramontane grandement fraische ne se fut eslevée en faveur du Bacha, les Cosaques defaisaient son armée qu'ils avaient bravement attaqué avec 380 barques; et lorsque le vent se leva ils estoient desia sur la Reale couppant les cordages et ostant le timon ayant réduit le Bacha de la mer en très mauvais estat; mais le mauvais temps submergea leurs barques et furent contrepe ints se retirer ayants tué deux ou trois cents hommes sur les galères et perdu environ autant de chrétiens leurs compagnons. Leur armée n'estait guère moins que de vingt mille hommes si resolut et si déterminez qu'ils eurent la gloire de donner la chasse à l'armée Turquesque lorsque sur le soir le vent se fut un peu calmé. Faites un peu reflexion la dessus et considerez, s'il vous plaist, qu'avec moins de cinquante mille escus par an distribuez parmi ces Cosaques l'on occupe la principale force du Turc sur la mer Noire à garder l'embouchure du Canal qui n'est qu'à quatre lieues d'ici.

(²⁰⁹) Вотъ содержаніе этого договора, заимствуемое нами изъ Ист. Маллороссіи Маркевича (III. 51—56):

І. Позволяетъ Султанъ Турецкій войску козаковъ и народу ихъ имѣть свободное плаваніе на Черномъ морѣ ко всѣмъ своимъ портамъ, городамъ и островамъ, также на Бѣломъ морѣ ко всѣмъ своимъ

владѣніямъ и островамъ съ ихъ портами, и къ портамъ другихъ Государей и владѣніямъ Христіанскимъ, также по всеѣмъ рѣкамъ и ко всеѣмъ городамъ, съ коими, по желанію своему въ торги и купеческія дѣла входить имѣютъ, продавать, покупать и мѣнять по волѣ своей, стоять въ портахъ и выѣзжать, когда захотятъ, безъ всякаго препятствія, сопротивленія и затрудненія.

II. Для споспѣшествованія новой торговли войска Запорожскаго и народа его, Султанъ Турецкій освобождаетъ купцовъ ихъ отъ всякой пошлины, мыта и подати, а также и товары ихъ, какіе только они въ Государство его ввозить, или изъ Государства его вывозить захотятъ, съ срокомъ на сто лѣтъ (если не на сто лѣтъ, то хотя на пятьдесятъ или по крайней мѣрѣ на тридцать), за чемъ должностные начальники по всюду смотрѣть будутъ, а по истеченіи ста лѣтъ, если Богъ позволитъ, не большую тягость податей нести имѣютъ, какъ и самые Турки.

III. Дома для складки товаровъ, въ городахъ и портахъ Султана Турецкаго, какъ при Черномъ морѣ, такъ и при Бѣломъ быть имѣющихъ, позволяетъ Султанъ войску козаковъ заводить и тѣмъ торговать, и купцамъ ихъ свободно пребывать, не платя никакой подати въ продолженіи вышепомянутыхъ ста лѣтъ.

IV. Намѣстникъ войска Запорожскаго и народа его, въ Стамбулѣ имѣть будетъ свое пребываніе съ должнымъ почтеніемъ и безъ всякой опасности, и обязанъ ходатайствовать о правосудіи обиженнымъ козацкимъ купцамъ: также и войско Запорожское, намѣстника Султанскаго въ портовомъ городѣ своемъ имѣетъ, который долженъ выдавать пашпорты козакамъ для свободнаго ихъ проѣзда на галерахъ или корабляхъ, куда захотятъ, и за пашпортъ не болѣе брать одного червонца. Въ присутствіи его, начальникъ галеры или корабля имѣетъ учинить присягу, что онъ никакой измѣны противъ Государства Султанова не сдѣлаетъ; оный же намѣстникъ Султана обязанъ право сіе, на Турецкомъ языкѣ писанное, каждому требующему на письмѣ выдать за своеручною подписью и съ приложеніемъ печати.

V. Для удержанія своевольныхъ людей отъ нападеній на морѣ, съ дозволенія Султана, войско Запорожское заложитъ нѣсколько городовъ портовыхъ ниже пороговъ, даже до устья рѣки Буга въ Днѣпръ, откуда и торговлю свою производить, и безопасность на морѣ противъ своевольства обезпечить само собою имѣетъ.

VI. Если бы кто своевольно изъ войска Запорожскаго нападалъ на морѣ, надъ такимъ надлежащій судъ учинить должно войско Запорожское при намѣстникѣ Султанскомъ; а для сего, торговли козаковъ

и купечествъ ихъ затрудненій и препятствій дѣлать никогда и никто въ Государствѣ Турецкомъ не будетъ.

VII. Если бы съ Дону какое возникло своеволие, и оттуда на морѣ выѣхали для разбоя, то вмѣстѣ съ Турецкими галерами ловить надлежитъ, и козацкихъ своевольниковъ наказывать, и взаимно другъ другу вспомоствовать, чтобъ море было чисто и свободно.

VIII. Если бы галера козацкая, въ чемъ будь право Султана (да сохранить Богъ) преступила, то начальникъ сей галеры долженъ быть наказанъ, а сама она съ товарами и работниками своими останется свободною, и другія также, въ товариществѣ съ нею находящіяся галеры и корабли имѣютъ быть свободными, дабы невинно не терпѣли и заключенный миръ былъ бы ничѣмъ на нарушенъ.

IX. Если бы галера или корабль козацкій разбился на берегу Султанскомъ, то вещи тѣ, кои могутъ сохраниться, были бы спасены и наслѣдникамъ отданы.

X. Касательно долговъ купеческихъ, право купцамъ козацкимъ такое же быть имѣетъ, какъ и Туркамъ во всемъ Государствѣ, и судъ немедленный.

XI. Галеръ или кораблей козацкихъ ни на какія potreбы, ни на какую службу Султанъ Турецкій употреблять не позволить, ни ихъ людей, ни товаровъ, ни оружія; но свободный входъ и выходъ со всѣмъ, что имѣютъ, когда захотятъ, имъ общаетъ и обезпечиваетъ.

XII. Когда какой купецъ умеръ въ Государствѣ Турецкомъ, на морѣ или на сушѣ; то все имущество его принадлежать будетъ наслѣдникамъ его и никѣмъ удержано быть не можетъ; и хотя бы, что кому отказалъ, или записалъ при смерти, недѣйствительнымъ почитаться будетъ.

XIII. Невольниковъ Христіанскихъ у Турокъ, такъ какъ и Турецкихъ у Христіанъ, купцамъ козацкихъ свободно выпускать позволено будетъ; а естли бы невольникъ Христіанскій, въ Государствѣ Турецкомъ находившійся, на галеру или корабль козацкій убѣжалъ, то его утаивать или укрывать начальникъ галеры не имѣетъ, но долженъ его выдать и на сіе никакого убытка или обиды не потерпѣть ни онъ, ни галера его, ни люди, ни товаръ его; также, когдабъ работникъ какой вольной или невольникъ съ галеры козацкой бѣжалъ, Турки должны будутъ выдать его козакамъ.

⁽²¹⁰⁾ Броневскій. I. 108.

⁽²¹¹⁾ Тамъ же. 109.

⁽²¹²⁾ Тамъ же. 116—122.

⁽²¹³⁾ Тамъ же. 124—136.

⁽²¹⁴⁾ Тамъ же, 126—127.

(²¹⁵) Тамъ же 114, 127, 151, 188, 191, 195, 197.

(²¹⁶) Тамъ же 108—109.

(²¹⁷) Туріеневъ. II. 433—434.

(²¹⁸) Бопланъ. 62—69.—Находящееся у Боплана названіе *basteaux* въ Русскомъ изданіи вѣрно переведено: челны, потому что такъ всегда назывались у Запорожцевъ описанныя здѣсь ихъ лодки. Бопланово слово *basteaux* соотвѣтствуетъ нашему: суда. См. также нр. 208.

(²¹⁹) Бопланъ. 153—155.—Это переводъ изъ Крюйса.

(²²⁰) Двинск. Лѣтоп. 11—13: «Того же лѣта (7062) Августа въ 24 день, пришелъ корабль съ моря на устьѣ Двины рѣки, и обослався, пріѣхали на Колмогоры въ малыхъ судьхъ, отъ Англійскаго Короля Эдварта Посолъ Рыцертъ (Ричардъ Ченслеръ), а съ нимъ гости..... и велѣли корабль на зимовье ввести въ Унскую губу.—Они же пріѣхавъ съ Москвы на Двину, и жили у корабля до весны.—Прииде вѣсть къ Царю и Великому Князю отъ заморскія Корелы, сказали они: нашли де мы на Мурманскомъ морѣ два корабля, стоятъ на якоряхъ въ становищахъ.—Князь же Семень Микулинскій посылая въ лодіяхъ на Мурманское море къ кораблямъ.—Пришелъ корабль на устьѣ Двины рѣки изъ Англіискія земли, а на немъ Англіискаго короля Посолъ Рыцертъ со многими гостями, и на Холмогорахъ суды наймовали, и товаръ изъ корабле взявъ, посолъ и гости къ Вологдѣ пошли.—Въ статейномъ спискѣ посольства Стольника Чемоданова (Древн. Росс. Вивл. IV. 147.), ѣздившаго, въ 1657 году, въ Венецію «а говорили чтобы де вамъ Царскаго Величества посланникомъ итти въ ладьяхъ къ кораблямъ и на корабли садиться..... чтобъ подъ посланниковъ прислали лодки, на чемъ ѣхать къ кораблямъ.... изъ многихъ государствъ стоятъ въ томъ мѣстѣ многіе корабли» Тамъ же, 180: «Да гостыже Джанъ съ Посланники за столомъ въ разговорѣ говорилъ и Посланниковъ спрашивалъ: у Великаго Государя вашего съ Турскими людьми, кораблями ли бои бываютъ, и по часту ли? И Посланники говорили: Великаго Государя нашего Донскіе Козаки ходятъ на Турскихъ людей часто, въ бусахъ и въ иныхъ воинскихъ судьхъ, а не кораблями.»

(²²¹) Подробности всѣхъ приведенныхъ здѣсь путешествій Англичанъ чрезъ Каспійское море можно читать въ Hakluyt I. 362—409, 437—450 и 470—486. См. также Морской Сборникъ. Т. XI. Часть учено литературная стр. 140—157. Adelung Kritisch-Literàrische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700. S. P. B. 1846. I. 214—220. 231—233, 243, 310—311.

(²²²) *Olearius* 2.

(²²³) Тамъ же. 34—66.—Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелѣнію изданные II Отдѣленіемъ Собственной Ею Императорскаго Величества Канцеляріи. С. П. Б. 1831 II. 391, 398, 399, 402, 403, 404, 406.

(²²⁴) Договорная записъ, состоявшаяся по этому случаю, между Россійскимъ и Голштинскимъ дворами, въ Декабрѣ 1634 года, напечатана въ *Актахъ Историческихъ*, изданныхъ Археографическою Комисіею (Т. III. стр. 329—332).

(²²⁵) Вотъ содержаніе этой грамоты, выписанное изъ хранящихся въ Московскомъ Главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, дѣлъ Голштинскаго Двора № 2-й: «Бога всемогущаго и во всѣхъ всяческая дѣйствующаго и утѣшенія благая всѣмъ человѣкомъ дарующаго, того въ Троицѣ славимаго и во единствѣ поклоняемаго Бога нашего милостію и властію, силою и дѣйствомъ и благоволеніемъ, Богомъ избранный, христьянскій содержаще скипетръ православія, во осмотрѣніе и во обдержаніе великаго Російскаго царствія и многихъ прибылыхъ государствъ и съ Божіею помощію соблюдать мирно и безмятежно на вѣки. Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи Самодержца, Владимирскаго, Московскаго, Новгородскаго, Царя Казанскаго, Царя Астраханскаго, Царя Сибирскаго, Государя Псковскаго и Великаго Князя Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятскаго, Болгарскаго и иныхъ Государя и Великаго Князя Новагорода, Низовскіе земли, Рязанскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Бѣлозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кондинскаго и всея сѣверныя страны Повелителя и Государя Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ Государя и обладателя, велеможному Ѳредерику, наслѣднику Норвецкому, Арцуху Шлезвицкому, Голстенскому, Стормарскому и Дитмарскому, Графу Олденбургскому и Делменгорскому любительное поздравленіе. Присылалъ еси къ нашему Царскому Величеству пословъ своихъ Ѳилипуса Крузіюса думного судебного чину да Отто Брюгмана съ грамотою, и мы Великій Государь посломъ Вашимъ велѣли быти у насъ Великаго Государя на посолствѣ вскорѣ и посолства ихъ выслушали и грамоты твои велѣли принять и выслушали милостиво и любительно; и что послы ваши, будучи у насъ на посолствѣ, говорили, поздравляючи насъ Великаго Государя на нашихъ великихъ государствахъ Російскаго Царствія, и мы Великій Государь отъ Вашего Велможства пріимаемъ въ любовь. А что еси къ Нашему Царскому Величеству писалъ и послы твои говорили, что ты Ѳредерикъ Князь,

по совѣту съ велможною съ Свѣйскою Королевою Христиною, къ нашему Царскому Величеству пославъ ихъ пословъ своихъ и нашемубъ Царскому Величеству по прошенью Вашему у пословъ Свѣйскіе Королевы и у твоихъ, рѣчей ихъ велѣти выслушати и во всемъ имъ вѣрити, какъ бы вамъ самимъ и доброй отвѣтъ на то учинить и мы Великій Государь Свѣйскіе Королевы Христины и твоимъ посломъ велѣли быти въ отвѣтъ нашего Царскаго Величества у бояръ и дѣлъ ихъ, о чемъ отъ Васъ съ ними наказано, велѣли у нихъ выслушати. И послы твои будучи съ бояры нашими и съ думными людьми при послѣхъ Свѣйскіе Королевы Христины говорили и просили у насъ Твоимъ словомъ Голстенскимъ: твоимъ торговымъ людямъ въ Персиду ходу для торговаго промыслу. И по нашему Государскому изволенью, какъ тому быти годно, бояри наши и думные люди съ послы твоими о Персицкомъ ходу и о торговлѣ договорились и письмо нашимъ бояромъ и думнымъ людямъ на ту торговлю послы ваши дали за своими руками и за печатями; а хотѣли къ нашему Царскому Величеству на тое Персидскую торговлю и почему Вашимъ торговымъ людямъ Голштенскіе земли компаніи отъ тое торговли давати въ нашу Царскаго Величества казну ефимковъ привести свидѣтельствованную и утвержденную грамоту за своею рукою и за печатью. А тобъ тебѣ Велеможному Оредерику князю вѣдати, что той торговли въ Персиду прежь того прошали у насъ и иные Государи и ихъ подданные, и мы Великій Государь дати имъ не произволили; и тебѣбъ Оредерику Князю наша Царскаго Величества любовь и доброе пріятельство вѣдати и тому, что въ отвѣтъ говорили бояре наши и думные люди и письмо па тѣ рѣчи дали, вѣрити, и на ту Персидскую торговлю о казнѣ, почему тѣмъ людямъ давати въ нашу Царскаго Величества казну прислать грамоту свою съ подписью твоей руки и за печатью. А какъ твои послы пріѣдутъ къ намъ съ Вашею грамотою и съ казною, и мы Великій Государь Вашимъ посломъ и Голштенской компаніи на ту Персидскую торговлю нашу Государскую грамоту, за нашею Государственною печатью дати велимъ, чтобъ къ Вамъ любовь и къ Вашимъ подданнымъ наша Государская милость о той торговлѣ и впредь была крѣпка и стоятельна. А пословъ вашихъ, пожаловавъ нашимъ Государскимъ жалованьемъ, отпустили есмя къ Вамъ, не задержавъ. Писана въ Государствіи нашего дворѣ въ царствующемъ городѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7143-го, мѣсяца Декабря 13-го дня.»

(²²⁶) Выписываемъ эту грамоту вполнѣ, изъ дѣлъ, упомянутыхъ выше, въ пр. 225.—«Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи въ Нижней Новгородѣ Воеводѣ нашему Василью

Петровичу Шереметеву да Діаку нашему Осипу Пустынникову. Присылаѣ къ намъ Голштенской Оредерикъ Князь пословъ Филипа Крузіюса да Отто Брюгмана бити челомъ и просити Голштенскимъ своимъ торговымъ людямъ черезъ наше Государство дороги въ Персиду, а оттолѣ въ Индію: и мы по прошенію Оредерика Князя Голштенскимъ его торговымъ людямъ ходъ въ Персиду дали на 10-ть лѣтъ. А по нашему указу договорилися бояре наше съ послы его, что ходити имъ въ Персиду изъ Ярославля Волгою на 10-ти кораблехъ, а корабли имъ дѣлати въ нашей землѣ, гдѣ такіе лѣса, которые къ тому дѣлу годны найдутъ, а тотъ лѣсъ покупати имъ у нашихъ людей волною торговлею а плотниковъ къ тому корабельному дѣлу къ ихъ корабельнымъ мастеромъ въ прибавку наймовать нашихъ подданныхъ охочихъ людей и наемъ имъ платити по договору съ ними волною торговлею, а отъ тѣхъ плотниковъ корабельнаго мастерства не скрывать и не таить. И били намъ челомъ Голштенскіе послы, чтобъ намъ пожаловати *велѣти имъ тѣ корабли дѣлати въ Нижнемъ Новгородѣ* у кого такіе лѣса найдутъ, а для того корабельнаго дѣла поволитибъ имъ отпустить въ Нижней Новгородъ Московскаго торговаго Нѣмчина Анца Беркова да съ нимъ 4-хъ человѣкъ своихъ Голштенскихъ людей да корабельнаго мастера. И мы, по челобитію Голштенскихъ пословъ, тѣхъ Нѣмецъ въ Нижней Новгородъ, для корабельнаго дѣла, отпустили. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Московской Нѣмчинъ Анца Берковъ съ Голштенскими Нѣмцы въ Нижней Новгородъ пріѣдутъ.... въ Нижнемъ Новгородѣ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ къ корабельному дѣлу лѣсъ пріищутъ, и выбъ имъ тотъ лѣсъ у тѣхъ людей.... и корабли дѣлати велѣли и плотниковъ имъ нашихъ охочихъ людей къ тому корабельному дѣлу къ ихъ мастеромъ въ прибавку наймовать волно позволили.... Писана на Москвѣ лѣта 7143 го Декабря въ 22 день.»—Мѣста, означенныя точками, отъ времени вытерлись.

(²²⁷) *Въ тѣхъ же дѣлахъ:* «143 года (1634) Декабря въ 1-й день явился въ Посольскомъ Приказѣ Нѣмчинъ, о которомъ говорили въ отвѣтѣ Голштенскіе послы, чтобъ его, нанявъ, послати для корабельнаго дѣла въ Нижней Новгородъ. А сказалъ про себя: что онъ Московскаго служилого Нѣмчина сынъ, а зовутъ его *Анцею Берковымъ*, а по русски Иваномъ; а отецъ де его Яковомъ зовутъ *Бережицкой* и онъ живетъ на Москвѣ своими дворами, жены и дѣти у нихъ есть; а изъ помѣщенъ де отецъ его въ Волгодскомъ уѣздѣ, а служить съ иноземцы; а онъ Анца съ иноземцы не служилъ, проживалъ для наученія торговаго промысла у Московскихъ и у пріѣзжихъ Нѣмецкихъ торговыхъ людей, а нанимаютъ де его Голштенскіе послы ѣхати съ Нѣмцы своими для корабельнаго дѣла въ Ниж-

ней Новгородъ. И только будетъ Государь пожалуетъ укажетъ ему у нихъ наняться и онъ у нихъ для того дѣла на полгода наймется.»

«Лѣта 7143-го Декабря въ 15-й день по Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссїи указу память Печатнику и Думному Дьяку Ивану Тарасьевичу Грамотину да Дьяку Максиму Матюшкину. Въ Иноземской Приказъ къ Боярину ко Князю Ивану Борисовичу Черкасскому да къ Дьяку къ Василью Ртищеву. Въ памяти, за твоею Максимовою приписью, написано, велѣтибъ отписать къ вамъ въ Посольской Приказъ, Московской Нѣмчинъ *Анцъ Яковлевъ сынъ Бережитцкой* въ служиломъ списку написанъ ли и Государеву службу служить ли и что ему государева жалованья помѣстной и денежной окладъ, и помѣстье за нимъ есть ли, или емлетъ Государево жалованье поденной кормъ, и что ему на день или на мѣсяць указано. И въ иноземскомъ приказѣ иноземецъ *Анцъ Яковлевъ сынъ Бережитской* въ окладныхъ книгахъ и въ служилыхъ спискахъ не написанъ и Государевы службы въ иноземскомъ приказѣ онъ не служить, а помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ не верстанъ и Государева жалованья корму ему не даютъ. Дьякъ *Василій Ртищевъ*. Справилъ *Смирка Богдановъ*.» Таково письмо прислали въ Посольской Приказъ Голштинскіе послы: Того Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русїи Самодержца и иныхъ многихъ государствъ Обладателя, Его Царского Величества Печатнику и Думному Дьяку Ивану Тарасьевичу Грамотину симъ дружно ищутъ: чтобъ царскому Величеству доложить, чтобъ его Княжескіе милости Государя *Фредерика*, наслѣдника *Норветцкого*, Арцуха *Шлезвитцкого*, Голштенского, послы и Думные *Филипусъ Крузіусъ* судебного чину, да *Отто Брюгеманъ* и подъ всѣхъ своихъ людей, для ихъ подѣму, чтобъ имъ дали 80 подводъ. А людямъ ихъ, которымъ ѣхать въ *Нижней Новгородъ* 10-ть подводъ. Имена тѣмъ людямъ, которыхъ посылаютъ въ *Нижней Новгородъ*: *Михель Кордесъ*, *Анца Берковъ*, *Корнелиусъ Юстенъ* корабельной плотникъ, *Кашперъ Зелеръ*, *Еганъ Стирпомасъ*, *Ефимъ Кранцъ*.—И противъ ихъ письма выписано изъ отвѣты.—Въ отвѣтномъ письмѣ, каково послано къ Голштенскимъ посломъ Ноября въ 7-й день написано: На 16-ю ихъ статью, что они въ письмѣ своемъ написали: покаместа они дойдутъ до Государя своего *Фредерика Князя* и имъ бы на Москвѣ своихъ людей въ то время оставить шти человекъ, которымъ идти въ *Нижней Новгородъ* и тамъ корабли дѣлать и все изготovitъ, что надобно для ихъ походу въ *Персиду*.—И на ту имъ статью по Государеву указу отъ Бояръ отвѣтъ данъ: что Царское Величество тѣмъ ихъ пословъ пожалуетъ на то имъ произволить, шти человекъ людей ихъ для корабельного ходу отпу-

ститъ велитъ на ихъ проторѣхъ и пить имъ и ѣсть свое. — И нынѣ, по письму ихъ, что они тѣмъ людямъ своимъ до Нижнего просятъ 10-ть подводъ, Государевыхъ подводъ дати, мимо прежнего Государево указу и боярского отвѣту, нельзя. — И по Государеву указу посыланъ къ посломъ говорить съ отказомъ о Нижегородскихъ подводахъ переводчикъ Иванъ Фоминъ. — И переводчикъ Иванъ Фоминъ въ Посольскомъ Приказѣ сказывалъ печатнику и Думному Дьяку Ивану Тарасевичу Грамотину да Дьяку Максиму Матюшкину: что Голштенскіе послы приказывали съ нимъ, чтобъ Государь пожаловалъ ихъ велѣлъ людямъ ихъ до Нижнего дати свои Государевы подводы, а прогоны они учнутъ ямщикомъ давати свои. — И о подводахъ въ Ямской Приказъ память послана такова: — Лѣта 7143-го Декабря въ 22-й день по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи указу, память Боярину Князю Ондрею Васильевичу Хилкову да Діакомъ Феодору Опраксину да Василью Яковлеву велѣти имъ дати отъ Москвы до Нижнего Новагорода, по челобитью Голштенскихъ пословъ, Московскому Нѣмчину Анце Беркову да Голштенскихъ пословъ Нѣмцомъ Михель Кордесу съ товарищи пяти человекъ 10-ть подводъ съ санями и съ подводники, а за тѣ подводы велѣти имати прогоны у ихъ Голштенскихъ Нѣмецъ, а изъ Государевы казны прогоновъ не давати. — Такова грамота послана о Голштенскомъ дѣлѣ и о людехъ ихъ въ Нижней.

(²²⁸) *Olearius* 2: «Le lendemain ils (les ambassadeurs) arrivèrent à Lubec, et le 8 à Travemunde, où les ambassadeurs prirent à leur service un très expérimenté Capitaine de navire, nommé *Michel Cordes*, pour s'en servir de pilote, principalement sur la mer Caspienne.» — *Тамъ же* 66: «Comme nous avons à faire le voyage de Perse, il fut jugé à propos d'envoyer *Michel Cordes* et six autres personnes de notre suite à Nise (Нижній-Новгородъ), qui est à 100 lieux de Moscou, pour y faire bâtir les navires dont nous aurions besoin, tant sur la rivière de Wolga, que sur la mer Caspienne,» *Тамъ же* 86: «*Michel Cordes*, de Lubek, Capitaine de vaisseau.

(²²⁹) Выше, въ пр. 227: «Корнеліюсъ *Юстенъ* корабельный плотникъ, а у Олеарія, на стр. 86: *Corneille Iosten*, de Schmaland en Suède, maître charpentier du vaisseau».

(²³⁰) См. выше, въ пр. 227.

(²³¹) Въ дѣлахъ, упомянутыхъ выше, въ пр. 225, хранятся:

а) Царская грамота въ Нижній Новгородъ Воеводѣ Шереметеву и Дьяку Пустынникову. «Отъ Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи въ Нижней-Новгородъ Воеводѣ нашему Василью Петровичу Шереметеву да Діаку нашему Осипу Пустынникову.

Писано отъ насъ къ вамъ напередъ сего, что по нашему указу договорилися Бояре наши и Думные люди съ Голштинскими послы съ Оилицомъ Крузіусомъ да съ Отто Брюгманомъ, которые были у насъ на Москвѣ, ходити Государя ихъ Голштинского Князя торговымъ людямъ въ Персиду изъ Ярославля Волгою на 10-ти кораблехъ, а корабли имъ дѣлати въ нашей землѣ, гдѣ такіе лѣса, которые къ тому дѣлу годны найдутъ, а тотъ лѣсъ по договору покупать имъ у нашихъ людей волною торговлею: и били намъ челомъ Голштенскіе послы, чтобъ намъ пожаловати велѣти имъ тѣ корабли дѣлати въ Нижнемъ Новгородѣ у кого такіе лѣса найдутъ; а для того корабельнаго дѣла поволити бѣ имъ отпустили въ Нижней Новгородъ Московского торгового Нѣмчина Анца Беркова да съ нимъ 4-хъ человекъ своихъ Голштенскихъ людей да корабельныхъ мастеровъ. И по челобитію Голштенскихъ пословъ тѣ Нѣмцы въ Нижней Новгородъ для корабельнаго дѣла отпущены. А вамъ велѣно, какъ Московской Нѣмчинъ Анца Берковъ съ Голштенскими Нѣмцы въ Нижней Новгородъ пріѣдутъ дати имъ дворъ на посадѣ, изъ найму, а кормъ имъ покупать велѣти собою, да у кого они въ Нижнемъ Новгородѣ, или въ Нижегородскомъ уѣздѣ, къ корабельному дѣлу лѣсъ приищутъ, и вамъ велѣти имъ тотъ лѣсъ у тѣхъ людей торговати и наймовати цѣною по договору съ тѣми людьми, гдѣ тѣ лѣса найдутъ и въ тѣхъ мѣстѣхъ велѣти имъ корабли дѣлати и плотниковъ имъ нашихъ охочихъ людей къ тому корабельному дѣлу, къ ихъ мастеромъ въ прибавку, наймовати поволити; а наемъ имъ велѣти давати по договору съ ними, какъ съ кѣмъ договорятся. И нынѣ намъ вѣдомо учинилось, что Голштенскіе Нѣмцы въ Нижнемъ Новгородѣ кораблей по договору не дѣлаютъ, а въ заводѣ де у нихъ нынѣ только одинъ корабль, и выбѣ Московского Нѣмчина Анца Беркова и Голштенскихъ Нѣмецъ, которые съ ними пріѣхали въ Нижней для корабельнаго дѣла, допросили сами: для чего они кораблей, сколько имъ по договору къ Персидскому ходу велѣно дѣлать нынѣ не дѣлаютъ, по своему ли произволу, или по приказу Голштенскихъ пословъ; да будетъ они скажутъ, что велѣно имъ по Посольскому приказу дѣлати для Персидского хода по договору, и выбѣ имъ по прежнему нашему указу велѣли тѣ корабли для Персидского хода, по посольскому договору, въ Нижнемъ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ дѣлать. Да что они вамъ про то корабельное дѣло скажутъ и выбѣ о томъ къ намъ отписали тотчасъ, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Писанъ на Москвѣ лѣта 7133 (1645) Марта въ 15 день ».

б) Отписка Шереметева и Пустынникова. «Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи холопи твои Вас-

ка Шереметевъ, Осипко Пустынниковъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 143 году Апрѣля въ 20 день, въ твоей Государевѣ и Царевѣ и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи грамотѣ писано намъ холопомъ твоимъ: что по твоему Государеву указу договорились твои Государевы Бояре и Думные люди съ Голштенскими послы съ Ѳилипомъ Крузіусомъ да съ Отто Брюгманомъ которые были у тебя Государя на Москвѣ, ходити Государя ихъ Голштенского Князя торговымъ людямъ въ Персиду изъ Ярославля Волгою на 10 кораблѣхъ, а корабли имъ дѣлати въ Твоей Государевѣ землѣ, гдѣ такіе лѣса, которые къ тому дѣлу годны найдутъ, а тотъ лѣсъ по договору, покупати имъ у Твоихъ Государевыхъ людей волною торговлею. И били челомъ Тебѣ Государю Голштенскіе послы, чтобы Ты Государь, пожаловалъ велѣлъ имъ тѣ корабли дѣлати въ Нижнемъ Новѣгородѣ у кого такіе лѣса найдутъ, а для того корабельного дѣла поволити имъ отпустить въ Нижней Новгородъ Московского торгового Нѣмчина Анца Беркова да съ нимъ 4-хъ человекъ своихъ Голштенскихъ людей да корабельныхъ мастеровъ. И по челобитію, Государь, Голштенскихъ пословъ тѣ Нѣмцы въ Нижней Новгородъ для корабельнаго дѣла отпущены; а велѣно намъ холопомъ твоимъ какъ Московской Нѣмчинъ Анца Берковъ съ Голштенскими Нѣмцы въ Нижней Новгородъ пріѣдутъ, дати имъ дворъ на посадѣ, изъ найму, а кормъ имъ покупати велѣно собою; да у кого, Государь, они въ Нижнемъ Новѣгородѣ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ къ корабельному дѣлу лѣсъ приищутъ, и намъ бы холопомъ твоимъ велѣти имъ тотъ лѣсъ у тѣхъ людей торговати и наймовати цѣною, по договору съ тѣми людьми, гдѣ тѣ лѣса найдутъ и въ тѣхъ мѣстѣхъ велѣти имъ корабли дѣлати и плотниковъ имъ Твоихъ Государевыхъ охочихъ людей къ тому корабельному дѣлу къ ихъ мастеромъ, въ прибавку, наймовати поволити, а наемъ имъ велѣти давати по договору съ ними, какъ съ кѣмъ договорятся. И нынѣ Тебѣ Государю, вѣдомо учинить, что Голштенскіе Нѣмцы въ Нижнемъ Новѣгородѣ кораблей по договору не дѣлаютъ, а въ заводѣхъ у нихъ только одинъ корабль. И намъ бы холопомъ Твоимъ Московского Нѣмчина Анца Беркова и Голштенскихъ Нѣмецъ, которые съ нимъ пріѣхали въ Нижней для корабельнаго дѣла допросити: для чего они кораблей, сколько имъ, по договору къ Персидскому ходу, велѣно дѣлать, нынѣ не дѣлаютъ, по своему ли произволу или по приказу Голштенскихъ пословъ, а время уже кораблемъ спѣетъ близко; да будетъ, Государь, они скажутъ, что велѣно имъ по посольскому приказу дѣлати корабли для Персидского ходу, по договору, и намъ бы холопомъ твоимъ по прежнему твоему Государеву указу велѣти имъ тѣ корабли для Персидского ходу, по

посольскому договору, въ Нижнемъ и въ Нижегородскомъ уѣздѣ дѣлать по договору съ тѣми людьми, гдѣ такіе лѣса найдутъ; да что Государь, они намъ холопомъ Твоимъ про то корабельное дѣло скажутъ, и намъ бы холопомъ Твоимъ о томъ къ тебѣ Государю отписать тотчасъ, чтобъ тебѣ Государю про то было вѣдомо. И по твоей Государевѣ грамотѣ мы холопи твои о корабельномъ дѣлѣ Московского Нѣмчина Анца Беркова и Голштенскаго Нѣмчина Михель Корца допрашивали. И въ роспросѣ Голштенской Нѣмчинъ Михель Корцъ сказалъ намъ холопомъ твоимъ: что по приказу Голштенскихъ пословъ дѣлаетъ онъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ одинъ корабль, писали де къ нему Михелю въ Нижней о томъ Голштенскіе послы и велѣли ему сдѣлать одинъ корабль, а впередъ ко 144-му году велѣли на достальныя на всѣ корабли лѣсъ готовить; а въ нынѣшнемъ де во 143-мъ году идти въ Персиду Голштенскимъ посломъ на одномъ кораблѣ, для ради посольства, а не съ торгомъ и для Персидскаго ходу одинъ корабль нынѣ у него поспѣетъ, а на достальныя корабли впередъ ко 144-му году учнетъ лѣсъ готовить. А Московскій Нѣмчинъ Анцъ Берковъ сказалъ: что о корабельномъ дѣлѣ отъ Голштенскихъ пословъ приказъ весь Голштенскому Нѣмчину тому Михель Корцу, а онъ Анцъ посланъ съ нимъ ради толмачества.»

(²³²) Доказательствомъ служатъ слѣдующіе три акта, выписанные изъ дѣлъ, показанныхъ въ пр. 223:

а) Отписка къ Государю Шереметева и Пустынникова, посланная въ Іюнь 1635 года. «Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи холопи твои Васка Шереметевъ и Осипко Пустынниковъ челомъ быють. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 143-мъ году Іюня въ 15 день въ Съѣзжей Избѣ Московской иноземецъ толмачъ Иванъ Берковъ подалъ намъ холопомъ твоимъ явку Голштенскіе земли на иноземца на Михаила Корца, которой присланъ къ корабельному дѣлу, что де тотъ Михайло его Ивана отъ корабельнаго дѣла отослалъ и похваляется его Ивана убить и плотникомъ де корабля додѣлывать Михайло не велить. А Іюня, Государь, въ 20 день на Московскаго иноземца на толмача Ивана Беркова Голштенскіе земли иноземецъ Михайло Корцъ подалъ намъ холопомъ твоимъ челобитную да роспись, чтобъ, Государь, по его Михайловѣ челобитной и по росписи толмача Ивана распросити и рѣчи его записать. И мы холопи Твои по той Михайловѣ челобитной и по росписи толмача Ивана въ Съѣзжей Избѣ роспрашивали, а что, Государь, въ роспросѣ намъ холопомъ Твоимъ Иванъ сказалъ, рѣчи его велѣли записать. Да послѣ, Государь, роспросу, Іюня въ 26-й день, Московской иноземецъ толмачъ Иванъ же Берковъ подалъ намъ холопомъ Твоимъ челобитную Голштенскіе земли на иноземца на Михаила

Корца, чтобъ по челобитной его Ивановъ распросити его Михайла. И мы холопи твои иноземца Михайла Корца въ Съѣзжей избѣ къ роспросу ставили, и Михайло Корцъ, не слушавъ челобитные, намъ холопомъ Твоимъ сказалъ: что онъ Михайло по челобитной, какову на него подавъ толмачъ Иванъ ни про что отвѣту не дастъ, потому что у Голштенскихъ де пословъ тотъ толмачъ Иванъ наемной, а ему Михайлу подданной, и буде какое дѣло есть ему Ивану до него Михайла, и онъ де Иванъ бей челомъ на него Михайла Голштенскимъ посломъ. И мы холопи Твои Московского толмача Ивана явку, и челобитную и Голштенскіе земли иноземца Михайла Корца на толмача Ивана челобитнуюжъ и роспись и толмачовы Ивановы распросныя рѣчи, за ихъ руками послали къ Тебѣ Государю къ Москвѣ съ сею отпискою вмѣстѣ Іюня въ 30 день; а на Москвѣ, Государь, отписку, и явку, и челобитныя, и роспись и распросныя рѣчи велѣли подати въ Посольскомъ приказѣ Твоему Государеву Печатнику и Думному Дьяку Ивану Тарасьевичу Грамотину да Дьяку Максиму Матюшкину.»

б) *Явка, поданная Беркомъ Шереметеву и Пустынникову, 15-го Іюня 1635 года.* «143-го Іюня въ 15 день въ Нижнемъ Новѣгородѣ, въ Съѣзжей Избѣ, Воеводѣ Василью Петровичу Шереметеву да Дьяку Осипу Пустынникову Московской иноземецъ толмачъ Иванъ Берковъ Голштенскіе земли на иноземца на Михайла Корца подавъ явку, а въ явкѣ пишетъ: Царю Государю и Великому Князю Михайлу Θεодоровичу всеа Руси бьетъ челомъ и являетъ Московской старой иноземецъ Ивашко Ивановъ сынъ Берковъ Голштенскова Князя на челоуѣка на Михайла Иванова сына Корца. Въ нынѣшнемъ, Государь, 143-мъ году по Твоему Государеву указу и по челобитью Голстинскова Князя, посланъ я Ивашко съ Москвы изъ Посольсково приказу въ Нижній Новгородъ къ корабленому дѣлу съ нимъ Михайломъ; а велѣно было Государь, вѣдати корабленое дѣло мнѣ Ивашку съ нимъ Михайломъ вмѣстѣ за одно. И нынѣ Государь, меня Ивашка тотъ Михайло отъ корабелново дѣла отбилъ прочь и съ чеканомъ за мною Ивашкомъ тотъ Михайло трожды гонялся и изъ пищади похваляется убить и въ корабленомъ дѣлѣ ни въ чемъ съ собою мнѣ Ивашку тотъ Михайло вѣдати не даетъ; и нынѣ, Государь, тотъ Михайло плотникомъ корабля додѣлывати не велить и самъ къ корабленому дѣлу не ѣздитъ, а въ записяхъ, Государь, и во всякихъ крѣпостяхъ я Ивашко съ нимъ Михайломъ написанъ. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Θεодоровичъ всеа Руси смилуйся, вели, Государь, мое челобитье и явку записать, чтобы мнѣ отъ плотниковъ, которые дѣлаютъ корабль и по записемъ и по всякимъ крѣпостямъ въ убыткахъ въ ко-

нецъ не погибнуть. Царь, Государь, смилуйся пожалуй!» На оборотъ сей явки помѣчено: «143-го Іюня въ 15 день Воеводѣ Василю Петровичу Шереметеву, да Дьяку Осипу Пустынникову подалъ явку иноземецъ Иванъ Ивановъ сынъ Берковъ.» *Подписано: Діакъ Осипъ Пустынниковъ.*

в) *Челобитная Государю отъ Кордеса, поданная 20-ю Іюня 1635 юда.* «А Голстинскія земли иноземецъ Михайло Корцъ въ Сѣзжей Избѣ Воеводѣ Василю Петровичу Шереметеву да Діаку Осипу Пустынникову подалъ челобитную да роспись за своею рукою, а въ челобитной и въ росписи написано: Царю Государю и Великому Князю Михайлу Ѳеодоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ Голстинскіе земли корабельникъ Михайло Ивановъ сынъ Корцъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 143-мъ году, по Твоему Государеву указу присланъ со мною съ Москвы въ Нижней Новгородъ толмачъ Московской иноземецъ Иванъ Ивановъ сынъ Берковъ для корабленова дѣла. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи, пожалуй, вели для Государя моего Голстинского Князя въ Нижнемъ Новгородѣ воеводѣ Василю Петровичу Шереметеву, Дьяку Осипу Пустынникову ево Ивана Беркова противъ моево челобитья и росписи роспрошати и рѣчи ево записать. Царь, Государь, смилуйся пожалуй!» На оборотѣ сей челобитной помѣчено: «143-го Іюня въ 20 день подалъ иноземецъ корабленой мастеръ Михайло Корцъ.»

(²³³) Olearius. 392: «le vaisseau n'était pas encore entièrement achevé; parceque les charpentiers Moscovites, que le Capitaine avait employez à cet ouvrage, avaient assés mal secondé ses bonnes intentions.» Олеарій обвиняетъ въ замедленіи работъ Русскихъ мастеровыхъ, но едва ли это справедливо, судя по явкѣ Кордеса, помѣщенной выше, въ пр. 232.

(³²⁴) Olearius 392—393. «Nous nous rendimes d'abord sur le nommé Frederic, que nous avons fait bâtir par le Capitaine Michel Cordes.... Ce bâtiment étoit fait de bois de sapin, et avait six vingts pieds de long sur quarante de large, ayant trois mats et le fond si plat, qu'il ne prenoit que sept pieds d'eau. Son château étoit composé de plusieurs chambres et cabinets, pour la commodité des Ambassadeurs et des Officiers et Gentilshommes de leur suite. Il y avoit aussi sur le navire plusieurs pièces d'artillerie de fer et de fonte, quantité de poudre et de plomb, et un grand nombre de pierriers, de grenades, et d'autres armes à feu propres pour repousser, en cas de besoin, les insultes des *Tartares* et autres brigands. Et comme nôtre dessein étoit de nous en servir principalement sur la rivière de *Wolga*, qui est pleine de bancs et de sables mouvans-on l'avoit fait bâtir de telle sorte, que faute de vent il pouvoit auss;

aller à la rame; et pour cet effet nous l'avions fait faire de douze bancs à deux rames chacun. Nous avons aussi fait faire une double chaloupe, pour servir de décharge au navire dans les lieux où il prendroit fonds, pour porter les ancres, les cables, les voiles, et autres choses, dont nous pouvions avoir besoin dans ce grand voyage, et pour découvrir dans la mer Caspienne les bancs et les sables mouvans qui pourraient l'arreter ou le faire échouer.

(²³⁵) О Кордесѣ см. выше, пр. 228, а объ экипажѣ и пассажирахъ *Olearius* 82—87 и 142.

(²³⁶) *Olearius*, 394. «Le 24 Juillet les ambassadeurs envoyèrent le Sieur de Mandelslo leur escuyer et moi avec Jean Arpenbec notre truchement et Moscovite et nos Pristafs, au Weiwode ou Gouverneur, pour le remercier des bons offices, qu'il avait rendu à nos gens, durant le séjour qu'ils avaient fait dans la ville depuis un an qu'on y travaillait au navire.

(²³⁷) Тамъ же. 397—451.

(²³⁸) Тамъ же. 464.

(²³⁹) Тамъ же. 476—507.—Извлеченіе изъ этого любопытнаго сочиненія, обработанное г. Соколовымъ, помѣщено въ *Морскомъ Сборникѣ*, XI, Часть учено-литературная. 157—173. См. еще *Adelung*. II. 29—306, гдѣ исчислены всѣ изданія Олеаріевыхъ путешествій.

(²⁴⁰) Въ *Предисловіи*, стр. 5, о содержаніи седьмой книги.

(²⁴¹) *Карамзинъ*. VI. 93—94. Упоминаемое Карамзинымъ путешествіе Контарини помѣщено, въ Русскомъ переводѣ и въ Италіанскомъ текстѣ, въ книгѣ: *Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи* С. П. Б. 1836.

(²⁴²) *Карамзинъ*. IX. 133—135.

(²⁴³) Тамъ же. 417.

(²⁴⁴) Тамъ же. X. 9.

(²⁴⁵) Тамъ же. 191—196.

(²⁴⁶) Тамъ же. XI. 58—67.

(²⁴⁷) Тамъ же. XII. 43.

(²⁴⁸) *Энцикл. Лекс.* V. 175: «Слово это производится нѣкоторыми отъ Халдейскихъ: *Behe Zaag*, что значитъ господствующій надъ ядомъ. Названіе безоаръ даваемо было каменистымъ, округленнымъ сроскамъ, образующимся въ желудкѣ и другихъ частяхъ кишечнаго канала разныхъ животныхъ, по составу своему уподобляющимся костяному веществу, съ примѣсю фосфорнокислой магнезии, амміака и смолы. Древніе врачи приписывали безоарамъ чудесныя цѣлебныя свойства.»

(²⁴⁹) *Кильбургеръ*: *Краткое извѣстіе о Русской торговлѣ*. Пер. съ Нѣм. Д. И. Языкова. С. П. Б. 1820 стр. 122—130. На Нѣмецкомъ

языкъ это любопытное сочиненіе помѣщено въ *Büschings Magazin für die neue Historie und Geographie* III. 245—338.

(²⁵⁰) Полн. Собр. Закон. Росс. Имн. I. 603. № 366.

(²⁵¹) Тамъ же. 692—697, №№ 409 и 410.—*Кильбурьеръ*. 124—125.

(²⁵²) Дополн. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 226: «Указали мы великій государь дѣлать, для всякихъ отпусковъ на Хвалынскомъ морѣ корабли.» Тамъ же 228: «Указалъ великій государь дѣлать для отпусковъ на Хвалынское море корабли.»

(²⁵³) Полн. Собр. Закон. Росс. Им. I. 167. № 9.

(²⁵⁴) Кошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. С. П. Б. 1840. 85.—*Древн. Росс. Вивл.* XX. 345.

(²⁵⁵) Дополн. къ Акт. Истор. Арх. Комм. V. 211.

(²⁵⁶) Мы имѣемъ нѣсколько жизнеописаній Ордина Нащокина. Самое полное помѣщено въ сочиненіи Г. Терещенки: *Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи.* С. П. Б. 1837. I. 31—68.

(²⁵⁷) Терещенко. I. 53, 55, 60, 61, 63 и 64.

(²⁵⁸) Акты Археогр. Эксп. IV. 187: «на Дѣдиловѣ шесть сотъ сошниковъ.»—*Щекатовъ*. II. 327: «Дѣдиново или Дѣдново, село Московской губерніи, въ уѣздѣ города Коломны, разстояніемъ отъ онаго въ 23 верстахъ, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Оки. Здѣсь строятся почти все суда и струги, которыми ходъ бываетъ по Окѣ вверхъ и внизъ, даже до Астрахани, и коими наипаче хлѣбъ изъ верховыхъ мѣстъ въ Москву привозится. Было оно изстари Дворцовымъ селомъ, снабжавшимъ Дворъ рыбою, но въ 1762 году пожаловано Генераль-Поручику и Кавалеру Михайлѣ Львовичу Измайлову. Пространство онаго села вдоль по рѣкѣ Окѣ занимаетъ 5 верстъ. Къ оному принадлежитъ приселокъ Клинь, разстояніемъ отъ крайнихъ Дѣдиновскихъ жилищъ на 5 верстъ, внизъ по рѣкѣ, при устьѣ рѣки Цны, Владимірскую губернію отъ Коломенской округи раздѣляющей. Въ обоихъ находится, по подушнымъ переписямъ, 2398 чело-вѣкъ мужеск. и 2460 женск. душъ.» Въ дальѣйшемъ описаніи Дѣдинова Щекатовъ ошибается, говоря, что тамъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, Голштинцы строили свой корабль, для Каспійскаго моря, и что тамъ же построенъ былъ знаменитый ботикъ, прозванный *Дѣдомъ Русскаго флота*. Послѣдній былъ привезенъ изъ за-границы. — Нынѣ село Дѣдново находится въ Рязанской губерніи, на границѣ Зарайскаго уѣзда съ Георгіевскимъ. — Описываемое здѣсь село не должно смѣшивать съ городомъ *Дѣдиловымъ*, часто упоминаемымъ въ нашихъ лѣтописяхъ и упраздненнымъ въ 1777 году (*Щекатовъ* V. 326—7). По *Книгѣ Большому Чертежу* (стр. 2, 40; 114—115), и по *Геогр. Лексикону*

Полунина (стр. 80) городъ сей находился въ 20, а по Шекатову (стр. 326) въ 33 верстахъ. Онъ стоялъ на р. Живоронѣ, впадающей, выше Тулы, въ р. Упу.

(²⁵⁹) Килбурьеръ. 148.

(²⁶⁰) Дополн. къ Акт. Истор. Арх. Комм. V. 211—218, 231—233.

(²⁶¹) Тамъ же. 252. Привезенные Фанъ Сведеномъ инструменты были: 232 бурава разной величины, 5 наугольниковъ, 24 прямыя пилы разной величины, 24 круглыя пилы, 113 долотъ, 6 пазниковъ, 16 струговъ, 25 скобелей, 2 размѣра или лекала корабельныхъ деревъ, 6 мѣдныхъ размѣровъ или циркулей, 12 желѣзныхъ циркулей, 8 желѣзныхъ обручей, 2 клещей, 12 веревочныхъ размѣровъ (для толщины), 4 молота и 2 желѣзныхъ подъема или домкрата.

(²⁶²) Тамъ же. 218, 231 и 233. Въ сочиненіи: *Scheltema Rusland en de Nederlanden. Amsterdam 1817. I. 287*, Бутлеръ названъ племянникомъ Фанъ Сведена (*neef van Van Sweeden*).

(²⁶³) Тамъ же. 211—216.

(²⁶⁴) Допол. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 211.

(²⁶⁵) Тамъ же. 218.

(²⁶⁶) Тамъ же. 212.

(²⁶⁷) Тамъ же 218.

(²⁶⁸) Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностран-ныхъ Дѣлъ, въ дѣлахъ о выпздахъ иностранцевъ въ Россію подъ 1649 годомъ № 5, находится слѣдующее прошеніе Буковена къ Царю Алексѣю Михайловичу: «Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Руси. Бьетъ челомъ холопъ твой Капитанъ Корнилко фанъ-Буковень. Въ прошломъ, Государь, въ 156 году при-халъ я холопъ твой изъ Голандскія земли съ твоимъ Государевымъ Бояриномъ съ Илею Даниловичемъ Милославскимъ къ тебѣ Государю къ Москвѣ служить тебѣ Государю, вѣрою и правдою. И въ нынѣш-немъ Государь, во 157 году будетъ женишка моя и съ дѣтишками изъ Голандскіе земли къ Архангельскому городу, а она, Государь, человекъ чужеземецъ, Рускова языка не знаетъ, проводить ее къ Москвѣ некому. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алек-сѣй Михайловичъ всеа Руси! пожалуй меня холопа своего, вели Го-сударь, меня отпустить по женишку мою къ Архангельскому го-роду и вели, Государь, мнѣ дать свое Царское жалованье корму впредь на четыре мѣсяца для подмоги и подводку подъ меня и подъ женишку мою и подъ дѣтишекъ, сколько ты, Государь укажешь. Царь, Государь, смилуйся пожалуй.» — Стрейсъ въ описаніи своихъ путешествій, на стр. 146, пишетъ фамилію Буко-вень — *Boukhoven*. Берхъ, въ своемъ сочиненіи: *Царствование Царя Алексѣя Михайловича, 1831. I. 250 — 251*, ошибается, принимая

вездѣ Буковена за Бутлера.—Въ извѣстномъ Дневникѣ Генерала Гордона, изданномъ Г. Поссельтомъ, въ Нѣмецкомъ переводѣ, подѣ заглавіемъ *Tagebuch des Generals Gordon. I. S. P. B. 1849 стр. 304, 315, 320, 322, 362, 533, 544 и 665*, нѣсколько разъ говорится о Полковникѣ Корниліи Бокговенѣ (*Cornelius von Bockhoven*), убитомъ въ 1678 году, при оборонѣ Русскими Чигирина противъ Турокъ. По времени, по сходству въ имени и по сходству въ фамиліи, можно было бы думать, что это одно лицо, съ вышеупомянутымъ, но кажется, тутъ два лица разныя. Бокговенъ, упоминаемый Гордономъ, былъ родомъ изъ Англіи (*Gord. I. 393 и 666*), а Буковенъ, рекомендованный Сведеномъ,—изъ Голландіи. При этомъ случаѣ неизлишне указать на опечатку, вкравшуюся въ 5 строку 666 страницы III Тома *Gordon's Tagebuch*: вмѣсто 1662 гола показанъ 1667. Сравн. того же тома стран. 315, внизу.

(269) Допол. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 218—220.

(270) Тамъ же. 220—221.

(271) Тамъ же. 222—225.

(272) Кильбурьеръ. 160—170. Гамель. Описаніе Тульскаго Оружейнаго Завода. М. 1826. 1—26.—Кильбурьеръ. 160—Доп. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 389—401.—Г. Гамель пишетъ Марселіусъ, но въ Государственныхъ актахъ его называютъ вездѣ Марселисъ. У Кильбургера также *Marselis*. Въ Царскихъ указахъ ему писалось: «Иноземцу Петру Гавриловичу Марселису».

(273) Долн. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 226, 227 и 248.

(274) Тамъ же. 227.

(275) Тамъ же. 228 и 248, гдѣ имена вновь нанятыхъ иноземцевъ нѣсколько переименованы.

(276) Тамъ же. 228—229 и 230.

(277) Тамъ же. 229—230.

(278) Тамъ же. 235—237.

(279) Тамъ же. 238 и 249.

(280) Тамъ же. 230 и 249.

(281) Тамъ же. 230.

(282) Тамъ же. 236 и 250.

(283) Тамъ же. 235 и 249.

(284) Тамъ же. 237 и 250.

(285) Тамъ же. 249.

(286) Тамъ же. 250.

(287) Тамъ же. 254.

(288) Тамъ же. 236 и 250.

(289) Тамъ же. 236, 249 и 250. Въ памяти, посланной 30-го Октября 1667 года въ приказъ Большаго Дворца, велѣно села Дѣди-

нова всѣмъ плотникомъ уговариватца безо всякаго опасенья, а наемъ имъ будетъ безъ убавки, а въ неволю на нихъ корабельное дѣло покинуто не будетъ, и ссорнымъ бы людямъ не вѣрили..

- (²⁹⁰) Тамъ же. 256.
(²⁹¹) Тамъ же. 250.
(²⁹²) Тамъ же. 251.
(²⁹³) Тамъ же. 239, 250 и 251.
(²⁹⁴) Тамъ же. 238—239.
(²⁹⁵) Тамъ же. 239—241, 251—252.
(²⁹⁶) Тамъ же. 252.
(²⁹⁷) Тамъ же. 241—242, 251 и 252.
(²⁹⁸) Тамъ же. 242, 252 и 253.
(²⁹⁹) Тамъ же. 242—247, 252—254.
(³⁰⁰) Тамъ же. 252.
(³⁰¹) Тамъ же и также стр.
(³⁰²) Тамъ же. 254.
(³⁰³) Тамъ же. 256.
(³⁰⁴) Тамъ же. 254.
(³⁰⁵) Тамъ же. 256 и 257.
(³⁰⁶) Тамъ же. 258—259.

(³⁰⁷) Терещенко. I. 57—64. Къ сожалѣнію, сочинитель не указываетъ откуда онъ почерпнулъ письмо Ордина-Нащокина.

(³⁰⁸) Дополн. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 262. О послѣдовавшей около этого времени смерти Фанъ-Сведена должно заключить изъ состоявшагося 24 Мая 1669 года указа, по которому, въ слѣдствіе челобитной Голландца Гельта и нѣкоторыхъ его товарищей, велѣно было взыскать 142 рубля 20 алтынъ, съ вдовы Сведена и дѣтей ея. См. Дополн. къ Акт. Истор. Арх. Комм. V. 286.

(³⁰⁹) Въ Доп. къ Акт. Ист. V. 263, помѣщенъ списокъ всѣмъ этимъ лицамъ, но онъ совершенно невѣренъ, будучи искаженъ, въ свое время, тѣми, которые составляли изъ подлинныхъ бумагъ, напечатанныхъ въ этомъ изданіи, перечень дѣла о строеніи судовъ въ селѣ Дѣдиновѣ. Мы заимствовали нашъ списокъ: 1) изъ договорныхъ статей поименованныхъ 13-ти Голландцевъ, при наймѣ ихъ въ Русскую службу, 2) изъ отписки къ Царю Алексію Михайловичу Псковскаго воеводы Великаго-Гачина о пріѣздѣ въ Псковъ Бутлера съ товарищами, 3) изъ допроса, учиненнаго имъ въ Посольскомъ Приказѣ, и изъ другихъ бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ заглавіемъ: «Выльзды иностранцевъ въ Россію, 1668—1669. № 42-й.» При этомъ приводимъ и заимствованныя изъ этихъ дѣлъ договорныя записи:

а) *Давыда Ботлера.* «Объявляется при семъ, что Давыдъ Ивановъ сынъ Будлеръ нанялся въ службу его Царскаго величества и чрезъ Ивана Фанъ-Сведена именемъ его царского величества укрѣпился, что его царскому величеству служить на морѣ Хвалынскомъ капитаномъ и кормщикомъ генераломъ, и надъ людьми ему, которые къ тому дѣлу въ службу его Царскаго величества наймутца, вѣрно владѣти и межъ ими какъ пристойно разрезать; также общаетца людей къ тому дѣлу годныхъ наймовати, и все что къ тому надобно на его Царскаго величества искупити и къ кораблю изготовити; а понеже онъ Давыдъ Ивановъ сынъ былъ во многихъ краѣхъ свѣта и умѣетъ говорить различными языки, и его царскому величеству ему служить во всякихъ прилучающихся статьяхъ на морѣ и гдѣ его царское величество изволитъ послать; также общаетца: какъ ему укажутъ ѣхать къ Москвѣ, и ему неотложно ѣхати.—1) Ему Давыду Иванову сыну Будлеру дано будетъ за его службу всякой мѣсяцъ по 100 гуldenовъ Галанскихъ, а начнутца кормовые мѣсяцы Марта съ послѣднихъ числъ сего 1667 году; и быть ему въ той службѣ 4 года.—2) Всѣ мѣсячныя деньги сполна заплачены будутъ въ Амстрадамъ чрезъ Ивана Фанъ-Сведена тѣмъ людямъ, которымъ онъ Давыдъ прикажетъ; за которое дѣло онъ Иванъ Фанъ-Сведенъ емлетца, и ко утвержденью того ручаетца по немъ Исакъ Руцъ, Андрей Ортманъ и Микулай Фанъ-Торъ.—3) Дано будетъ при подписаніи сего письма ему Давыду кормовыхъ денегъ на 6 мѣсяцовъ; которые деньги онъ сказываетъ принялъ, и тѣхъ денегъ три мѣсяцы зачтутся ему въ его кормовые денги, а другіе три мѣсяцы даны будутъ въ подарокъ женѣ его.—4) Въ тѣхъ четырехъ годѣхъ даны ему будутъ его кормовые деньги сполна по то время, какъ пріѣдетъ паки въ Амстардамъ; и тѣмъ временемъ онъ свободенъ будетъ отъ всякихъ харчей провозныхъ кормовыхъ, пищи и питья, и въ Амстардамъ свободенъ отъ всего того поставится.—5) Пріѣхавъ въ службу его царского величества и служа какимъ случаемъ потонетъ, или убитъ будетъ, чего Богъ сохрани, и тогда женѣ его вдовѣ дано будетъ, сверхъ его оставленныхъ пожитковъ и кормовыхъ денегъ, кормовыхъ денегъ на 12 мѣсяцовъ.—6) Похотѣлъ онъ Давидъ жену свою и дѣти его царского величества въ государство привезти, то будетъ на харчахъ его царского величества, и помимоществіѣ его урочныхъ 4 лѣтъ паки со всѣмъ, кромѣ всякихъ харчей, въ Галандскую землю поставленъ будетъ; а въ Московскомъ государствѣ жить ему съ женою и съ дѣтьми на своихъ проторяхъ.—7) Случится ему заболѣти, и его какъ достойно надсматривать, и приставить доктура или лекаря и давати ему что требно будетъ, какъ въ христіанахъ

обычай есть.—8) Долженъ будетъ онъ Давидъ ѣхати въ тое страну, гдѣ его царского величества изволеніе будетъ, и въ чину своемъ ему Давыду царскому величеству служить вѣрно, и стояти ему противъ всякихъ его царского величества непріятелей, какъ водянымъ, такъ и сухимъ путемъ. Обѣщаетъ онъ Давидъ крѣпко, что быть ему въ томъ во всемъ вѣрну, какъ честному человѣку достойтъ. Се написано при свидѣтеляхъ при Петрѣ Говерденѣ да Исакѣ Исаковѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, 1667 году, въ Амстрадамѣ.—Давидъ Иванъ сынъ Будлеръ. Исакъ Руцъ порука. Гендрикъ Ортманъ порука. Николасъ фан-Торъ порука. Петръ Говердъ свидѣтель. Исакъ Исаковъ свидѣтель.»

б) *Яна Алберта*. «Нанялся на 4 года служить корабельнымъ кормищикомъ и писаремъ на проторяхъ, харчахъ и подводахъ Великаго Государя, со всею своею рухлядью поставленъ будетъ до корабля, такимъ же образомъ поставленъ будетъ до Амстрадама, все на проторяхъ Великаго Государя; и во всѣхъ записяхъ также обѣщано ему и договорено давать отъ мѣста кормовыхъ денегъ на всякой мѣсяцъ по 65 гулденовъ Голландскихъ. Будетъ заболить, и ему кормовыя деньги давать же, а умереть и ему съ того числа давать кормовыхъ денегъ на 6 мѣсяцовъ, и тѣ деньги отданы будутъ женѣ его и сродичамъ.—Нынѣ напередъ дано денегъ кормовыхъ на 4 мѣсяца да въ подарокъ 50 гулденъ, а тѣ 50 гулденъ не будутъ выворачиваны. А тѣ 4 мѣсяца выварачивать изъ каждаго года по мѣсяцу. И тѣ деньги у Давыда Бутлера приняты.»

в) *Петра Бартемьса*. «Нанялся на 4 года также на проторяхъ, харчахъ и подводахъ Великаго Государя, какъ выше сего. Кормовыхъ денегъ ряжено ему на каждой мѣсяцъ по 60 гулденъ Голландскихъ денегъ. Какъ будетъ боленъ давать кормъ, а умереть кормовыхъ денегъ на 3 мѣсяца, и то все отдано будетъ сродичамъ его.—Напередъ дано будетъ кормовыхъ денегъ на 4 мѣсяца, а выварачивать тѣ деньги, какъ выше сего. Да въ подарокъ 50 гулденъ, и тѣ деньги принялъ онъ у Давыда Бутлера, а Давыдъ Бутлеръ во исполненіе статей ручается, что по тѣхъ мѣстахъ паки его поставить въ Амстрадамѣ, кромѣ всякихъ харчей, и проторей и подводъ, какъ выше.

г) *Мейндерта Мандерстена*. «Быть ему въ товарищахъ Начальнаго ботсмана. О проторяхъ, какъ выше и подводахъ, кормовыхъ денегъ ряжено по 55 гулденъ Голландскихъ, 4 мѣсяца выварачивать, какъ выше, подарокъ 50 гулденъ. И тѣ деньги принялъ же у Бутлера.»

д) *Вигерта Полперса*. «Нанялся на 4 года на проторяхъ, какъ выше. Кормовыхъ денегъ ряжено на мѣсяцъ по 55 гулденъ, въ подарокъ дано будетъ 35 гулденъ, да напередъ кормовыхъ денегъ

на 4 мѣсяцы, а 4 мѣсяцы выварачивать, какъ выше. И деньги приняты у Давыда Бутлера. А въ прочихъ статьяхъ какъ выше.»

е) *Элиса Петерсона*. «Во всѣхъ статьяхъ какъ выше, корму по 55 гулденъ Голландскихъ, да въ подарокъ дано 35 гулденъ, а 4 мѣсяца напредъ, а выворачивать, какъ выше. И въ тѣхъ статьяхъ какъ въ прежнихъ.»

ж) *Корниліуса Корнилісона*. «Кормовыхъ денегъ ряжено по 60 гулденъ, напередъ дано за 4 мѣсяцы, вычитать какъ въ прежнихъ. Въ подарокъ дано 50 гулденъ. Въ прочихъ статьяхъ какъ выше.»

з) *Карстена Бранта*. «Ряда 55 гулденъ, въ подарокъ 45 гулденъ, напередъ 4 мѣсяцы, а вычитать какъ выше. И во всѣхъ статьяхъ какъ въ первыхъ.»

и) *Яна Янсена Струса*. «Корму ряжено по 60 гулденъ. Въ подарокъ дано (*). А въ прочихъ статьяхъ какъ выше.»

і) *Вилима Вилимса*. «Ряда по 60 гулденъ. Напередъ дано на 4 мѣсяцы корму, въ подарокъ 50 гулденъ. Въ тѣхъ прочихъ статьяхъ, какъ выше.»

к) *Корниліуса Брака, Якоба Трапена, Даниіла Корнелмса и Петера Арендсона*. «Корму имъ по 50 гулденъ, напередъ по 4 мѣсяцы, выворачивать, какъ въ первыхъ. Въ подарокъ каждому дано по 31 гулдена по 3 (**).» Договорныя записи пріѣхавшихъ прежде, съ фанъ-Сведеномъ: Гельта, обоихъ братьевъ фанъ ден-Стрекъ и Минстера, напечатаны въ *Доп. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 212—216.*

(³¹⁰) Тамъ же. 362—363.

(³¹¹) Проектъ Ботлера, найденный въ дѣлахъ, упомянутыхъ выше, въ пр. 309, заключается въ слѣдующемъ: «Вельми потребно сдѣлать судно морское полегче корабля, которое будетъ зело годно, чтобъ Хвалынское море очищать отъ воровъ и казаковъ, и то судно будетъ сдѣлано на образецъ каторги, какъ Венеціане противъ Турокъ имѣютъ.»

И то судно на подобіе каторги, зело потребно въ тихое погодье за непріятельми подъ берегами гнаться, потому что тому судну въ водѣ ходу будетъ на 5 или на 6 пядей, и тѣмъ вельми угодно въ рѣки всходить и всякіе пески объѣзжать.

Также та каторга вельми годна, какъ корабль, во время тихости плаваетъ и корабль отъ непріятелей оберегаетъ и во всякихъ прилучающихся нуждахъ людей съ корабля на берегъ перевозить и непріятелю всякую škodu чинить. А на той каторгѣ бываетъ 36 весель и косою парусъ, а гребцамъ мочно быть, какъ въ иныхъ

(*) Что дано въ записи не означено.

(**) Слѣдовавшаго за этимъ слова недостаетъ.

Государствахъ, полоненникамъ и всякимъ ворахъ, которыхъ сажати у каждого весла по 4 человекъ, и скованы бывають на долгихъ цѣпяхъ. Также потребно *баркантинъ или стругъ*, которой будетъ 7 сажень, на немъ съ 20 веселъ, на которомъ будетъ 6 или 7 малыхъ пушечекъ, ядро въ одинъ фунтъ, которымъ судномъ мочно съ тою именованною каторгою за непріателемъ гнаться и тому всякую škodu учинить». — Проектъ Виніуса, напечатанный въ *Доп. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 404—405*, содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Примилостивымъ Государемъ Герасиму Семеновичу Дохтурову, Лукьяну Тимофѣевичу Голосову, Еѣиму Родионовичу Юрьеву объявляетъ и извѣщаетъ Андрюшка Виніусъ. Подалъ вамъ государемъ корабельной капитанъ письмо, въ которомъ пишетъ, чтобъ въ тѣмъ кораблямъ, которые слѣланы вновь, учинить для ходу на морѣ и остреганія тѣхъ кораблей на морѣ судно на подобіе каторги съ веслами: и то письмо переведши пришло мнѣ на мысль, кака потребность и надобье въ устроеніи не токмо единого, но и многихъ катаргъ для морскаго ходу належить; не могъ сіе по должности своей необъявлено оставить великихъ ради надобныхъ причинъ, лежащихъ не токмо къ великой прибыли великаго государя казнѣ, но и къ болшимъ пожиткомъ и корысти великаго государя подданнымъ. А чѣмъ каторги лутче на Хвалынскомъ морѣ караблей и кака прибыль отъ того великаго государя казнѣ можетъ быть, являютъ сіи статьи послѣдственныя: 1) Такіе катарги по свойству того Хвалынскаго моря лутче и пригоднѣйше караблей тѣмъ, что то морѣ глубостію не какъ Океанъ, и того ради во время бури валы ходять не таковы велики, какъ на Океанѣ, но часты, и тѣмъ кораблю чинится великая škoda, а тою катаргою мочно угрести; и тому свидѣтельство: какъ Голстинскіе послы въ прошлыхъ лѣтѣхъ поѣхали на кораблѣ въ Персиду, и тогда на морѣ корабль ихъ разбило. 2) Какъ бываетъ на морѣ погода и вѣтръ противенъ, и тогда караблемъ не токмо впередъ бѣжати невозможно, но бываетъ и назадъ отбиваетъ, а во время безвѣтрія, кораблю впередъ плыти не возможно, но шатается всегда въ однѣхъ мѣстѣхъ; а катаргою и во время противнаго вѣтра или безвѣтрія спѣшно мочно впередъ плыти, а во время добраго вѣтра парусомъ не тише карабля бѣжить. 3) Караблемъ вверхъ по великой рѣкѣ ѣхать не возможно и впереди видя воровъ нетакъ мочно škodитъ, какъ съ катарги: потому что катаргою по великой рѣкѣ всходить и воровъ впереди видя мочно по тѣхъ изъ великихъ пушекъ, которые бывають у катарги на носу, стрѣлять и škodитъ, также и на морѣ, не допуская до себя непріателя, мочно по тѣмъ стрѣлять же. 4) Корабль во время безвѣтрія поворотиться вскорѣ не можетъ, а какъ непріатель

наступить, то хотя на немъ и пушекъ много, не такъ противится можетъ какъ каторга, потому что каторгою великой скоростію за непріателемъ мочно гнаться, и гоня стрѣлять и отбѣжать спѣшно, по времени смотря. 5) Всякихъ воровъ и бусурманскихъ полоняниковъ мочно на катарги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобъ не разбѣжались и зла не учинили; и чѣмъ такимъ ворами и полоняникомъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, хлѣбъ тунѣ давать, и они бѣ на катаргахъ хлѣбъ зарабатывали, а иныхъ воровъ, по дѣлу смотря, мочно посадить на 5 и на 6 лѣтъ и болши, а иныхъ, которые достойли смерти, и на вѣкъ по обычаю иныхъ государствъ. 6) А къ строенію тѣхъ катаргъ въ Московскомъ государствѣ всякіе къ тому запасы изобилны есть, лѣсъ, пенекъ, желѣза, смола, пушки, порохъ; а въ иныхъ земляхъ мало не все то покупаютъ изъ иныхъ государствъ — 7) А прибыли мочно быть великаго государя казнѣ въ строеніи такихъ катаргъ много, потому что тѣ катарги гораздо лутче бусъ крѣпостію, обороною и поспѣшеніемъ въ ходу; и великими бури тѣхъ не будетъ разбивати, какъ бусъ разбиваетъ часто, и тѣмъ великіе богатства погибаютъ, и отъ того великаго государя подданнымъ и иноземцамъ чинится великое разореніе, а инымъ конечная нищета бываетъ; да сверхъ того катарга поспѣшнѣе переходити будетъ къ сугубой прибыли великаго государя казнѣ въ сборахъ таможенныхъ. 8) Всякіе люди Рускіе и иноземцы увидя, что въ такихъ судехъ имъ по морю съ товары своими ходить нетокмо отъ воровъ не опасно, но и отъ морскаго потопленія бережнѣе и въ пути поспѣшнѣе бусъ, склонность будутъ имѣти къ простиранію своего торговаго промысла. 9) Нетокмо съ Персидами, но и съ иными народы облегающихъ вокругъ того моря, гдѣ тѣ катарги будутъ приходить, мочно въ пристанищахъ промыслъ торговой учинить, и въ верховые города съ катаргами, будетъ рѣки великіи, ѣхать: и то прибыли великаго государя казнѣ, а торговымъ людямъ пожитокъ. 10) Тѣ катарги учинить мочно казною великаго государя, и тѣми всякихъ купеческихъ Рускихъ людей и иноземцовъ съ товары ихъ перевозить въ которые страны похотятъ, а за то имать съ нихъ въ таможенную избу съ товаровъ лишнюю пошлину; и тѣмъ они съ своими товары будутъ сохранены, а великаго государя сбору таможенному прибыль. — 11) А будетъ сыщется рѣками великими путь въ Индѣю и промыслъ торговый учинится, то самая великая прибыль великаго государя казнѣ и Московскому государству имать быти. 12) Хожденіемъ тѣхъ катаргъ мочно нетокмо великіе промыслы съ окрестными государствами чинить, но и воровъ всякихъ съ моря очищать, которымъ отнюдь появиться будетъ не возможно, потому что тѣхъ нетокмо на морѣ,

но и въ рѣкахъ великихъ мочно догонять и разорять. 1) Всего потребнѣе, что такими катарги въ Московскомъ государствѣ промыслъ торговой умножится, великаго государя казнѣ сбору прибыль, отъ воровъ великая оборонѣ и помочь и къ пожитку купетскихъ людей, которые какъ будутъ богатые, то великаго государя казнѣ прибыльняе. Сіе объявляя быю челомъ вашей пречестности, чтобъ гнѣва своего на меня за се не имѣли, что изъявляю такіе дѣла, которые на меня не положены, но своими высокими разумы изволте разсудить, и еще годно, то великаго государя доложите, еще жъ негодно, мою непристойную дерзость простить изволте.

(⁵¹²) Въ дѣлахъ, упомянутыхъ выше, въ пр. 309. «Да въ нынѣшнемъ во 177 году въ Посольскомъ Приказѣ корабельной капитанъ Давыдъ Бутлеръ подавъ Хвалынскому морю чертежъ на параминѣ да карабленому строю письмо на Галанскомъ языкѣ и въ переводѣ съ письма написано: Статьи правильныя, противъ которыхъ достоитъ всякимъ корабельнымъ капитаномъ, повелителемъ или начальнымъ корабельнымъ людямъ примѣнитися, будучи въ службѣ у Кесаря, у Короля и у Князя или у инаго потентата, которое по чину обѣ нихъ прилѣжно достоитъ исполнено быть.—Достоитъ ему, яко начальнику людей своихъ, которые будутъ въ его вѣдомствѣ, начальныхъ и солдатъ и прочихъ работныхъ людей въ добромъ строиствѣ имѣти, чтобъ единомысленно въ кораблѣ быть и подобаетъ же ему печися о людскихъ кормѣхъ; а кормовыя деньги ему помѣсечно выдаваны будутъ. И о всемъ доброе остерегательство имѣти, чтобъ ничто въ корабляхъ даромъ издержано не было, особножъ смотрѣти на ружье и на воинскіе прочіе запасы и прочее все что къ кораблю належитъ. И сіе и послѣдственныя статьи исполнять.—1) Когда капитанъ съ корабля сойдетъ, тогда достоитъ ему приказати и оставить вмѣсто себя на кораблѣ иного, который пребудетъ вмѣсто его, пока онъ будетъ.—2) Невольно будетъ никакому начальному чловѣку работному и солдату, кто ни есть, на берегъ, или куды ни есть съ корабля сойти, токмо съ позволеніемъ капитана. А будетъ капитана на кораблѣ нѣтъ и кто на берегъ, или куды съ корабля похочетъ, и тому позволеніе просить у того, кто вмѣсто капитана на кораблѣ остался.—3) Также не вольно будетъ корабельщику, ни кормщику, или кто ни есть, якорь поднимать и переходить на иное мѣсто, токмо съ нарочнаго позволенія капитана, или отъ его полномочнаго оставленнаго.—4) Также корабельщику, ни кормщику не вольно будетъ шествіе перемѣнять, но долженъ будетъ о томъ нарочно капитана спрашивать.—5) Будетъ капитанъ благо быти обрящетъ шествіе свое премѣнити, или якорь опускати, шнякъ выставити, то его повелѣніе вскорѣ послѣдствовано будетъ.—6) Будетъ на

морѣ увидятся пѣски, камени, корабли, то долженъ будетъ корабельщикъ, или кормщикъ, въ чей сторожѣ то учинится и увидится, немедленно капитану сказать, чтобъ вскорѣ совѣтъ учинить, что къ тому потребнѣе дѣлать.—7) Будетъ капитанъ усовѣтуетъ что напустить на корабль или иное судно, что въ морѣ увидится, и тотъ его совѣтъ вскорѣ послѣдствованъ будетъ.—8) Будетъ капитанъ уразумѣетъ, что то непріятельской корабль, то каждое въ строиствѣ уготовлено будетъ и всякъ въ своемъ строиствѣ долженъ стать койждо въ своемъ мѣстѣ, гдѣ кому приказано.—9) Никтожъ да не отступитъ отъ своего мѣста, подѣ великимъ наказаніемъ.—10) Какъ капитанъ намѣренъ будетъ удариться боемъ на которой корабль, тогда корабельщику, кормщику, начальнику ботману, пушкарю и прочимъ начальникомъ должно будетъ вспомоугати, чтобъ все въ доброе строиство привести, и все бы добро и урядно шествованіе имѣло.—11) Также койждо готовъ къ бою будетъ и никто дерзнетъ стрѣлять на непріятеля, точію съ повелѣнія капитана.—12) Никтожъ да дерзнетъ отъ непріятеля отвращати и никтожъ осмѣлится своихъ отъ битвы отговаривать, или людей отъ смѣлости приводить на робость, подѣ великимъ запрещеніемъ.—13) Будетъ обрящеть капитанъ благо бытъ непріятеля отступитъ, и то все порядкомъ и строиствомъ учинено будетъ. — 14) Будетъ же капитанъ пригодно увидитъ непріятельской корабль взять, тогда корабельной поручикъ съ своими солдаты, немедля, долженъ на непріятельской корабль скочить и всяко радѣть, чтобъ тотъ корабль подѣ свою мочь привести.—15) Когда съ какимъ кораблемъ въ битвѣ бытъ прислучится, тогда корабельному порутчику повремени должно сойти подѣ палубы, и тамо осмотрѣть, какъ чинится, и о томъ корабельщику возвѣстить, чтобъ во время нужды способъ въ томъ учинить.—16) Бude корабельщикъ устроить зажигательной корабль, или зажигательное какое устроеніе, что непріятелю тѣмъ шкоду (*) учинить, и тому, котораго капитанъ годно къ тому дѣлу обрящеть, готову и послушливу бытъ на то, что, по дѣлу смотря и его за то подарить чѣмъ доведется.—17) Будетъ усовѣтуется на непріятельскіе корабли въ устьяхъ рѣчныхъ или на ихъ городки удариться, имъ чиня шкоду, или усовѣтуется сухимъ путемъ куды войною идти, и кождо долженъ къ тому дѣлу будетъ.—18) Во всякое время когда возможно бытъ, и капитанъ удумаетъ шнякъ въ которое мѣсто для какова дѣла послать, или для отвѣдыванія глубины мѣстъ, или на берегъ, и каждому немедля, во всемъ бытъ послушливу.—19) Вѣтромъ и бурею, или иною какою незгодою, на песокъ

(*) Шкода, съ Польскаго *Skoda*—вредъ, потеря, уронъ, поврежденіе.

нанесетъ и принужденно будетъ деревья рубить и снасти рѣзать, и то съ позволенія капитана учинено будетъ.—20) Въ такомъ несчастіи, чего Богъ да сохранить, корабль обрящется, должно будетъ корабль не покидать или на берегъ напустить или на шнякъ уходить съ корабля, развѣ съ позволенія корабельщика, а капитанъ должно будетъ о кораблѣ промыслъ чинить сколько возможно.—21) Должно будетъ корабельщику, или кормщику, капитану извѣщать обрѣтенное высоту полуса и свою записную *корабельное хожденіе* книгу и книгу *морскаго ходу* показывать, чтобъ налучше усовѣтывать къ сохраненію корабля и людей.—22) Пушкарю должно остерегательну быть о порохѣ, чтобъ никто близко пороховой казны съ огнемъ или трубкою табашную не ходилъ и надъ ружьемъ доброе бы разсмотрительство имѣлъ и чтобъ заряды всегда готовы были и всебѣ было чисто.—23) Также начальнику ботсману должно остерегательство имѣть на всякое канатное дѣло и веревки и корабль бы всегда былъ высмоленъ и вымазанъ и деревья и чтобъ веревки къ большимъ канатомъ въ готовности были.—24) Каждой долженъ будетъ чинъ свой исправляти со всякимъ усердіемъ и повелѣніе своихъ начальниковъ слушати.—25) Никтожъ да дерзнетъ клястися, или имя святое Божіе туне именовати.—26) Никтожъ дерзнетъ инаго угроживать, или драться ножомъ, или инымъ какимъ оружіемъ на кораблѣ или за кораблемъ и самому собою не управлятися; но о томъ жалобы доносить капитану на того, кто его избидить.—27) Никтожъ да осмѣлится на берегу ночевать, точію съ позволенія капитана.—28) Никтожъ на кораблѣ дерзнетъ упиться допьяна.—29) Кто сіи статьи преступить, наказаніе примѣтъ, по дѣлу смотря, въ почитаніе капитана.—30) Будетъ кто учинить измѣну, или иную какую тяжкую вину, и капитану того имѣти въ крѣпкомъ заключеніи и къ берегу приставъ, отдать судьямъ.—31) Капитану должно будетъ людей учить владѣть оружіемъ.—32) Капитанужъ должно учинить присягу вѣрнаго служенія, что ему корабль врученной непріятелю не отдать, а буде увидитъ что корабль сохранить и унести невозможно, и ему лучше корабль зажечь или потопить, чтобъ тѣмъ непріятелю укрѣпленіе не было.—33) Капитанужъ достоинъ добрымъ образомъ своихъ предшествовать, ихъ наговаривая вѣрности и смѣлости.—34) Также всѣмъ людямъ, которые на кораблѣ, учинить присягу, что имъ быть вѣрнымъ и послушливымъ."

⁽³¹³⁾ Доп. къ Актъ Ист. Арх. Комм. V. 264—265.

⁽³¹⁴⁾ Тамъ же. 264.

⁽³¹⁵⁾ Тамъ же. 267—273. За день до вторичнаго представленія Государю, Ботлеру и его товарищамъ посланы были, отъ Царского

имени: «2 колача крупичетыхъ по 2 лопатки колачь, 2 колача толченыхъ, 3 кружки вина двойнаго, вердо меду вишневого, ведро меду малинового, ведро меду обарного, 2 ведра меду паточного, 5 ведръ меду цѣженого, 5 ведръ пива ячного, ведро вина, 7 ведръ пива, меду тожъ, 40 хлѣбовъ ситныхъ двуденежныхъ, 40 саякъ двуденежныхъ, 3 борана живыхъ, полстыга говядины, 3 гуся, 3 утятъ, 3 тетерева, 10 куровъ, 2 зайца, 100 яицъ, 10 гривенокъ (фунтовъ) масла коровья.»

(³¹⁶) Тамъ же. 273—274.

(³¹⁷) Тамъ же. 267.

(³¹⁸) Тамъ же. 273—277.

(³¹⁹) Тамъ же. 273.

(³²⁰) Тамъ же. 276—277.

(³²¹) Тамъ же. 278. Янъ Янсенъ Стрейсъ, служившій подъ начальствомъ Ботлера, паруснымъ мастеромъ, и издавшій въ свѣтъ описаніе своихъ путешествій, говоритъ, что суда отправились изъ Дѣдинова 12-го Мая. Это, ни по новому, ни по старому стилю, не подходитъ подъ число (7 Мая), показанное въ донесеніи Полуектова, которому тѣмъ болѣе должно вѣрить, что у Стрейса нѣкоторыя числа явно перепутаны. Стрейсъ (стр: 146) слѣдующими словами описываетъ путешествіе Голландцевъ изъ Москвы до Дѣдинова: «Nous nous embarquames dans un stroug, qui est un petit batiment de trente et deux tonneaux; nous descendimes le long de la rivière de Mosquereka et arrivâmes le lendemain à Colomna, qui est éloigné de quelques trente six lieux de Moscou par le chemin que nous fîmes et de dixhuit seulement par un autre, mais de très difficile à cause des neiges et de la glace. Le 6 nous entrâmes dans la rivière d'Occa. On ne voit sur cette route qu'un village nommé *Didenof* (Дѣдиново) ou *Gédino* (Дѣдиново) que nous laissâmes à droite, et arrivâmes sur le soir à notre vaisseau nommé *l'Aigle* par l'ordre de l'Empereur. Nous y fûmes reçu par M. M. Boukhoven et Stark, notre colonel et son lieutenant, qui nous y avaient précédés avec le maître du navire etc.... «Le 12-me nous patrimés de Didenof ou notre vaisseau avait été fait.»

(³²²) Дополн. къ Акт. Ист. Арх. Комм. V. 272. Здѣсь показанъ въ числѣ саръ Гаврило Петровъ, но это должно быть ошибка. По всѣмъ сохранившимся свѣденіямъ, такого лица никогда не поступало въ составъ экипажа Дѣдиновскихъ судовъ. Слова Стрейса (стр. 147): «Tout l'Equipage consistait en vint Hollandais» это подтверждаютъ; да и далѣе (стр. 185 и 186), описывая свой побѣгъ изъ Астрахани, онъ говоритъ о *Траппенъ*, вмѣсто котораго въ Доп. къ Акт. Ист. невѣрно показанъ *Петровъ*.

- (323) *Доп. кз Акт. Ист. Арх. Комм. V. 280—281.*
- (324) *Str. 147—164.*
- (325) *Тамъ же, картинка: «La ville d'Astracan.»*
- (326) *Доп. кз Акт. Ист. Арх. Комм. V. 269, 273, 278 и 279.*
- (327) *Бергъ, въ Царствованіи Царя Алексѣя Михайловича. I. 250,* говорить: «По Стрѣйсову рисунку видно, что корабль имѣлъ три мачты и 12 портовъ. Яхта была очень мала и обз одной мачтъ.» Вѣрнѣе можно предположить, что число пушечныхъ портовъ на Стрейсовомъ рисункѣ, по мелкости его, показано на обумъ. Что же касается яхты, представленной, на томъ же рисункѣ, впереди корабля, то трудно опредѣлить яхта—ли это, или боть, въ одно время съ нею и кораблемъ построенный? Изъ рисунковъ подобнаго рода слишкомъ трудно выводить заключенія.
- (328) *Доп. кз Акт. Ист. Арх. Комм. V. 269.*
- (329) *Тамъ же. 279*
- (330) *Тамъ же. 269 и 279.*
- (331) *Тамъ же. 279.*
- (332) *Тамъ же. 269 и 279.* Количество всѣхъ припасовъ, отпущенныхъ для корабля, яхты и прочихъ судовъ, со времени возвращенія Фанъ-Сведена изъ за-границы, можно видѣть въ упоминаемомъ здѣсь томѣ *Дополненій кз Акт. Ист. на стр. 218 220, 225, 232, 267, 270—271, 272, 274—276, 280—281, 282—283.*
- (333) *Кильбурьеръ 63.*
- (334) *Доп. кз Акт. Ист. Арх. Комм. 284.*
- (335) *Въ Актахъ Истор. Арх. Комм. IV. 374—435 и 482—496,* помѣщено дѣло о бунтѣ Разина и о его сообщникахъ.
- (336) Ботлеръ, въ своемъ письмѣ отъ 6-го Марта 1671 года, помѣщенномъ у Стрейса (*Str. 340*), называетъ построенное имъ судно *barque*, не приводя никакихъ дальнѣйшихъ подробностей.
- (337) *Struyis 184—187 и 342.*
- (338) *Тамъ же. 187—340 и 343 360.*
- (339) *Берхъ. Ц. Ц. Ал. Мих. I, 261:* «Разинъ взялъ также, по значительномъ сопротивленіи, военный корабль *Орелъ*, и сожегъ сей первый опытъ флота нашего.» Не знаемъ на чемъ основано это показаніе о сопротивленіи? Могло ли оно произойти, когда корабль былъ покинутъ всѣмъ экипажемъ?—Въ предисловіи къ первому изданію *Морскаго Устава Петра Великаго*, напечатанному, въ С. Петербургѣ, въ 1720 году, сказано: «Карабельное дѣло доселѣ у насъ такъ странное, что едва о немъ и слыхали. Сему доброхотному

Монарху (Царю Алексію Михайловичу) пришло на память, воспріять онъ намѣреніе дѣлать карабли, и навигацію на Каспійскомъ морѣ. И по неотмѣнному желанію Его Величества, вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давыдъ Бутлеръ, съ компанією мастеровъ и матрозовъ. Которые сдѣлали карабль, именемъ Орелъ, и яхту или галіотъ на *Волгѣ рѣкѣ въ Дѣдиновѣ*, и сплыли въ Астрахань. Но непостіжимыми судьбами Божіими, пресѣклось дѣло оное таковымъ случаемъ: забунтовалъ въ то время Разинъ, и въ нашествіи своемъ на Астрахань, какъ иныя многіе вреды сдѣлалъ, такъ и суды оныя, яко противникъ всякаго добра, разорилъ и капитана убилъ, а прочіе ушли въ Персиду, и оттолъ въ Индійскую компанію. А двое изъ нихъ, лѣкарь иванъ Термунтъ, да карабелной плотникъ и констapelъ Карштенъ Брантъ, по усмиреніи бунты возвратились къ Москвѣ..... И хотя намѣреніе отеческое не получило конца своего, однакожъ достойное оно есть вѣчнаго прославленія: понеже и довольно намъ являетъ, каковаго духа былъ оной Монархъ, и отъ начинанія того, яко отъ добраго сѣмене произошло нынѣшнее дѣло морское.» Здѣсь вкрались три невѣрности: 1) Дѣдиново находится не на Волгѣ, а на Окѣ; 2) Бутлеръ не былъ убитъ Разиньинъ, и 3) Брантъ не былъ карабелнымъ плотникомъ. Онъ имѣлъ званіе товарища карабелнаго пушкаря, и поэтому, вѣроятно, въ предисловіи къ уставу названъ констapelемъ, что прежде означало у насъ первый офицерскій чинъ въ морской артиллеріи.

(³⁴⁰) Проектъ этотъ, въ современномъ переводѣ, хранится въ Главномъ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Приказныхъ дѣлахъ 1672 года, св. № 407, подъ заглавіемъ: «Проектъ, представленный Царю Алексію Михайловичу иноземцемъ Яномъ Вегрономъ, о заведеніи въ Россіи карабелнаго дѣла для заграничной морской торговли, разныхъ фабрикъ и мануфактуръ. Около 7180 (1672 года).» Подлинника, равно какъ и какихъ либо свѣдѣній о Вегронѣ, въ дѣлахъ архива не найдено. Содержаніе проекта, начала котораго недостаетъ,—слѣдующее:

1-я статья. «Есть подлинно, что нѣчто есть, отъ чево Монарху такое великое богатство чинитца можетъ, какъ отъ морского промыслу; и тако же и то, что ни единъ во всей вселенной есть, чтобъ такими малыми проторми такое множество караблей мочно велѣть дѣлать и содержать какъ Его Величеству мочно, потому что его земля обилна и слишкомъ имѣетъ лѣсу, пенку, желѣзо, смолу черную твердую, и смолу жидкую судовую и иныя такіе товары, которые къ морскому ходу годны.—А прибыль, которая Его Величеству отъ того можетъ быти, есть то, что буде онъ изволить, и ему ежегодъ мочно устроить по 100-ту караблей; и будетъ изволить ихъ

продовати Веницѣнамъ, и Португѣнамъ, или Француженамъ, и ему мочно за то имѣти за все про все. за всякой корабль, по 10,000 рублевъ, а за 100 кораблей, по смѣтѣ, 60 бочекъ золота по Галанской цѣнѣ (*). А будетъ Его Величества изволеніе будетъ болшую прибыль отъ того имѣти, и ему изволить тѣ корабли къ своей прибыли велѣть держати, что на нихъ посылати товары, которые въ его земляхъ родятся, во иные земли, и оттоля назадъ велѣть привозити все то, что въ его земляхъ годно, какъ есть имяны. Будетъ Его Величество изволятъ послать въ Кѣнарѣйскую землю корабли. здѣсь нагрузятъ беременныхъ бочекъ съ дубовыми досками,—и противъ того имѣти будетъ, на мѣну, испанского питья винъ, сахару, лимоны, сахарные и паточные овощи и иные такіе диковины.—А будетъ изволятъ послать во Итальянскую землю, во Флоренцѣ, въ Геней, въ Неаполимъ и въ Венецію: смолу, пенку, ленъ, золу, ювти,—и Его Величеству противъ того назадъ будетъ шолкъ, золото, серебро и драгоценныя вещи.—А будетъ въ Португалскую землю изволить послать: конаты, парусы, смолу черную и смолу судовую, чѣмъ корабли смолятъ, и лѣсъ на корабельное строеніе, или корабли сдѣланные,—и ему противъ того назадъ, на промѣну, будетъ жемчугъ, золото, серебро, и пряные зелья.—А изъ Французской земли противъ золы, и противъ ювтей, и черной смолы, и корабельной смолы и противъ иныхъ такихъ товаровъ здѣшныя земли, мочно назадъ привести всякіе Сурожскіе товары: золото, серебро и все то что какую диковину вымыслить мочно.—А будетъ Его Величество тѣхъ товаровъ слишкомъ привести велитъ бо́льши того, нежели въ его земляхъ надобно будетъ, и тѣ товары разсылать мочно по разнымъ пристанямъ: въ Датскіе, въ Свѣйскіе, въ Померское, въ Амбургское, въ Любское, въ Ростокское, во Гданское, въ Королевское, въ Ригское и въ Ругодивское пристанищи, и двойную прибыль имѣть: и противъ того всякіе товары, которые годны, сюда привести.—И сіе есть прямая мѣра, чѣмъ въ сію землю привести столько богатства, какъ помыслити мочно и сподобится многими и великими диковинами немѣрно отмѣнными добрыми лошадьми изъ Барбарійскіе земли и Неапольскими бѣгуны, Испанскими жинцы и Англійскіе земли гилдины сами (?) и лошадми, изъ Французской и изъ Цесарскіе земли, чтобъ тѣмъ украсить прекраснѣйшую и отмѣнную конюшню всей селенной.—И будетъ Его Величество изволятъ послать въ Бразильянскую землю и въ Индѣйскіе земли съ португѣнами торговати, и оттоля ему отъ златыхъ и сереб-

(*) Въ подлинникѣ перевода на полѣ выноска: А Галанская бочка золот 20,000 рублевъ.

ряныхъ рудокопныхъ горъ руды, и жемчюгъ, и каменья, и сандалъ, и перецъ, и мушкаты, и корицу, и всякіе пряные зелья и аптекарскіе товары, о которыхъ помыслити мочно, мочно имѣти. И сами Португужаня ради будутъ о такой мѣрѣ, потому что они многое время отъ Галанского мучительства потѣснены.— А будетъ Его Величество изволить свои карабли послати въ Китайское государство, въ Хину, для скляношнихъ сосудовъ, и для мелкого жемчугу, и для золота, и серебра, и для всякихъ розныхъ пряныхъ зелей, и дерева, разныхъ красокъ, и для слоновяго зубья и для многихъ иныхъ диковицъ, на обмѣнъ противъ карабля. — А сверхъ того есть подъ Его Величества областью, въ Сибирскихъ странахъ, земля прозвана *Гронландъ* (*), куды приходятъ разныхъ земель люди Французаня, Шпанскіе, Галанцы, Датченя, и иные ежегодно туды ходятъ, для китовой ловли; и тѣ люди отъ того неизреченную прибыль имѣютъ. А будетъ Его Величество изволить послать 10 караблей для тое ворвани, и будетъ прибыли на всякой карабль, на годъ болши 10.000 ефимковъ. — А какъ Государь изволить, велить *строить карабелное дѣло* и вѣлитъ мнѣ *выбрать лѣсъ*, каковъ годенъ къ карабелному дѣлу и надобно: карабелные конаты, и веревки и парусы, да надобно для того дѣла карабелной мастеръ и работные люди, чтобъ совсѣмъ карабль изготовить, какъ плыть на водѣ. А для карабелныхъ канатовъ къ дѣлу изволилъ бы Государь дати *тюремныхъ сидѣльцовъ*, которыебъ были дюжи, и тѣ люди пригодятся на карабли работать, — и для того то дѣло будетъ не въ болшихъ проторяхъ. И мнѣ мочно показать Его Величеству, что мнѣ морское дѣло за обычей, потому что прежь сего въ разныхъ мѣстѣхъ приказаны мнѣ были мѣста карабелные и былъ надъ ними капитаномъ и адмираломъ».

2-я статья. «А какъ выберу лѣсъ, каковъ годится къ карабелному дѣлу, а остатки отъ карабелнаго дѣла, и бочяшныя доски дубовыя и отъ коры-дубъ на кожи, да парусное дерево, и такіе товары годны въ иные земли вывозить, а отъ досталнаго отъ усѣчковъ и щѣпъ годно жечь золу, и поташъ, и шмалчюкъ и велкашъ, и отъ той золы будетъ великая немѣрная прибыль. А по смѣтѣ, какъ Государь изволить накинута на 100.000 крестьянъ по бочкѣ золы готовить, и тѣми людьми прибыли будетъ 100 бочекъ золота, а въ бочкѣ золота, по смѣтѣ 50.000 рублей на всякой годъ. А какъ тое золу отвезти въ тѣ мѣста, гдѣ та зола надобна,

(*) Въ подлинникѣ на полѣ выноска: «Новая земля».

и противъ того много товару привести, которой здѣсь годенъ, на обмѣну, и отъ тѣхъ товаровъ будетъ прибыли другая 100 бочекъ золота. И тѣмъ обычаемъ у одной золы 200 бочекъ прибыли будетъ».

3-я статья. «А буде Его Величество укажетъ, что за Русскіе товары, за Русскіе кожи, за золу, за парусное деревья, за бочешные доски, за сало говяжье, за сало ворванное, за варъ, за смолу, за пенки, за лѣсъ, за медъ, за воскъ и за всякую мягку рухледь назадъ привести изъ Оеронскіе, изъ Шпанскіе, изъ Алжерскихъ городовъ шолку: и въ тѣ поры мочно призвать мастеровыхъ людей ремесленныхъ бархотного дѣла, которымъ бы мочно дѣлать бархатъ золотой и серебряной, и олтабасъ, и всякое бархатное дѣло, и бархатной панъ, и камку, и отласъ и обьяри золотые и серебряные участки. И тѣ мастеровые люди Русскихъ людей научатъ тому мастерству, и отъ того Государю будетъ самая болшая прибыль, А тѣ товары ему Государю достанутся не въ дорогой цѣнѣ, и мочно ему Государю перепустить за своими обиходы, въ иные земли къ суседству недорогою цѣною, подешевлѣ Нѣмецкихъ; потому что товары въ пяти или во шти рукахъ перебываютъ, покамѣста они здѣсь станутъ».

4-я статья. «А потомужъ, что иные люди карабли свои грузятъ каменемъ и пескомъ, и въ Его Величество карабли мочно въ то мѣсто класть бѣлой и черной мармеръ камень, и азпидъ и алебастръ, и оормуръ и иные такіе диковины, имаючи ихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ обрянутъ. А для розстиранья, и ровнянья и лицо наставлятъ (полируютъ), мочно держать тѣхъ людей, которые въ тюрьмахъ и въ поиманьяхъ хлѣбъ даромъ ядятъ. И такимъ обычаемъ мочно самыми малыми прѣторми устроить такіе украшенные дрогоценныя полаты и теремы, что никакѡвъ монархъ во всей вселенной лучши того имѣти не можетъ».

5-я статья. «А потому что здѣсь на Руси животины и овецъ много, и какъ Его Величество изволить, и мочно призвать *суконного дѣла мастера и красильника и ковернаго дѣла мастеровъ*, которые узоры на коврѣхъ человѣческіе дѣлаютъ, и ненадобно будетъ впередъ покупать у иноземцевъ никакіе товары, ни сукна, ни узорное дѣло; но у такого заводнова дѣла мочно выслать товаръ изъ земли въ иные земли, гдѣ пригоже, для корысти и прибыли болшой. И то мошно, какъ изволить Государь призвать *скляничнаго и зеркальнаго дѣла* и которые заводятъ разныхъ цвѣтовъ скляницы и ко-

торые позолоченные кожи дѣлають, и надобно хотя по одному мастеру всякого дѣла, для ученья Рускихъ людей; а отъ тово Его Величеству прибыль будетъ великая. И Его Величество тѣмъ обычаемъ учинить сосѣдемъ своимъ великую пріятность, потому что ему тѣ товары посылать мочно къ нимъ по дешевой цѣнѣ передъ тѣми, которые привозятъ изъ далнихъ мѣстъ товары, которые сами дорогою цѣною покупали. А ему Государю всегда прибыль будетъ».

6-я статья. «Для запасного карабелного заводу надобно было досокъ немало; а какъ будетъ терть пилою, людей много надобно. А будетъ Государь изволить и укажетъ мнѣ заводить мельницу водную и вътрреную, и всякая мельница учнетъ терть по 15 и по 20 досокъ вдругъ, не токмо что на карабелной обиходъ, но и мочно тѣхъ досокъ послать въ иные земли продавать. А привозить лѣсъ карабелной надобетъ до первой рѣки, а у рѣки доспѣть плотъ и гнать до устья карабелного».

7-я статья. «Какъ изволить Его Величество и укажетъ мнѣ, я и присмотрю мѣста, гдѣ доведется карабелной заводъ заводить, и конаты карабелные и парусы дѣлать. А укажу лѣсъ, которой годенъ и кой негоденъ на парусное деревье и на дубовые брусья, и перечнемъ сказати: укажу, которой лѣсъ на золу годенъ и укажу, какъ вывозить всякіе товары карабелного строенія на заводное мѣсто, и укажу что на всякомъ мѣстѣ какова надобного запасу добыти мочно и также укажу надобные снасти, чѣмъ болшіе канасы якорные дѣлать и также укажу какъ пеннекъ прять и патруные холсты дѣлать. А что про ленъ, и надобенъ указать, какъ такую пряжу прять, чтобъ изъ нее такіежъ добрые полотна ткать, какъ и въ Галанской землѣ изъ таковажъ льну дѣлають. И ко всему тому иного ничево болше того ненадобно, но чтобъ Его Величество изволилъ приказать, чтобъ мнѣ послѣ того, какъ Богъ меня принесетъ во крещеніе Російскіе вѣры, высмотрѣть и обыскать мѣста, на которыхъ пригоже карабли строить и запасы тому заводу готовить. И я потомъ совсемъ болшимъ тѣчаніемъ, сколько возможъ, подлинно и праведно объявлю про все то, что я увижу и примѣчу, чтобъ мнѣ Его Величества подлинно мочно обнадежити обо всѣхъ мѣрѣхъ сего дѣла, какова великая прибыль сего вымыслу быти можетъ, и въ сколько времени тѣ карабли мочно сдѣлать, и какой плодъ и прибыль отъ того быти можетъ. А мнѣ мочно нынѣшнюю зимою изготовить нѣкоторые карабелные грузы къ будущей веснѣ; почему Его Величеству явственно будетъ знатно правду тѣхъ прибылей, которые симъ моимъ объявленіемъ учиниться мо-

гуть и въ семь и во всѣхъ иныхъ дѣлахъ, вчемъ мнѣ мочно будетъ вымыслить нѣкоторые остроумные вымыслы про Его Величества, и я всегда буду радѣть и работать, чтобъ оказать, что я всякими мѣрами ищу достойну быти имяни Его Величества подданныйшимъ холопомъ». Подписано: «Янъ Вегронъ».

Viskovatov, Aleksandr Vasil'evič,

Kratkij istoričeskij obzor morskich pochodov russkich i morechodstva ich
voobšče do ischoda 17 stolětija

Sanktpeterburg 1864

A.hydr. 1549 q

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10060352-1